

Министерство образования Московской области
ГАОУ ВПО «Московский государственный областной социально-
гуманитарный институт»

В начале было Слово...

Коломенский фрилдак вчера и сегодня

Коломна
2013

УДК 378-(092)
ББК 74.583
В11

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским
советом МГОСГИ

Редакторы-составители:
И. Н. Политова, А. В. Кулагин

Оформление М. Я. Сорниковой

В11 В начале было Слово... Коломенский филфак вчера и сегодня / ред.-сост. И. Н. Политова, А. В. Кулагин ; Московский государственный областной социально-гуманитарный институт. – Коломна : МГОСГИ, 2013. – 171 с.

ISBN 978-5-98492-172-5

В сборник, выход которого приурочен к шестидесятилетию филологического факультета Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна), вошли очерки об истории и сегодняшней жизни факультета, а также воспоминания его преподавателей и выпускников.

УДК 378-(092)
ББК 74.583

*В оформлении обложки использована картина
Альфреда Стевенса «Молодая женщина с книгой» 1856 г.*

ISBN 978-5-98492-172-5

© ГАОУ ВПО «Московский государственный
областной социально-гуманитарный
институт», 2013

*Филологическому факультету МГОСГИ -
60!*

1 сентября 2013 года филологический факультет государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный областной социально-гуманитарный институт» (так теперь называется Коломенский педагогический институт) отмечает 60-летие.

Свою историческую летопись мы ведём с 1953 года, а не с 1939-го, как некоторые факультеты. Именно в 53-м году Коломенский учительский институт был реорганизован в педагогический. И первыми двумя факультетами были факультет русского языка и литературы и физико-математический. Если же говорить об истории филологического образования в Коломне, то можно вести отсчёт с 1944 года – с момента образования отделения русского языка и литературы в двухгодичном учительском институте. Поэтому филологический факультет МГОСГИ – действительно один из старейших факультетов вуза.

В преддверии юбилея мы задумали написать книгу о факультете, чтобы вспомнить былое и осмыслить настоящее. Чтобы вспомнить тех людей, которых уже нет среди нас, но которые живы в наших сердцах и в нашей памяти. Чтобы назвать тех, кто когда-то начинал свою преподавательскую и научную карьеру именно на нашем факультете. Чтобы написать о тех, кто трудится на благо факультета и института сейчас.

Назову деканов филологического факультета:

Глеб Артемьевич Шпеер (1953–1970)

Валерий Иванович Габченко (1971–1973)

Геннадий Владимирович Дагуров (1973–1977)

Василий Михайлович Наумов (1977–1982)

Александр Петрович Ауэр (1982–1987)

Анатолий Валентинович Кулагин (1987–1993)

Галина Витальевна Горбачёва (1993–1999)

Елена Геннадьевна Лысоиваненко (1999–2000)

Ирина Николаевна Политова (2000 – по настоящее время)

Изначально на факультете велась подготовка учителей русского языка и литературы. В 1999 году к основной специальности были добавлены четыре дополнительные специализации, одна из которых выбиралась абитуриентом: «Практическая журналистика», «Мировая художественная культура», «Литературно-художественная критика», «Литературно-лингвистическое краеведение». К сожалению, с переходом на двухуровневую систему высшего образования (бакалавриат и магистратура), мы не имеем возможности присоединять к основному профилю дополнительные (в стандарте бакалавриата такое явление исчезло).

В 1991 году на факультете возникает новое направление подготовки специалистов – музыкальное.

Специальность «Музыкальное образование» была открыта именно на филологическом факультете потому, что дополнительной являлась специальность «Русский язык и литература», позднее только «Литература». Так появилось название «музыкально-литературное отделение» филфака, или музлит.

К сожалению, несколько лет назад «музыканты» отказались от дополнительной специальности (сначала – от русского языка, а потом – от литературы), поскольку трудно обучаться одновременно по двум-трём специальностям, каждая из которых является далеко не простой. Прекрасная задумка – объединить в плане подготовки два направления, два вида искусства – потерпела «крах», но музыкальное отделение осталось в рамках факультета. И мы ничуть об этом не жалеем, потому что студенты музыкального отделения своими профессиональными концертными выступлениями, своими творческими идеями прославляют и факультет, и институт, причём нередко далеко за пределами нашего города.

Итак, сегодня факультет состоит из двух отделений: собственно филологического и музыкального. С 2011 года мы осуществляем набор по трём профилям направления подготовки «Педагогическое образование» (квалификация «бакалавр»): «Русский язык», «Литература», «Музыка».

Ныне ведём подготовку к лицензированию магистратуры по направлениям «Филология» (профили «Русский язык» и «Русская литература») и «Искусства и гуманитарные науки» (профиль «Музыка»).

В системе бакалавриата профили «Русский язык» и «Литература» могут существовать отдельно, и мы имели возможность их разделить, но по понятным причинам не стали этого делать, и потому по-прежнему филологический факультет готовит учителей русского языка и литературы. Несмотря на жёсткие и в чем-то даже жестокие требования нового стандарта (а мы, увы, зависим всецело от него), нам удалось сохранить традиционное филологическое образование. По-прежнему центральными дисциплинами являются «Совре-

менный русский литературный язык» и «История русской литературы». По-прежнему наши студенты изучают теорию языка, литературоведение, стилистику, педагогическую риторику, культуру письменной речи, устное народное творчество, историю зарубежной литературы, детскую литературу, основы библиографии, латынь.

Как и много лет назад, студенты филфака проходят фольклорную, диалектологическую практики, практику в летнем оздоровительном лагере (старшее поколение выпускников, конечно, помнит, что в советские времена лагеря назывались пионерскими и наши студенты-вожатые носили, как и их первые воспитанники, пионерские галстуки), школьную практику в средних, а затем в старших классах. Я так подробно все это перечисляю с той целью, чтобы выпускники давних лет, читая эту книгу, посвящённую также и им и задуманную и для них в том числе, вспомнили, какое это было «золотое» время. Мой курс, например (а я тоже выпускница нашего факультета), на фольклорную практику ездил в Озёрский район (это было в 1988 году). Проживали мы в оздоровительном лагере (туристической базе) пединститута. Часть студентов вместе с преподавателем каждое утро отправлялись собирать по ближайшим деревушкам фольклор: песни, частушки, прибаутки, сказания. А я входила в группу тех, кто под руководством Светланы Николаевны Чекаревой (тогда она возглавляла «Студенческий клуб») разучивал русские народные песни. Мы подготовили в то лето большую концертную программу песенного фольклора и выступили перед всеми студентами пединститута, отдохнувшими в лагере. Каждому курсу есть что вспомнить...

Последние десять лет многие наши студенты проходят фольклорную и диалектологическую практику в Зарайском районе. Здесь в селе Даровое – усадьбе детства Ф. М. Достоевского – расположен студенческий лагерь. Студенты не только собирают фольклор и изучают местный говор, но и восстанавливают усадьбу, участвуют вместе с историками в археологических раскопках, расчищают территорию. Об этих экспедициях подробно на страницах нашей книги расскажет профессор В. А. Викторович.

Было время, когда право написания выпускной научной работы предоставлялось далеко не всем, а только лучшим из студентов. Написание такой работы (она называлась дипломной) освобождало от одного государственного экзамена. Теперь же все студенты без исключения пишут выпускные квалификационные работы. Хорошо это или плохо, обсуждать на страницах этой книги не буду...

Еще двадцать лет назад выпускникам филфака, желающим продолжить своё образование и получить научную степень, приходилось ехать в другие вузы. Теперь и это для нас не проблема. Успешно функционирует аспирантура по трём специальностям: «Русская литература», «Литература народов стран зарубежья», «Русский язык». Немало своих выпускников защитилось в родном диссертационном совете при кафедре литературы.

...Студенческие годы – прекрасная пора. Это не только учебные занятия, зачёты и экзамены, курсовые проекты и практики. Это ещё и первые научные открытия, туристические походы, спортивные соревнования, факультетские и институтские праздники, викторины и конкурсы, поэтические и музыкальные вечера, концерты, поездки в литературно-

краеведческие музеи и заповедники, художественные музеи и галереи, театры.

Студенты филологического факультета ведут активную творческую жизнь. С удовольствием расскажу о жизни современных студентов-филологов.

Среди них немало по-настоящему талантливых молодых людей. Многие сочиняют стихи и пишут прозу. Желание общаться, делиться друг с другом своими творениями привело к созданию на филфаке поэтического кружка «Синекдоха». Присоединились к филологам и студенты других факультетов.

Организатором этого творческого объединения студентов-поэтов стала **Татьяна Ивановна Кондратова** – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы (а несколько лет назад ей ещё довелось довольно долго – больше года – замещать декана факультета). Прекрасный педагог, интересный человек, творческая личность. Она сама пишет стихи, прозу и драматургию. Несколько лет назад Т. И. Кондратова стала членом Союза писателей России. По инициативе Татьяны Ивановны и при её непосредственном участии проходят на филологическом факультете поэтические вечера и встречи с бардами, поэтами и писателями. А ещё она – организатор фестиваля авторской песни, поэзии и прозы малых форм «Господин ветер», который уже трижды проходил на территории Коломенского района.

Под руководством Татьяны Ивановны наши студенты выступали на поэтических площадках в различных городских мероприятиях. Неоднократно становились они не просто участниками, но и победителями творческих конкурсов.

Пять лет назад на факультете возникло творческое объединение студентов – театр мод «DEJA VU». Организатором и идейным вдохновителем этого уникального направления в досуговой жизни студентов стала тогда ещё студентка первого курса *Анна Козлова*.

Удивительно, что первые коллекции были сделаны с использованием самого обыкновенного... ватмана и цветной бумаги. Работы создавались в обычной комнате студенческого общежития.

Разнообразных форм головные уборы, потрясающие платья и костюмы студентки делали, что называется, своими руками. Каждая коллекция имела свою тему и название, продумывалась концепция её показа: музыка, фигуры и движения моделей. Показ коллекции всегда превращался в театрализованное представление. «Радуга», «Море», «Ромашки», «Дива» – как красиво и романтично называются коллекции!

В 2009 году ректорат подарил творческому коллективу швейную машинку. Теперь девушкам не нужно было на каждое выступление запасаться скотчем и степлером, чтобы костюмы не «развалились».

На протяжении последних пяти лет ни один факультетский праздник, посвящённый первокурсникам в начале учебного года и выпускному курсу в конце года, не проходил без показа новой коллекции.

Коллекция «Ромашки» настолько полюбилась зрителям, что девушек стали приглашать выступать на различные институтские и городские мероприятия, а также на мероприятия областного уровня.

С коллекциями модной одежды студентки выступали на различных конкурсах. Коллектив «DEJA VU» дважды становился победителем фестиваля «Студенческая весна Подмосковья» (в 2010 году театр мод взял первое место с коллекцией «Джаз», а в 2011 году – первое место с коллекцией «Зима»). Выходил коллектив и на всероссийский уровень, выступив на фестивалях «Паруса надежды» и «Фестос». И здесь девушки одержали победу.

В прошлом году Анна Козлова окончила филфак и уехала из Коломны. Но её замечательный проект продолжают студенты младших курсов. Театр мод на филфаке по-прежнему живёт и процветает. Теперь его возглавляет студентка Татьяна Захарова.

Студентов филфака всегда отличают отзывчивость, доброта и милосердие. Они умеют не только создать творческую атмосферу у себя на факультете, но и дарить людям радость. Вот уже несколько лет наши студенты шефствуют над Домом-интернатом «Ветеран», где выступают с благотворительными концертами 8 Марта, в День пожилого человека, на Новый год, проводят экскурсии, оказывают помощь в уборке территории интерната. Кстати, филфаковский театр мод, о котором я рассказывала выше, не единожды выступал в «Доме ветеранов». Организатор выступлений студентов перед ветеранами – выпускница 2013 года Мария Лобанова.

Студенты филфака активно участвуют в волонтерском движении. Например, в 2007 году мы были задействованы в общегородских мероприятиях, посвящённых общероссийскому празднованию в Коломне Дня славянской письменности и культуры, а в 2012-м студенты 2 и 3 курсов участвовали в организации Всероссийского конкурса молодёжных автор-

ских проектов, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий, под названием «Моя страна – моя Россия». Это Яна Ахломова, Екатерина Нестерова, Надежда Тараканова, Дарья Хапалова, Галина Комелягина, Сергей Мироненко, Дмитрий Рыбин, Алексей Анисимов, Екатерина Любичева, Виктория Зверева.

О наших студентах я всегда пишу и говорю с гордостью, потому что это искренние ребята, творческие и активные. Они любят свой факультет, уважают своих преподавателей – это особенно чувствуется, когда мы собираемся на таких мероприятиях как «Посвящение в студенты первокурсников», «Последний звонок», музыкально-литературные композиции (одна из последних – «Рождественская открытка»). Мы все гордимся нашими студенческими командами, достойно представляющими факультет на общеинститутских мероприятиях (нередко мы занимаем призовые места): конкурс социальной рекламы «Альма-матер», посадка кедров на территории студгородка, спортивный конкурс «Проводы зимы», конкурс военно-патриотической песни и стихов, туристический слёт и др. Из нашей факультетской команды КВН сформировалась институтская команда. Помогают студенты филфака в подготовке и проведении Рождественского бала, концертов и программ ко Дню учителя, к празднику студентов «Татьянин день» и многих других. Все курсы к каждому празднику (День учителя, Новый год, 8 Марта), а также после педагогической практики обязательно готовят стенгазеты. Студенты филфака – активные участники общегородских мероприятий. Книжный фестиваль «Антоновские яблоки» (22 сентября 2012 года) посетили всем факультетом вместе с деканом и кураторами групп и приняли участие в работе различных лите-

ратурно-поэтических площадок, где проходили литературные диспуты и встречи с известными актёрами, поэтами, писателями, журналистами. Мероприятий действительно так много, что иногда мы, преподаватели, иронически замечаем, что нашим студентам некогда учиться.

Между тем студенты филфака ведут не только учебную и общественную деятельность, но и занимаются научно-исследовательской работой. По-прежнему существует студенческое научное общество «Логос». Лучшие студенты выступают на научных и научно-практических факультетских, внутривузовских, межвузовских, региональных и общероссийских конференциях. Сегодня не редкость для филфака опубликование студенческих статей и тезисов докладов в сборниках научных трудов и материалов конференций.

Большую роль в формировании и воспитании будущих учителей, конечно же, играет педагогический коллектив факультета. Многие преподаватели факультета вели и ведут кураторскую работу: это Г. Н. Левицкая, Л. А. Чернова, Т. И. Кондратова, А. Ю. Козлова, Н. В. Кононова, Е. А. Леонтьева, Е. В. Глушкова, Л. С. Метликина и др. Одним из лучших кураторов последних лет является Татьяна Александровна Капырина. Выпускница нашего факультета, она защитила кандидатскую диссертацию в нашем же диссертационном совете, сейчас работает в редакционно-издательском отделе института. Татьяна Александровна – организатор и активный участник различных мероприятий на филологическом факультете.

Одна из особенных черт филологического факультета во все годы его существования – высокопрофессиональные научные кадры. Сегодня в составе факультета три структур-

ных подразделения: кафедра русского языка, кафедра литературы, кафедра музыки.

Заведующая кафедрой русского языка – кандидат филологических наук доцент *Лариса Николаевна Костякова* (руководит кафедрой с 1995 года). Лариса Николаевна – выпускница кафедры славянской филологии Ленинградского государственного университета. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Функционально-семантическое поле компаративности в русском и чешском языках» в 1989 году.

Л. Н. Костякова – автор научных работ по сравнительно-сопоставительному исследованию славянских языков и анализу лингвистических особенностей творчества Б. А. Пильняка, участница международных научных конференций (Китай, Венгрия). Руководитель проектов по лингвистическому краеведению, реализуемых совместно с общеобразовательными школами юго-востока Московской области. Ответственный редактор межвузовского сборника научных трудов «Языковые единицы: семантика, структура, функционирование». Главный редактор институтской много-тиражной газеты «Планета МГОСГИ».

Л. Н. Костякова читает курс «Теория языка», руководит студенческим научным кружком «Русско-чешские языковые связи». Ведёт научное руководство аспирантами; под её началом защитила диссертацию наша выпускница Людмила Сергеевна Метликина.

Лариса Николаевна занимается преподаванием русского языка иностранным студентам, имеет сертификат тестора по русскому языку как иностранному всех уровней, является координатором проекта сотрудничества МГОСГИ с вузами Китая.

В 2009 году Лариса Николаевна Костякова награждена нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Заведующий кафедрой литературы – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации *Александр Петрович Ауэр* (руководит кафедрой с 2010 года).

А. П. Ауэр известен в литературной науке своими работами о творчестве Салтыкова-Щедрина, Тютчева, Фета, Герцена, А. Островского, Пильняка. В конце восьмидесятых годов он основал Международные Пильняковские чтения, которые проводятся раз в три года; является научным редактором серийного издания «Б. А. Пильняк. Исследования и материалы».

Александр Петрович руководит научно-исследовательской работой аспирантов. Им подготовлено семнадцать кандидатов наук. В настоящее время читает студентам курс «История русской литературы второй трети XIX века», аспирантам – лекции по методологии историко-литературной науки.

А. П. Ауэр – руководитель студенческого научного общества «Логос»; по его инициативе на базе факультета проводится конференция молодых исследователей «Поэтика и компаративистика».

Заведующая кафедрой музыки – доктор культурологии *Елена Валерьевна Щербакова* (руководит кафедрой с 2001 года).

Елена Валерьевна – выпускница Российской академии музыки имени Гнесиных 1992 года. Кандидатская и докторская диссертации её посвящены анализу философско-

эстетических взглядов Ф. Ницше и проекции его культурологических интенций на художественную культуру XX века. Имеет 69 научных и 9 учебно-методических публикаций (учебные пособия «Музыкальная культура Древнего мира» и «Музыкальная культура Средневековья и эпохи Возрождения» рекомендованы федеральным Учебно-методическим объединением). Основные научные разработки представлены в монографиях «Ницше и музыка» (2009) и «Культурологические идеи Ф. Ницше в художественной культуре XX века» (2010). Круг научных интересов Елены Валерьевны соединяет разработку культурофилософской и музыковедческой проблематики XX века с регионально-краеведческой направленностью (изучение музыкальной культуры Коломны XIX – начала XX веков, в которой выделяются имена А. А. Алябьева, Н. Г. Струве, С. А. Кусевицкого, С. В. Рахманинова, Ф. И. Шаляпина).

Е. В. Щербакова активно сотрудничает с городским Комитетом по культуре: разрабатывает музыкально-культурологическое аннотирование концертов и выступает в качестве ведущей на различных площадках (филармония, культурный центр «Дом Озерова», МГОСГИ). Проект «Музыкальное путешествие: Рахманинов в усадьбе Кусевицкого под Коломной», разработанный Еленой Валерьевной, занял первое место в фестивале-конкурсе музыкально-просветительских программ Российской академии музыки имени Гнесиных в 2007 году. Е. В. Щербакова неоднократно выступала перед студентами МГОСГИ и общественностью с публичными лекциями на темы «Искусство вокала», «Искусство фортепиано», «Искусство эстрады».

В 2011 году Елена Валерьевна Щербакова награждена медалью «За труды в просвещении», а в 2012-ом – Почётной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации.

В настоящее время на трёх факультетских кафедрах работают 35 штатных преподавателей. Из них – шесть докторов филологических наук (А. П. Ауэр, В. А. Викторovich, А. В. Кулагин, Л. А. Чернова, М. А. Дубова, И. Н. Политова), доктор культурологии (Е. В. Щербакова), семнадцать кандидатов филологических наук (А. А. Алексеев, М. И. Бондаренко, Е. В. Гришин, Н. А. Ерошкина, А. В. Индзинская, А. Ю. Козлова, Т. И. Кондратова, Н. В. Кононова, Л. Н. Костякова, Е. А. Леонтьева, Е. Г. Лысоиваненко, И. Н. Меделева, Л. С. Метликина, С. И. Патрикеев, Г. С. Прохоров, С. М. Прохоров, А. Ю. Степанова), два кандидата педагогических наук (Л. В. Тукмачёва, И. А. Хотенцева), два «неостепенённых» доцента (О. В. Ануфриева, Е. Н. Валенкова), шесть старших преподавателей (Т. М. Ауэр, Е. В. Глушкова, Ю. Н. Лаврикова, О. Г. Мартынова, С. В. Тараканова, С. С. Тихомирова), один ассистент (Т. А. Цыганок).

Среди преподавателей факультета за заслуги в области образования пятеро награждены нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», пятеро – Почётной грамотой федерального Министерства образования и науки.

Большинство преподавателей и сотрудников факультета – наши выпускники. Л. А. Чернова – выпускница историко-филологического факультета 1964 года; Н. А. Ерошкина и С. М. Прохоров – выпускники 1978 года; А. В. Кулагин и Н. В. Кононова – 1979-го; Т. И. Кондратова (Булгакова),

Е. А. Леонтьева (Глушак) и С. И. Патрикеев – 1982-го; С. В. Тараканова – 1983-го; Е. Г. Лысоиваненко – 1990-го; А. А. Алексеев и И. Н. Политова – 1992-го; М. А. Дубова – 1995-го; О. Г. Мартынова (Комарова) – 1996-го; М. И. Бондаренко (кстати, работающая ныне заместителем декана и даже исполнявшая в течение двух лет деканские обязанности) – 1997-го, А. В. Индзинская (Мокрова) – 1998-го; Е. В. Гришин – 1999-го; И. Н. Меделева (Аристова) – 2000-го; Л. С. Метликина (Быстрова) – 2001-го, Г. С. Прохоров – 2002-го.

Выпускники – главная гордость филологического факультета. За 60 лет своего существования в структуре педагогического, а теперь уже социально-гуманитарного института факультет выпустил свыше 5 тысяч специалистов.

Выпускники филфака трудятся в разных областях науки, образования и культуры. Среди них – преподаватели вузов, учёные-филологи, руководители и методисты управлений образования, директора, завучи, учителя школ, гимназий и лицеев, заведующие библиотеками и культурными центрами, работники музеев и художественных галерей, главные редакторы газет, журналисты, работники радио и телевидения, пиар-менеджеры различных фирм и предприятий.

Особая гордость факультета – учителя-словесники. Они работают в разных городах и районах Московской области и в других регионах России. Очень многие добились высоких профессиональных результатов, являются учителями высшей квалификационной категории, становятся призёрами муниципального конкурса «Нестандартный урок», победителями конкурса «Учитель года» и на городском, и на областном уровнях, лауреатами Губернаторской премии...

С 2012 года мы начали создавать базу выпускников. К сожалению, на сегодняшний день мы не владеем полной информацией о тех, кто работает в сфере образования и культуры. А нам очень хочется для будущих поколений преподавателей и студентов собрать хотя бы общие данные о выпускниках разных лет. Мы лично знаем многих выпускников, со многими общаемся и сотрудничаем. Но хотим знать обо всех! Дорогие и любимые наши выпускники, пишите нам! Наш электронный адрес: mgosgi-fil@mail.ru.

Во многом благодаря нашим выпускникам, факультет устанавливает тесные связи с органами управления образования, школами, гимназиями и лицеями различных регионов Московской области.

Не следует забывать, что готовит факультет прежде всего кадры для сферы образования. Поэтому нам так важно сотрудничество со школами.

Много лет в рамках направления «школа – вуз» преподаватели факультета работали с учащимися коломенской средней школы № 12, которая являлась экспериментальной площадкой в реализации многих научных и методических проектов.

В 1998 году по инициативе директора Раменской гимназии № 2 Надежды Олеговны Калашниковой началось наше сотрудничество и с этим учебным заведением. И вот уже 14 лет преподаватели факультета ведут занятия в старших классах гимназии, участвуют в проведении Дней открытых дверей, проводят мастер-классы.

Последние годы сложились тесные связи с Хорошовской средней школой Коломенского района (директор

Ю. М. Щербаков); здесь инициатива принадлежала завучу Надежде Ивановне Еланской, нашей выпускнице 1978 года.

Преподаватели кафедр русского языка и литературы, нередко со студентами, давно уже приезжают в школу не как гости. Они – непосредственные участники учебно-методического процесса: читают лекции для учащихся, проводят мастер-классы по лингвистике, литературе, культуре речи, научные лаборатории. И что интересно: занятия по повышению речевой грамотности проводились не только для школьников, но и для учителей-предметников и даже директоров сельских школ.

Вовлекаем в совместную деятельность и студентов. Обязательно привозим их в школу на различные семинары и творческие встречи. Такие поездки для них, несомненно, лучше «сухой» теории. Будущие словесники с удовольствием готовят и проводят лингвистические и литературные викторины для учащихся.

Незабываемой стала встреча студентов филфака и учащихся школы с известным писателем Владимиром Николаевичем Крупиным, а позже – с главным редактором журнала «Литература в школе» Надеждой Леонидовной Крупиной. Для провинциальной школы, да и для нашего факультета – это большие события!

В 2012 году мы впервые заключили договоры о сотрудничестве с Зарайской средней школой № 1 им. Н. Л. Мещерякова (директор Н. И. Вуколова), с Луховицкой средней школой № 2 с углублённым изучением отдельных предметов (директор А. В. Курбатова).

Много событий происходит на филфаке, всего не перескажешь... Меняется время, меняются и преподаватели, и

студенты, но неизменным остается одно: филфак в Коломне – по-прежнему важный образовательный и культурно-просветительский центр городского и регионального уровня. Наши двери всегда открыты не только для тех, кто хочет получить филологическое или музыкальное образование, но и для тех, кто просто любит русскую словесность и интересуется русской культурой, кто неравнодушен к судьбе родного языка, родной литературы и музыки.

Филологическому факультету – 60! От всей души поздравляю родной факультет, уважаемых преподавателей и ветеранов педагогического коллектива, любимых студентов и дорогих выпускников с этой знаменательной датой!

Факультету желаю процветания! Преподавателям – новых научных открытий и творческого вдохновения! Студентам – успешных сессий и интересных событий и встреч! Выпускникам – профессионального роста и способных учеников! Всем – здоровья, взаимопонимания и радости!

И. Н. Политова,
декан филологического факультета.

Политова Ирина Николаевна окончила с отличием филологический факультет Коломенского педагогического института по специальности «Русский язык и литература» в 1992 году. Профессиональную деятельность в КГПИ начала в 1993 году в должности ассистента кафедры русского языка. В 1999 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Переходные явления в области сильного и слабого глагольного управления», в 2009-м – докторскую на тему «Подчинительные словосочетания в свете теории синхронной переходности». Круг научных интересов – синтаксис словосочетания, актуальные вопросы лингвометодики. Список научных и учебно-методических публикаций И. Н. Политовой включает 70 работ, среди которых монография, учебные пособия для вуза и средней школы, статьи, в том числе в общероссийских научно-теоретических и методических журналах «Вопросы филологии», «Русский язык в школе», «Литература в школе», «Русская словесность», «Русский язык и литература для школьников».

И. Н. Политова возглавляет филологический факультет с декабря 2000 года. Трижды избиралась на эту должность решением Совета факультета.

Награждена нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2009).

Труды и дни

У истоков. «Эпоха Шнейера»

Филологический факультет МГОСГИ, ещё несколько лет назад именовавшегося Коломенским государственным педагогическим институтом, образован в 1953 году – вместе с самим вузом, в названии которого тогда не было слова «государственный» (оно появилось на самом рубеже веков, в 2000-м). Он был – наряду с физико-математическим – одним из двух факультетов нового института. Но история филологического образования в Коломне начинается несколькими годами раньше.

КПИ возник не на пустом месте, а на базе Коломенского учительского института, дававшего неполное высшее образование и готовившего учителей для среднего звена школы (пятые – седьмые классы). В 1930-е годы, в условиях перехода к всеобщему семилетнему образованию, учебные заведения такого уровня позволяли за относительно короткий срок (учёба длилась два года) обеспечить школы педагогическими кадрами. Учительский институт в Коломне был открыт в 1939 году и размещался в известном всем коломенцам здании нынешней седьмой школы на улице Зайцева; там же, кстати, будет работать и *педагогический* институт – до своего переезда в 1966 году в новое здание на Зелёной, где он располагается и поныне. Так вот, в Коломенском учительском филологическое образование уже было. Судя по сохранившимся документам (систематизированным в книге покойного ректора нашего вуза Бориса Дмитриевича Корешкова «Листая старые приказы», 1999), в сентябре 1944 года образовалось историко-филологическое отделение; возникло оно на основе исторического, которое, в свою очередь, появилось вместе с институтом, в 1939-м. В уставе института 1939 года сказано, что он имеет два *факультета*: исторический и физико-математический, но вообще в приказах по институту обычно встречается слово *отделение* (по идее, отделение должно быть частью факультета), и именуется оно тоже по-разному – то «русского языка и литературы», то «литературное». Чувствуется, что делопроизводители того (да и более позднего)

времени не придавали особого значения букве устава и способны порядком запутать нынешнего читателя архивных документов. Историко-филологическое отделение существовало два года; известны два его заведующих, оба – специалисты-историки: сначала Людмила Сергеевна Чиколини (впоследствии автор известных работ по истории Италии), затем Пётр Алексеевич Соснин. В сентябре 46-го оно разделилось на два самостоятельных факультета – исторический и факультет русского языка и литературы. Первым деканом новообразованного факультета, готовившего учителей русского языка и литературы, стал **Илья Владимирович Сухотин**. До этого он же в течение учебного года (сентябрь 1945 – сентябрь 1946) заведовал только что созданной кафедрой русского языка и литературы.

Нужно сказать несколько слов об этом человеке, стоявшем у самого истока филфака. Сухотин родился в 1892 году в знаменательном для филологов месте – Новгороде-Северском Черниговской губернии. Это тот самый город, в котором в двенадцатом веке княжил Игорь Святославич, герой знаменитого «Слова о полку Игореве». Учебное заведение, где Илья Владимирович получил высшее образование, тоже тесно связано с судьбами русской литературы: это – Нежинский историко-филологический институт, ныне Нежинский государственный университет имени Гоголя, а изначально – Гимназия высших наук, где и учился в своё время будущий автор «Мёртвых душ».

Окончив институт в 1916 году, Сухотин несколько лет преподавал в различных учебных заведениях своего родного города, успел потрудиться и в Гомельской мужской гимназии. В 1828 году он переехал в Коломну, где стал одним из самых заметных и авторитетных словесников: работал учителем и завучем в школах девятой, затем – седьмой (одновременно преподавая и на рабфаке), в Коломенском педучилище (с 1936 года; до возникновения КУИ было в Коломне и такое учебное заведение). В учительском институте стал работать с момента его основания – и работал до ухода на заслуженный отдых в 1956 году. Выходец из учительской семьи, интеллигент «старой (то есть дореволюционной) закалки», Илья Владимирович был большим

эрудитом, знал несколько европейских языков. В институте он вёл лингвистические курсы – старославянский язык, введение в языкознание; судя по архивным данным, приходилось ему преподавать и историю. В 1945 году получил почётный знак «Отличник народного просвещения».

Когда Сухотин стал деканом, место заведующего кафедрой русского языка и литературы занял Марк Яковлевич Поляков (1916–2011) – человек, впоследствии в филологическом мире довольно известный, автор работ о Белинском, Тарасе Шевченко, Плещееве, по теории драмы. В ту пору его карьера только начиналась, и наш институт стал для него своеобразной стартовой площадкой. Ну а вслед за Поляковым, руководившим кафедрой в течение 1946/47 учебного года, пост заведующего занял *Глеб Артемьевич Шпеер* (1910–1979) – колоритнейшая фигура факультета и всего института эпохи их становления (да и последующих лет). В 1947 году он был назначен, а в 1948-м – утверждён в этой должности (назначение на такие должности в ту пору утверждалось столичным начальством – Главным управлением высших учебных заведений).

Шпеер родился в Ярославле в семье служащего пароходства и учительницы начальных классов; в детском возрасте лишился отца. После окончания школы-девятилетки с педагогическим уклоном (1929) перебрался в Подмосковье и работал учителем начальной школы в селе Ильинское Бронницкого района, инспектором Бронницкого районного отдела народного образования, журналистом в редакциях местных газет (Бронницы, Раменское). В 1935 году поступил на факультет русского языка и литературы Калининского пединститута (ныне – Тверской госуниверситет), а по окончании второго курса перевёлся в Москву, в МГПИ. Почему не поступил в столичный вуз сразу? Возможно, это было связано с его «сомнительным» (по меркам советских кадровиков) происхождением: Шпеер, судя по некоторым сведениям, был выходцем из поволжских немцев, а их драматичная судьба в СССР известна. Возможно, в столичном вузе у него просто не приняли документы, а перевестись из другого вуза было проще, и он сделал такой «ход конём», в итоге ока-

завшись-таки в числе студентов МГПИ. Вообще помнящие его коллеги и выпускники признают, что он никогда не рассказывал о раннем периоде своей биографии, о родителях, и это можно понять: в те времена неосторожное слово, «неподходящее» происхождение могли дорого обойтись тому, кто захотел бы пооткровенничать. И люди старались не откровенничать...

В 1939 году Глеб Шпеер окончил институт и поступил в аспирантуру, но научные занятия его прервала война. Уйдя добровольцем на фронт, он прошёл, как говорится, всю войну. Был стрелком, пулемётчиком, радистом; награждён медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». После окончания войны вернулся в аспирантуру и в 1946 году был направлен на работу в Коломенский учительский институт. Кандидатскую диссертацию о некрасовском журнале «Отечественные записки» защитил в 1950-м, уже несколько лет будучи к этому времени коломенским преподавателем.

В учительском институте Шпеер, даже не имея пока учёной степени, быстро выдвинулся на первые позиции, ибо был предрасположен к административной работе. Одновременно с заведованием кафедрой он работал в течение двух с половиной лет (1947–1949) заместителем директора института по заочному обучению.

Пока институт был учительским, формировался кадровый костяк будущего филфака. На рубеже сороковых – пятидесятых годов на работу были приняты преподаватель фольклора и древнерусской литературы Наталья Николаевна Евреинова, будущая заведующая кафедрой русского языка Раиса Ефимовна Вульфсон, специалист в области истории русского языка Наталья Петровна Руднева, преподаватель лингвистических дисциплин Лидия Аркадьевна Яковлева. На условиях почасовой оплаты трудился памятный многим коломенцам *Андрей Павлович Радищев* (1911–1997) – литератор, краевед, музыкант, энтузиаст-просветитель, представитель славной педагогической династии, потомок знаменитого писателя, автора «Путешествия из Петербурга в Москву» (ему посвящено специальное издание: Жил радуясь и удивляясь...: Книга о педагоге-подвижнике

А. П. Радищеве / Сост.: Г. Н. Матвеева, В. И. Храмова, М. Д. Рыбаков. Коломна, 2009).

Но кто в эти годы руководил факультетом? Сухотин пробыл деканом весь 1946/47 учебный год, затем три года (сентябрь 1947 – октябрь 1950) на этом посту работал уже упоминавшийся нами П. А. Соснин, и ещё неполных три месяца – Дмитрий Степанович Самарский, преподаватель истории КПСС. Официальных сведений о том, кто стал деканом после него (то есть с 1 января 1951 года), в документах нет. В сохранившихся в институтском архиве приказах с января 51-го до сентября 55-го, касающихся нашего факультета, слово «декан» встречается лишь однажды – в приказе № 138 от 4 ноября 1954 года. Здесь «деканом» назван Шпеер, и всё становится ясно. При наличии на факультете *одной* профильной кафедры должности декана и заведующего кафедрой дублировали друг друга. Вот Глеб Артемьевич и стал де факто деканом факультета, не будучи им де юре. Составитель текста приказа, зная о реальной первенствующей роли Шпеера на факультете, машинально «проговорился», хотя формально допустил ошибку. Косвенно деканство Шпеера подтверждается и тем, что заявления студентов на получение стипендии или на пересдачу экзаменов шли к руководству института, судя опять же по сохранившимся в архиве приказам, с визой заведующего кафедрой – то есть Шпеера, а ведь это прерогатива декана. К тому же, выпускники той поры (и учительского института, и педагогического) в один голос свидетельствуют, что «главным у филологов был Шпеер». Возможно, в те годы действовали юридические ограничения относительно совмещения двух руководящих должностей, и поэтому назначить заведующего кафедрой ещё и деканом было нельзя – хотя в реальности Глеб Артемьевич со всеми этими нагрузками справлялся. В его трудовой книжке запись о назначении исполняющим обязанности декана появится лишь в 1955 году, когда у вуза и у факультета будет уже другой статус (см. об этом ниже), и кафедра разделится на две – кафедру русского языка и кафедру литературы. Заведовать ими станут соответственно Р. Е. Вульфсон и К. Г. Петросов. Шпеер

же теперь, перестав быть заведующим кафедрой, становится официально деканом и остаётся им ещё пятнадцать лет – до 1970 года.

Итак, именно Шпеер был фактическим первым деканом факультета *педагогического* института. «Шпееровский» же период истории филфака (получается, что Г. А. бесценно руководил им, если считать не только «педагогический», но и «учительский» период, с 1951-го по 1970-й, без малого двадцать лет!) и можно считать эпохой его становления, обретения собственного лица и зарождения традиций.

Здесь нужно сказать несколько слов о Шпеере как преподавателе. Во-первых, Глеб Артемьевич, ключевое место в учебной нагрузке которого занимал курс истории русской литературы второй половины XIX века, был блестящим лектором. Его лекции были тщательно продуманы, логично выстроены. Не будучи сам по складу личности склонен к научным изысканиям и довольно редко публикуя собственные статьи, он однако всегда опирался на современную научную литературу, называл в аудитории ключевые исследования по теме лекции и требовал от студентов составлять краткие библиографические подборки по основным разделам своего курса, а на экзамене приветствовал самостоятельность анализа и не относился к тем педагогам, для которых главное в студенческом ответе – пересказ их собственной лекции. Был в меру, без наигранности, артистичен, обладал прекрасной дикцией, умел легко (так казалось) удерживать внимание аудитории в течение двух часов, так что у многих студентов со звонком возникало, вопреки обыкновению, чувство сожаления, что «пара» уже закончилась. У него был, безусловно, природный талант к преподавательской работе, но этот талант подкреплялся постоянной работой над собой, стремлением к совершенствованию каждой лекции. Представить, чтобы Шпеер был «не в форме», чтобы он прочитал лекцию вполсилы, – было просто невозможно. Во-вторых, будучи предельно требователен к себе, он столь же требователен был и к студентам, не терпел бездельников, добивался того, чтобы студент в итоге освоил то, что он обязан был освоить. Особое значение придавал знанию текста произведения, деталей его – вплоть до мелочей,

которые мелочами не считал. Он был убеждён, что без подробнейшего знания литературного текста школьного учителя не может быть. Экзамен же у Шпеера представлял собой целое мероприятие и длился весь день, с перерывом на обед; староста заранее подавал экзаменатору график сдачи своей группы, где было поминутно расписано, во сколько сдаёт каждый конкретный студент. Непривычно, зато никакой толкотни у дверей аудитории, и, напротив, не нужно искать по этажу в страхе попрятавшихся от строгого педагога студентов. Всё чётко, организовано, по порядку.

Но вернёмся в середину пятидесятых годов. За два года до кадровой «рокировки» 1955-го произошло событие, от которого и ведётся отсчёт истории *высшего* филологического образования в Коломне. Неполное высшее всё более и более обнаруживало свою недостаточность. Страна постепенно приходила в себя после военного лихолетья; число детей, желавших учиться в старших классах, росло, и вместе с ним росла потребность в учителях с высшей педагогической квалификацией. И вот учительский институт становится педагогическим, с двумя факультетами – физико-математическим и факультетом русского языка и литературы. Первый набор на «новый» филфак в августе 1953 года составил 54 человека. Тем же летом зачислены 75 человек на заочное отделение.

Именно при декане Шпеере филологи вновь (и, как окажется, тоже на время) воссоединились с историками. Такова была общая тенденция тогдашнего высшего образования; подобное слияние произошло в ту пору, например, и в МГПИ. Историческое отделение в Коломне было закрыто ещё до изменения статуса института, в 1952 году, и возродилось в 1956-м, когда на базе факультета русского языка и литературы был образован историко-филологический факультет (соответственно с двумя отделениями) во главе со Шпеером. Срок обучения стал пятилетним, поэтому студенты первого набора (по ходу учёбы, в 1955 году, пополнившегося – как и следующий за ним курс – студентами из расформированного в ту пору Загорского пединститута) выпустились в 1958-ом. Среди них были будущие директора школ Коломны и Коломенского района

Т. Н. Гращенкова (школа № 9), В. М. Морозов (Непецинская «лесная» школа-интернат), директор музея Есенина в Константинове В. И. Астахов; были и будущие преподаватели росшего и нуждавшегося в кадрах КПИ: принятые на кафедру русского языка А. И. Сачкова и Г. В. Горбачёва (она же – будущий декан филфака), доцент кафедры философии и научного коммунизма В. В. Горбачёв, преподаватели кафедры психологии Г. С. Котерева и А. А. Павлюшина).

Просуществовал истфилфак до 1965 года, когда вновь разделился. Самостоятельный исторический факультет возглавил с этого момента В. М. Андреев, а Шпеер остался деканом, естественно, у филологов. Кстати, филфак после этого раздела недолгое время включал в себя три отделения – не только русского языка и литературы, но и английское и франко-немецкое. Нетрудно догадаться, что это был будущий иняз, начинавший своё существование «под крылом» филфака. Нынешние инязовцы считают Шпеера своим первым деканом.

Чем была интересна жизнь на филфаке в пятидесятых – шестидесятых годах (помимо, конечно, предполагавшихся самим профилем факультета филологических занятий)? Она, естественно, отражала противоречивую общественную ситуацию тех лет, обусловленную Оттепелью и её последствиями. Символично, что педагогический институт – и филфак, в частности – возник в год смерти Сталина, и становление факультета проходило на фоне общей демократизации жизни в хрущёвские годы. Одной из примет этого процесса стал расцвет художественной самодеятельности. Оказалось, что филфак (истфилфак) собрал молодёжь, не только увлечённую литературой и историей, но и умеющую хорошо декламировать, петь, плясать, вообще готовую проявить свою жизненную активность. Декан почувствовал это и к сорокалетней годовщине Октябрьской революции, отмечавшейся в 1957 году, подготовил со студентами спектакль-монтаж. Представление, очень живое, динамичное, охватывающее события советского периода, было выдержано в традиции агитационных спектаклей «Синей блузы» двадцатых годов, соединявшей революционную патетику и сатиру. Только участники шпееровского спектакля были одеты не

в синие блузы, а в основном в солдатские гимнастёрки (некоторые эпизоды были связаны с Великой Отечественной войной, на ту пору совсем ещё недавней, всем памятной). Основа сценария была подготовлена самим Шпеером, но свои предложения и добавления вносили и участвовавшие в постановке студенты. Атмосфера в этом временном театральном коллективе была творческой, а отношение к делу – поистине профессиональным, хотя всем актёрам нужно было посещать занятия, затем сдавать сессию. Между тем жёсткий график репетиций, дисциплина, максимальная отработка каждой сцены, каждого выхода – всё это было обязательным требованием декана и режиссёра Шпеера. Да без этого добиться успеха было бы и невозможно.

В спектакле были использованы стихи советских поэтов – Маяковского, Демьяна Бедного и других, частушки. «Я на Сретенке жила – расстаюся с нею. Газировочку пила – Ангара вкуснее», – распевала, например, героиня, отправляющаяся на строительство Братской ГЭС. Своеобразным «гвоздём» действия была сатирическая (написанная как пародия на эпизод разговора пушкинской Татьяны Лариной с няней) сцена из поэмы Маяковского «Хорошо!», в которой студент Лев Сорников – в будущем директор школы и известный в Коломне общественный деятель – изображал «мадам Кускову». Мадам симпатизирует главе Временного правительства Керенскому, вскоре свергнутому большевиками и, естественно, вызывающему пародийно-ироническое отношение у советского поэта («Старушка тычется в подушку, и только слышно: –Саша! – Душка!”»).

Монтаж был очень популярен в институте: его показывали несколько раз, а в 1960 году (по случаю девяностолетия со дня рождения Ленина) участники постановки были награждены поездкой в Большой театр. Интересно, что два десятилетия спустя, в 1978-м, когда факультету нужно было подготовить большой праздничный концерт на институтской сцене, вспомнили о давнем опыте Шпеера и попросили его возобновить постановку. И Глеб Артемьевич, будучи уже пожилым (так не шло к нему, даже на седьмом десятке лет стройному и подтянутому, это слово!) и отнюдь не блещущим здо-

ровьем человеком, взялся за дело и вновь – теперь со студентами уже другого поколения – мастерски и блестяще подготовил постановку, имевшую триумфальный успех.

Факультетская самодеятельность славилась не только монтажами. К большим литературным датам студенты – чаще всего под началом того же Шпеера – готовили вечера. В 1968 году страна отмечала большой юбилей И. С. Тургенева – сто пятьдесят лет со дня рождения. На филфаке к этой дате был поставлен спектакль по тургеневской пьесе «Завтрак у предводителя». Участники постановки получили премию в сумме 10 рублей каждый. При тогдашней стипендии в 40 рублей это было очень неплохо. Кстати, Шпеер охотно поощрял активных студентов, и вообще, если было нужно, готов был похлопотать о поощрении или помощи перед институтским руководством.

Другим замечательным начинанием сравнительно раннего периода истории факультета стал выпуск стенной газеты «Словесник». На филфаке, начиная со шпееровских времён, стенгазета всегда была чем-то бóльшим, чем стенгазета. Всё-таки это факультет людей, дружащих со словом, не только изучающих язык и литературу, но зачастую и пробующих свои силы в сочинительстве (этой стороне факультетской жизни посвящён в нашей книге специальный очерк). Им, как говорится, и карты в руки. Забегая вперёд, скажем, что среди выпускников факультета есть известные в нашем (и не только в нашем) городе журналисты – например, главный редактор еженедельника «Россия» (а прежде работавший заместителем главного редактора «Московского комсомольца» и главным редактором журнала «Деловые люди») Андрей Лапик; глава Издательского дома «Ять» Михаил Арензон; директор полиграфической фирмы «Тираж», которой принадлежит коломенская газета «Вопрос – ответ», Игорь Шах-Назаров. Но они учились уже в 80-е годы, а если говорить о выпускниках шпееровского периода, то назовём в первую очередь многие годы проработавших директорами коломенских школ Т. И. Киселёву, В. Е. Петровского и Е. И. Тюрина; назовём А. И. Кузовкина, много лет трудившегося в редакции «Коломенской правды» и совмещавшего хлопотные обязанности ответственного секретаря газеты с крае-

ведческими занятиями, и написавшего не одну книгу по истории Коломны; свою творческую работу он активно продолжает и сегодня.

Между тем в жизни будущих журналистов «Словесник», так или иначе, сыграл свою роль. А. Кузовкин, поступивший в институт в 1961 году, в специальном очерке, посвящённом Шпееру (и включённом в брошюру «Легенда коломенского филфака. О Глебе Артемьевиче Шпеере», 2012), вспоминает, как декан привлёк его, хорошо рисующего и имеющего опыт редактирования армейской стенгазеты, к выпуску «Словесника»: «Однажды в разгар зимней сессии Глеб Артемьевич предложил выпустить стенгазету с живыми отчётами за каждый день. Это требовало особого напряжения... Тот номер «Словесника» стал рекордным по размеру. Каждый день к ранее выпущенным страницам в ватманский лист приклеивали ещё по одному или два листа, из которых студенты и преподаватели узнавали последние экзаменационные новости: информации сопровождалась юмористическими рисунками, изображавшими сценки из студенческой жизни напряжённой поры. Листы газеты крепились на стене лестничных маршей второго и третьего этажей» (речь идёт о здании на улице Зайцева).

«Словесник» регулярно выходил и в последующие десятилетия и всегда, как говорится, держал марку, был разнообразен и интересен. Эффект разорвавшейся бомбы произвёл один из «перестроечных» выпусков 1987 года, вызвавший небывалый читательский резонанс и недовольство институтского партбюро. Век «Словесника» (как и других стенгазет в институте) завершился сам собой в конце 80-х годов, когда в КПИ стала выходить многотиражная газета «Народный учитель» (ныне – «Планета МГОСГИ»).

Шпеер совмещал деканскую работу с обязанностями председателя литературной секции городского общества «Знание» и активно привлекал к чтению лекций для населения хороших студентов. Постоянно выступал с лекциями перед населением и сам, так что его аудитория не ограничивалась филфаком, многие горожане вспоминают о том, какое яркое впечатление производили на них популярные лекции Глеба Артемьевича о русских писателях.

Наконец, скажем, что Шпеер снискал у студенчества большой моральный авторитет. Он никогда не шёл против собственной совести, и не раз бывало так, что она вступала в противоречие с «пожеланиями» вышестоящих инстанций. Доцент кафедры литературы С. М. Прохоров вспоминает историю одного студента 60-х годов, который в своём кругу высказался против подавления «пражской весны». Кто-то донёс об этом куда следует, и молодого человека отчислили. Так вот, Шпеер добился того, чтобы через год ему разрешили сдать госэкзамены, и он в итоге получил диплом. «Если бы не наш Глеб, – признавался пострадавший, – то, наверное, повесился бы». А однажды Глеб Артемьевич – не в кулуарной беседе, а прямо на лекции, во всеуслышанье – произнёс буквально следующее: «Будь проклят тот начальник, который приказал взорвать храм Спаса на Сенной, возле которого падает на колени Раскольников!» И это было сказано в эпоху государственного атеизма, когда подобные высказывания могли быть истолкованы как «враждебные» и повлечь за собой последствия. Однако Шпеер этого не боялся.

Но в чём же заключается противоречивость истории филфака тех лет, о которой мы обмолвились выше? В том, что благотворный процесс демократизации, располагавший к раскрытию способностей каждой личности, расшевеливший застоявшуюся в сталинские времена общественную жизнь (не считать же подлинной *общественной* жизнью организованные *властями* первомайские демонстрации и физкультурные парады...) шёл сверху и основывался не на объективных закономерностях, а на воле и авторитете одной личности – неважно, стоит она во главе целого ли государства или одного факультета. «Шпеер зарекомендовал себя, – вспоминает о нём Н. П. Руднева, – волевым руководителем, поглощённым своим делом, настоящим хозяином факультета (правда, достаточно самолюбивым и авторитарным)». Думается, это было сказано без всякой обиды. Вероятно, иначе в ту пору (напомним: ненадёжная «оттепель», обновление одновременно с новым «закручиванием гаек», а в итоге – погружение страны в трясины «застоя» начиная с середины 60-х) было и нельзя. Не случайно не ужился на истфилфаке Венедикт Ерофеев, будущий

автор знаменитой поэмы «Москва – Петушки», не проучившийся здесь и года и отчисленный в апреле 1963-го за «пропуск занятий без уважительных причин, академическую неуспеваемость» и прочие грехи. Правда, он точно так же не ужился ещё в МГУ, во Владимирском и в Орехово-Зуевском пединститутах. Так что дело было, скорее всего, не только в атмосфере на факультете, но и в собственной «внутренней анархичности» студента Ерофеева. А что касается авторитарности декана – может быть, такова неизбежная специфика учебного процесса? Просто нужно понять, почему ученики Шпеера не стали большими учёными, зато стали превосходными учителями – дисциплинированными, ответственными, умеющими мастерски донести литературное слово до учеников. И вспоминающими об «эпохе Шпеера» не без ностальгического чувства... И – для объективности – ещё одно свидетельство. Коллега Шпеера по кафедре и по факультету П. А. Руднев, переехав в 1968 году из Коломны в «европейский» Тарту и устроившись на работу в тамошнем университете, замечает в переписке к известному ленинградскому литературоведу Б. Я. Бухштабу: «...у Шпеера порядок на факультете идеальный и *очень человечный* (курсив наш – А. К.) по сравнению с тем, что в здешнем деканате».

Итак, факультет был создан, продолжал работать. Впереди были семидесятые годы, ставшие десятилетием своеобразного культа гуманитарных знаний, книжного дефицита и высокого конкурса на филфак (при наборе 75 человек – до пяти претендентов на одно место!); восьмидесятые, вернувшие в нашу литературу запрещённые в советское время произведения русских классиков двадцатого века и сильно всколыхнувшие гуманитарную сферу и всю общественную жизнь; рубеж веков, решительно изменивший весь привычный социокультурный пейзаж. Все эти годы филфак, реагируя на происходящие в стране перемены и меняясь вместе с ней, оставался верен своему предназначению. Ибо, какая бы ни стояла на дворе политическая и прочая погода, в начале было и есть слово, а стало быть – и словесник.

Три кита филфака

Кафедра русского языка

Кафедра русского языка была основана в 1955 году (напомним, что до этого существовала объединённая кафедра русского языка и литературы; теперь она разделилась на две).

Первым заведующим кафедрой стала кандидат филологических наук, доцент **Раиса Ефимовна Вульфсон** (1916–1987). Она родилась в деревне Ново-Полтавка Николаевской области на Украине. Позже её семья переехала в город Николаев, там Раиса Ефимовна и окончила среднюю школу, педагогический техникум, а затем и педагогический институт. Год работала в Николаевском учительском институте преподавателем современного русского языка, а в 1939 году поступила в аспирантуру МГПИ имени Ленина по кафедре русского языка.

В годы войны ей пришлось эвакуироваться вместе с институтом в Туркмению. Там Вульфсон работала корректором и литсотрудником в редакции областной газеты, совмещая эту работу с преподаванием русского языка и литературы в одной из местных школ. В мае 1943 года была мобилизована в Советскую Армию в отдельный зенитно-прожекторный батальон. В 1945-м демобилизовалась и восстановилась в аспирантуре для завершения диссертационного исследования «Конструкции с родительным падежом в современном русском литературном языке». В мае 1947 года защитила диссертацию.

Раиса Ефимовна начала работать в Коломенском учительском институте в феврале 1948 года. Тридцать девять лет она проработала в нашем институте, из них двадцать пять (начиная с 1952-го, с перерывами) заведовала кафедрой русского языка, в разные годы была и редактором институтской стенной газеты, и секретарем факультетского партбюро. Декан филфака Г. В. Дагуров отмечал в докладной записке 20 декабря 1976 года: «По характеру она спо-

койна, покладиста, но принципиальна и справедлива». Живя по принципу «не навреди», Раиса Ефимовна формировала доброжелательную атмосферу и на кафедре русского языка, и на факультете в целом, чутко относилась к коллегам, помогала молодым преподавателям.

Вульфсон читала лекции и вела практические и лабораторные занятия по современному русскому языку, введению в языкознание. Несмотря на большую учебную нагрузку и активную общественную работу, успешно занималась наукой. В 70-е годы руководила «Школой юного филолога» и увлеклась методическими аспектами лингвистического образования, много печаталась в журнале «Русский язык в школе». Учебные и научно-методические работы Вульфсон посвящены проблемам изучения лексики, фразеологии и словообразования. В соавторстве с другими сотрудниками кафедры (М. В. Соколовой и З. Г. Ямпольской) ею написана книга для учителя «Упражнения по лексике и фразеологии», вышедшая в издательстве «Просвещение».

В 70-е – начале 80-х годов Раиса Ефимовна неоднократно участвовала в различных совещаниях и семинарах республиканского и все-союзного уровня по вопросам совершенствования преподавания русского языка. За заслуги в сфере высшего образования Р. Е. Вульфсон была награждена знаком «Отличник просвещения СССР», как участник войны – четырьмя воинскими медалями.

Два небольших периода (с 1966 по 1970 год и полтора года в 1972–73 годах, вплоть до своего ухода из института) заведовал кафедрой видный ученый и педагог А. И. Горшков. Он проработал на кафедре русского языка одиннадцать лет. Именно в коломенский период своей научной карьеры, А. И. Горшков издал два фундаментальных вузовских учебника – «Старославянский язык» (М.: Высшая школа, 1963) и «Историю русского литературного языка» (М.: Высшая школа, 1969), защитил докторскую диссертацию, в 1970 году получил ученое звание профессора. Ему, как и пришедшему на кафедру в середине 60-х Г. В. Дагурову, посвящён отдельный небольшой очерк в разделе «Созвездие учёных».

С 1982 года кафедрой заведовал кандидат филологических наук, доцент **Николай Михайлович Андреев** (1927–2010). В должности заведующего он проработал более десяти лет. Карьера Н. М. Андреева развивалась стремительно: с отличием окончил Саратовский государственный педагогический институт по специальности «Русский язык, психология и логика» (в дипломе Николая Михайловича нет ни одной четвёрки), затем аспирантуру. В 1956 году защитил кандидатскую диссертацию в Саратовском госуниверситете, через пять лет ему присвоили учёное звание доцента. В возрасте тридцати трёх лет Николай Михайлович становится ректором своего родного института. Переезд его в Коломну был связан с назначением на должность проректора по учебной работе КПИ.

В 70-е–80-е годы Н. М. Андреев активно занимался научной и организационно-методической работой. Он являлся членом Научно-методического совета по русскому языку Министерства просвещения СССР, неоднократно участвовал во Всесоюзных научных конференциях по проблемам обучения русскому языку как средству межнационального обучения народов СССР, в зональных совещаниях по вопросам народного образования. Андреев был награждён высокими правительственными наградами: орденом Трудового Красного знамени, медалью «Отличник народного просвещения РСФСР» и многими другими.

С момента создания кафедры на ней работали Н. П. Руднева, Л. А. Яковлева, М. В. Соколова.

Наталья Петровна Руднева (1924–2008) больше всех по времени проработала на кафедре русского языка – пятьдесят лет. Она родилась в Коломне, в 1948 году окончила факультет русского языка и литературы МГПИ, там же училась в аспирантуре. В 1957 году защитила кандидатскую диссертацию «Лексика романа А. И. Герцена –*«Жто виноват?»*» Научным руководителем Натальи Петровны был академик Виктор Владимирович Виноградов. В 1950 году, будучи ещё аспиранткой, была зачислена в штат КПИ ассистентом кафедры русского языка и литературы. По окончании

аспирантуры, в 1952 году, переведена на должность старшего преподавателя на полную ставку.

Руднева читала лингвистические курсы исторического цикла: старославянский язык, историческую грамматику, диалектологию, историю русского литературного языка. В разные годы она вела спецсеминары «Эволюция языка русской художественной прозы в первой половине XIX века», «Язык советской прозы довоенного периода». Более двадцати лет была бессменным руководителем диалектологического кружка студентов. Студентами филфака во время диалектологических экспедиций был собран бесценный языковой материал. По поручению кафедры в феврале 1983 года Наталья Петровна посетила словарный сектор русских народных говоров Ленинградского отделения Института языкознания и передала весь собранный кружковцами материал специалистам.

Тридцать пять лет проработала в институте *Лидия Аркадьевна Яковлева* (1927–2006). В 1948 году она окончила Коломенский учительский институт и осталась работать лаборантом литературного кабинета. Параллельно училась в Московском областном педагогическом институте, который окончила с отличием в 1953 году. В 1955-м переведена в должность ассистента кафедры русского языка, а через шесть лет – в должность старшего преподавателя. Сначала Яковлева вела практические занятия по старославянскому языку за лектором Н. П. Рудневой, позже разработала собственный курс и читала лекции на очном и заочном отделениях. Кроме того, вела лабораторные и практические занятия по современному русскому языку. Яковлева занималась научной работой, планировала защитить диссертацию, сдала все кандидатские экзамены, но, как говорится, не сложилось. Зато Лидия Аркадьевна многие годы занималась кураторской работой. Она поддерживала связь со многими выпускниками, переписывалась с теми, кто жил в других городах.

В состав кафедры входили в то время М. А. Веселова и В. И. Капинос – выпускницы факультета русского языка и литературы Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина.

Марина Александровна Веселова вела историческую грамматику и диалектологию в течение шести лет, с 1955 по 1961 год. Она была организатором диалектологического кружка и диалектологических экспедиций. Участники кружка выпускали бюллетени, в которых освещали свою работу, маршрут экспедиции и методы сбора материала, записывали собранное в экспедиции. Работа диалектологического кружка КПИ была отмечена Академией наук СССР.

Валентина Ивановна Капинос – известный методист, автор учебных и методических пособий по русскому языку для средней школы. Несомненно, о ней знают все учителя-словесники. После окончания института Капинос шесть лет работала в мужской средней школе Москвы (в те годы девочки и мальчики учились отдельно). Прервала работу в школе в связи с поступлением в аспирантуру, по окончании которой, в 1957 году, была направлена в КПИ преподавателем методики преподавания русского языка. Проработала на кафедре В. И. Капинос недолго – три года. За это время защитила кандидатскую диссертацию.

После неё ведущим методистом кафедры три десятилетия была *Людмила* (по документам Люсетта) *Ивановна Давыдкина*.

Л. И. Давыдкина – наша выпускница. Она окончила КПИ в 1958 году, три года работала учителем в школе. В 1961 году была приглашена на кафедру. Читала лекции, вела практические и лабораторные занятия по методике преподавания русского языка, руководила педпрактикой. Все, кто учился у Л. И. Давыдкиной, прошли серьёзнейшую методическую подготовку. Её занятия, консультации во время практики, разбор уроков невозможно забыть. Особенно повезло тем, у кого она была групповым руководителем. Кроме методики, Людмила Ивановна вела практикум по орфографии и пунктуации. И эти занятия она умело использовала для того, чтобы не только повысить грамотность студентов, но и продемонстрировать образец ведения современного урока по русскому языку. Своим опытом Людмила Ивановна старалась поделиться с молодыми преподавателями кафедры.

Давыдкина много времени уделяла разработке методических вопросов. В частности, ее интересовала научная проблема «Реализация принципа преемственности между 3 и 4 классами при обучении русскому языку». В своё время она организовала студенческий актив, который занимался созданием кабинета русского языка школьного типа. В разные годы руководила «Учительским университетом» при филологическом факультете, возглавляла профсоюзное бюро факультета, была заместителем декана по воспитательной работе. Л. И. Давыдкина награждена знаком «Отличник народного просвещения РСФСР».

В 60-е–70-е годы на кафедру пришли работать выпускники факультета А. И. Сачкова, Г. В. Горбачёва, Л. А. Чернова.

А. И. Сачкова и Г. В. Горбачёва – студентки первого выпуска историко-филологического факультета педагогического института (1958).

Анна Ивановна Сачкова начала работать в институте в 1962 году в должности лаборанта сначала индустриально-педагогического факультета, затем кафедры русского языка, параллельно преподавала на подготовительных курсах. В 1966 году переведена в должность ассистента. Вела занятия по современному русскому языку и лингвистическому анализу текста. В августе 1986 года была командирована в Улан-Батор (Монголия) для работы преподавателем русского языка. Вернувшись из командировки, Анна Ивановна проработала на кафедре ещё пять лет и ушла на пенсию в 1991 году.

Яркой, энергичной, эмоциональной и волевой запомнилась всем **Галина Витальевна Горбачёва** (1935–1999). По окончании института десять лет она работала в средней школе. Тридцать лет трудовой деятельности посвятила нашему институту. В 1968 году Галина Витальевна была принята на должность лаборанта кафедры литературы, затем перешла лаборантом на кафедру русского языка, а в 1971-м переведена в должность ассистента. Преподавала разные дисциплины. В последние годы вела лекции и практические занятия по дисциплине «Русский язык» на факультете иностранных языков и психолого-

педагогическом факультете. На филфаке читала курс русской диалектологии. Вместе с Н. П. Рудневой в 1981–86 годах участвовала в руководстве диалектологическим кружком студентов, выезжала в экспедиции в Орловскую, Псковскую, Вологодскую области. С января 1993-го до июня 1999-го была деканом филологического факультета. Г. В. Горбачёва обладала прекрасными организаторскими способностями, пользовалась авторитетом на факультете. Казалось, она была полна жизни, которую, к большому сожалению, рано оборвала внезапная болезнь...

Сегодня опытейшим преподавателем кафедры по праву считается *Любовь Афанасьевна Чернова*. Она родилась в Шатуре, в 1959–1964 годах училась на историко-филологическом факультете КПИ и одновременно – на высших заочных курсах немецкого языка института иностранных языков имени М. Тореза. В 1965–1970 годах заочно обучалась на факультете иностранных языков (английское отделение). С 1964 по 1970 год работала учителем немецкого и английского языков, а также учителем русского языка и литературы в школах Коломны и Коломенского района.

На кафедре Л. А. Чернова работает с 1975 года. В 1999 году успешно защитила кандидатскую диссертацию «Составное именное определение, выраженное причастной аналитической конструкцией (ПАК)», а в 2004-м – докторскую «Система составных именных членов предложения в современном русском языке». Научные и методические интересы профессора Черновой сосредоточены на вопросах русского языка, стилистики и лингвистического анализа текста. Результаты её научных и методических исследований отражены в опубликованных работах (около 90). Под научным руководством Любови Афанасьевны защищены три диссертации. Она – член диссертационного совета по русскому языку и литературе в МГГУ имени М. А. Шолохова.

За плодотворный многолетний труд и профессиональные достижения Л. А. Чернова награждена медалью «В память 850-летия Москвы» (1997), знаком «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2010).

В 80-е–90-е годы кафедра значительно расширила свой состав как за счёт своих выпускников (Н. А. Ерошкина, С. В. Тараканова, Е. А. Леонтьева, Е. Г. Лысоиваненко, И. Н. Политова, Е. Б. Кузьмина, М. А. Дубова, О. Г. Комарова), так и выпускников ведущих университетов страны: Московского (А. Ю. Козлова, Е. В. Глушкова), Ленинградского (Л. Н. Костякова), Саратовского (Т. М. Ауэр), Пермского (Л. В. Тукмачёва).

В этот период (с 1986 по 1995 годы) работала на кафедре кандидат филологических наук, доцент *Валентина Алексеевна Благово*. Она вела занятия по современному русскому языку, стилистике, культуре речи. Была и профоргом факультета, и куратором. Благово занималась научной работой, писала докторскую диссертацию «Проблема коммуникативной адекватности предикации». Неоднократно выступала с докладами на научных конференциях в Москве, Череповце, Туле и других городах.

В настоящее время на кафедре 14 штатных преподавателей, среди которых 3 профессора, 7 доцентов, 4 старших преподавателя.

Кафедра обеспечивает преподавание всех языковедческих дисциплин по специальности «русский язык и литература», а также дисциплины «русский язык и культура речи» на всех факультетах института.

Курсы «Введение в языкознание» и «Общее языкознание» преподаёт кандидат филологических наук, доцент Лариса Николаевна Костякова.

Курс «Современный русский литературный язык» читают доктора филологических наук, профессора Любовь Афанасьевна Чернова и Ирина Николаевна Политова, кандидаты филологических наук, доценты Елена Александровна Леонтьева, Нина Александровна Ерошкина, Елена Геннадьевна Лысоиваненко.

«Исторические» дисциплины преподаёт вот уже двадцать пять лет кандидат филологических наук, доцент Анна Юрьевна Козлова.

Методику обучения русскому языку ведут сегодня доктор филологических наук, профессор Марина Анатольевна Дубова и кандидат филологических наук, доцент Людмила Сергеевна Метликина. Они

же руководят педагогической практикой в школе. Несколько лет этот предмет преподавала Елена Кузьминична Быстрова, практикующий учитель русского языка и литературы.

Культуру речи, риторику ведут кандидат педагогических наук, доцент Людмила Васильевна Тукмачёва, старшие преподаватели Светлана Вячеславовна Тараканова, Ольга Геннадьевна Комарова, Тамара Михайловна Ауэр.

Практикум по орфографии и пунктуации ведет старший преподаватель Елена Валерьевна Глушкова.

Последние два десятилетия вопросами повышения грамотности студентов занималась старший преподаватель **Надежда Ивановна Глушкова** – выпускница нашего факультета 1965 года. Она вела практикум по русскому языку, факультатив «Трудные случаи орфографии и пунктуации». Ею издан ряд учебно-методических пособий по орфографии и пунктуации: «Сборник диктантов по русскому языку» (в соавторстве с Е. В. Глушковой), «Тесты. Трудные случаи орфографии», «Тесты. Трудные случаи пунктуации».

С 2006 года при кафедре работает аспирантура по специальности 10.02.01 – русский язык (научные руководители: проф. Л. А. Чернова и И. Н. Политова, доц. Л. Н. Костякова).

Преподаватели кафедры осуществляют также подготовку по русскому языку иностранных студентов, обучающихся в институте.

Научно-исследовательская работа кафедры ведётся по двум коллективным темам: «Функциональное описание лексики и грамматики русского языка» и «Проблемы анализа художественного текста». В рамках данных тем за последние четыре года подготовлено и внедрено в учебный процесс 30 учебно-методических пособий, опубликовано более 70 статей в межвузовских сборниках, трудах и учёных записках. Преподаватели кафедры имеют публикации в ведущих лингвистических журналах страны («Русская речь», «Русский язык в школе», «Филологические науки», «Русская словесность» и др.), являются постоянными участниками международных и всероссийских лингвистических конференций.

В год всероссийского празднования Дня славянской письменности и культуры в Коломне (2007) авторский коллектив в составе ректора института А. Б. Мазурова, преподавателей кафедры И. Н. Политовой, Л. Н. Костяковой, А. Ю. Козловой написал книгу «История родного слова: от Кирилла и Мефодия до наших дней», изданную при поддержке Министерства образования Московской области как подарочное издание для участников праздника для детей. Авторский коллектив стал победителем в номинации «Лучший издательский проект года» конкурса на соискание премии Центрального федерального округа «За нравственный подвиг учителя» (сентябрь 2007 г.).

Традиционными стали ежегодно проводимые кафедрой региональные конференции: научно-методическая конференция для учителей русского языка и литературы, конференция молодых исследователей «Лингвистическое краеведение Подмоскovie», научная конференция, посвящённая Дню славянской письменности и культуры. Преподаватели кафедры активно сотрудничают с педагогическими коллективами образовательных учреждений региона: выступают с научно-популярными лекциями перед школьниками, проводят семинары и консультации для учителей, ведут занятия в профильных классах, осуществляют разработку совместных учебно-методических и научно-методических проектов.

Ярких и интересных событий было немало за несколько десятилетий существования кафедры русского языка. Но главное достояние кафедры – это прежде всего её преподаватели, которых всегда отличал, отличает и, надеемся, будет отличать высокий профессионализм, любовь к языку, своей профессии и студентам, обучению и воспитанию которых они посвятили свою жизнь.

Кафедра литературы

«Время внимательного чтения умных книг. Чтения как события, перевернувшего жизнь», – в этих словах, произнесённых профессором А. Г. Ингером в интервью «Право быть самим собой», отчетливо выразилось то, что определило основу литературоведческой школы, сформировавшейся на кафедре литературы в 1970–1980-е годы. Безусловно, учёные, в разное время пришедшие на кафедру, прокладывали свой собственный исследовательский путь, опираясь на разные методологические принципы, которые порой отстаивались в научных спорах. Но всех без исключения объединяло одно – культ «медленного» чтения, когда научное постижение великих произведений словесного искусства превращается в своеобразное сотворчество, что становится решающим фактором в становлении личности самого ученого.

Особо подчеркнём, что такое постижение природы словесного искусства постоянно внедрялось в учебный процесс. И тогда лекция или семинарское занятие действительно превращались в важнейшее «событие». Таким интеллектуально-духовным «событием» они становились ещё и потому, что учёные кафедры литературы всегда стремились к главному – через самое пристальное изучение структуры художественных текстов подвести студентов к глубинному пониманию творческих замыслов их великих создателей.

Всё это достигалось за счёт пропорционального сочетания научно-исследовательской работы с учебно-методической деятельностью.

На сегодняшний день эта пропорция науки сохранена целиком и полностью. Доктор филологических наук, профессор, вице-президент Российского общества Ф. М. Достоевского **Владимир Александрович Викторovich**, известный историк русской литературы и исследователь творчества Ф. М. Достоевского, читает лекции по истории русской литературы третьей трети XIX века, истории русской литературной критики и журналистики. В предисловии к сборнику научных трудов к 60-летию В. А. Викторovichа подчёркнуто: «Имена Пушкина и Достоевского (а есть ещё Лажечников и Гоголь, Некрасов и Гиля-

ров-Платонов...) и сегодня остаются в центре его интересов». Концептуальные и документированные вплоть до мельчайших деталей многочисленные работы В. А. Викторовича всегда раскрывают новые стороны и факты в истории русской литературы XIX века. Значительна роль В. А. Викторовича как организатора научно-исследовательской работы. Он двадцать лет (1990–2010) заведовал кафедрой. В разные годы по его инициативе и под его редакцией на кафедре осуществлялись такие издания, как «Сюжет и время: к 70-летию Г. В. Краснова», «Литературоведение и литературоведы: к 75-летию Г. В. Краснова», «Литературные мелочи прошлого тысячелетия: к 80-летию Г. В. Краснова», «Из истории филологии: к 85-летию Г. В. Краснова», «Дом Лажечникова», «Роман Ф. М. Достоевского – «Подросток»: возможности прочтения», ««Недагогія» Ф. М. Достоевского», «Педагогические идеи русской литературы», «Летние чтения в Даровом», «Зачем литература в школе?»».

Доктор филологических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Анатолий Валентинович Кулагин, научные книги которого являются весомым вкладом в изучение русской лирической поэзии второй половины XX века, преподаёт историю русской литературы XVIII – первой трети XIX веков. Из научных книг А. В. Кулагина сформировался внушительный цикл («Поэзия В. С. Высоцкого. Творческая эволюция <1996>»; «Высоцкий как энциклопедия советской жизни. Комментарий к песням поэта» <в соавторстве с А. Е. Крыловым, 2010>»; «Окуджава и другие» <2008>»; «Лирика Булата Окуджавы» <2009>»; «У истоков авторской песни» <2010>»; «Барды и филологи. Авторская песня в зеркале литературоведения» <2011>»), который увенчан биографической книгой «Визбор», изданной в 2013 году в популярной серии «Жизнь замечательных людей».

Кандидат филологических наук, доцент Анна Юрьевна Степанова, плодотворно изучающая поэтику древнерусской литературы в текстологическом направлении (особую научную значимость имеют исследования А. Ю. Степановой всех русских редакций сказания

черноризца Храбра «О письменах» в литературном контексте XIV–XVII веков), ведёт курс «Истории древнерусской литературы».

Кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей России, автор ярких и содержательных работ о поэзии К. М. Фофанова и литературно-критических статей, Татьяна Ивановна Кондратова читает лекции о методике преподавания литературы, истории детской литературы и проводит занятия по выразительному чтению. Т. И. Кондратова – автор книги «Три рода жизни», редактор-составитель очень важного для истории нашей кафедры сборника «Айзик Ингер: судьба ко мне благоволила», руководитель поэтического объединения «Синекдоха» и организатор бардовского фестиваля «Господин Ветер».

Кандидат филологических наук, доцент Сергей Михайлович Прохоров, добившийся значительных результатов в постижении поэзии С. А. Есенина и изучении форм взаимодействия фольклора и литературы, читает лекции о «Серебряном веке» и устном народном творчестве.

В ведении кандидата филологических наук, доцента Георгия Сергеевича Прохорова, разрешившего ряд сложных теоретических проблем в книге «Поэтика прозаической книги (эйдетический период): опыт интерпретации» и статьях на тему «художественно-публицистического единства», находятся курсы «Теория литературы» и «Теория литературы и практика читательской деятельности».

Кандидат филологических наук, доцент Сергей Иванович Патрикеев, заявивший о себе в литературной науке существенными итогами изучения русской исповедально-психологической прозы XX века (он – автор монографии «Исповедь как форма психологического анализа в русской литературе первой трети XX века»), проводит занятия по курсу «История русской литературы третьей трети XX века».

Кандидат филологических наук, доцент Александр Анатольевич Алексеев, целенаправленно исследующий прозу литературно-критической эссеистики и публицистику Н. П. Гилярова-Платонова,

ведёт курсы «История отечественной литературы» и «Детская литература».

Кандидат филологических наук, доцент Нина Витальевна Кононова, результативно исследующая художественные тексты З. Н. Гиппиус, проводит занятия по курсам «Введение в литературоведение» и «История русской литературы второй трети XX века».

Кандидат филологических наук, доцент Анна Владимировна Индзинская, имеющая достижения в изучении обширного творческого наследия Вл. С. Соловьева, обеспечивает весь комплекс занятий по курсам «Основы библиографии» и «Мир Библии».

Кандидат филологических наук, доцент Ирина Викторовна Ясюкович, постигающая сложные процессы взаимодействия разных видов искусства, читает специальные курсы по проблеме «литература и музыка».

На кафедре созданы все условия и для изучения истории зарубежной литературы, что дает дополнительные возможности в компаративном исследовании русской литературной классики. С этой сложной задачей справляются кандидаты филологических наук, доценты Марина Игоревна Бондаренко, Евгений Викторович Гришин и Ирина Николаевна Меделева, успешно изучающие творчество соответственно Чарльза Диккенса, Поля Клоделя и Джеффри Чосера. В аспирантские годы они прошли научную школу доктора филологических наук, профессора *Марины Ивановны Николы*. М. И. Никола, известная исследовательница английской литературы, возглавляющая кафедру всемирной литературы в МПГУ и диссертационный совет в этом же вузе, член Международной ассоциации англистов, – в 80-е–90-е годы работала на кафедре литературы КПИ и ныне продолжает научное сотрудничество с ней через аспирантуру, в которой уже многие годы плодотворно осуществляется подготовка специалистов высшей квалификации в двух направлениях – русская литература и литература народов стран зарубежья. В достижении этой цели немалая роль принадлежит методологическому и аспирантскому семинарам, в которых периодически обсуждаются актуальные

проблемы современной как теоретической, так и исторической поэтики.

На кафедре с особым вниманием относятся к организации научно-исследовательской работы студентов, итоги которой ежегодно подводятся на Весенних литературных чтениях. Самые значительные в научном отношении доклады студентов включаются в программу межвузовской конференции молодых учёных «Поэтика и компаративистика», которую кафедра регулярно проводит в течение уже двух десятилетий (см. об этом подробнее в сб.: Поэтика и компаративистика. Коломна, 2011. С. 3).

Кафедра стимулирует участие студентов в различных конкурсах. В недавнем прошлом Екатерина Бердяева заняла второе место в конкурсе «В манере Щедрина», а Мария Тюльпина стала лауреатом фестивалей молодёжного творчества «Фестос» и авторской песни «Куликово Поле», а также дипломантом Всероссийского форума молодёжного творчества «Осиянное слово» имени Н. С. Гумилева в номинации «Поэзия».

Сотрудники кафедры не только выступают с научными докладами на межвузовских и международных конференциях, но сами принимают участие в организации и проведении различных форумов – конференций, фестивалей и семинаров. Не было такого года, чтобы кафедра литературы не провела бы конференцию или научный семинар. Такая активность способствует развитию научного диалога с учёными из других высших учебных заведений. В этом отношении трудно переоценить значение основанных В. А. Викторovichем «Летних чтений в Даровом», в которых принимают участие исследователи творчества Достоевского как из ближнего, так и из дальнего зарубежья.

То же самое можно сказать и о Пильняковских чтениях, которые кафедра проводит с конца 1980-х годов. Уже после Вторых чтений в научной печати было отмечено: «Чтения фактически приобрели статус международных, поскольку вместе с литературоведами и краеведами Москвы, Санкт-Петербурга, Коломны, Саратова, Самары в них приняли участие учёные из Польши, Германии и Южной Кореи

– свидетельство поистине мировой известности творчества Бориса Пильняка» (*Грякалова Н. Ю.* Вторые Пильняковские чтения в Коломне // *Русская литература.* 1992. № 1. С. 241).

В последующие годы Пильняковские чтения не только не потеряли этот «статус», но значительно расширили свой международный диапазон, если учесть еще и научный сборник «Б. А. Пильняк. Исследования и материалы», в шести выпусках которого опубликованы статьи зарубежных пильняковедов. В рецензии на второй выпуск этого сборника Э. Корпала-Киршак (Польша) писала: «Актуальность и познавательная ценность коломенского сборника неоспоримы. Книга не только расширяет в значительной мере наши представления о творчестве Пильняка, но и проливает свет на ряд немаловажных явлений, характерных для русской литературы начала XX века в целом» (*Slavia Orientalis.* 1998. № 4. С. 620). И сейчас, когда кафедра уже приступила к организации XI Пильняковских чтений (они пройдут в 2014 году и будут посвящены 120-летию со дня рождения писателя), этот предшествующий научный опыт для нас – надежный ориентир и такая же надежная опора.

Таким образом, и в настоящее время кафедра литературы не покидает той научной высоты, откуда явственно видны пути и перспективы постоянного совершенствования учебного процесса, направленного на глубинное постижение природы словесного искусства во всех его бесконечных жанровых проявлениях.

От редакции. Дополняя помещённый выше очерк о кафедре литературы в её сегодняшнем составе, необходимо упомянуть тех, кто работал на ней в прежние годы. Свой значительный вклад в кафедральную жизнь внесли кандидаты наук доценты *Роза Ивановна Альбеткова*, преподававшая преимущественно историко-литературные дисциплины (русская литература первой половины XIX века, спецкурс по творчеству Лермонтова и др.), и Заслуженный работник высшего образования РСФСР *Галина Николаевна Левицкая*, многие годы читавшая курс методики преподавания литературы и руководившая на кафедре педагогической практикой. (Во втором разделе нашей

книги публикуются воспоминания Р. И. Альбетковой и Г. Н. Левицкой, в которых они подробно рассказывают о своей работе в институте.) По три десятилетия с лишним каждый отдали кафедре **Александр Васильевич Земских** (1913–1984), выпускник МГПИ, кандидат филологических наук, доцент, преподававший русскую литературу XX века (советский период) и некоторое время, с 1964 по 1967 год, заведовавший кафедрой; старший преподаватель **Наталья Николаевна Евреинова** (1918–1988), выпускница того же вуза, ученица крупнейшего медиевиста профессора Н. К. Гудзия, читавшая курсы древнерусской литературы и фольклора; **Лилия Васильевна Архипова** (1930–2006), окончившая Вильнюсский университет и работавшая поначалу лаборантом кафедры, а затем ассистентом, преподававшая преимущественно на подготовительном отделении. Старший преподаватель **Михаил Павлович Маношкин** (1925–2002), участник Великой Отечественной войны, окончивший романо-германское отделение МГУ, специализировался в области зарубежной литературы и читал соответствующие лекционные курсы (до КПИ он работал преподавателем в артиллерийском училище и в средней школе). В 1975 году Маношкин ушёл с кафедры (см. очерк «Факультет пишущих людей»), и на освободившуюся вакансию была приглашена **Валерия Николаевна Абросимова**, выпускница Саратовского университета. В 1984 году она защитила на кафедре зарубежной литературы МГУ кандидатскую диссертацию по творчеству Хемингуэя. Вообще стоит сказать, что в разные годы для чтения лекционных курсов зарубежной литературы в Коломну приглашались «зарубежники» из других городов, ставшие впоследствии известными учёными: С. Н. Зенкин, А. Л. Зорин, Е. Д. Мурашкинцева из Москвы, А. Л. Гринштейн из Самары; в качестве приглашённого профессора сотрудничал с кафедрой и крупнейший теоретик литературы **Натан Давидович Тamarченко** (1940–2011).

Кафедра музыки

История музыкально-литературного отделения филологического факультета началась в 1991 году. Именно тогда **Светлана Николаевна Чекарева**, дирижёр-хоровик с большим стажем работы в Первом Московском областном музыкальном училище, при поддержке ректора КПИ Б. Д. Корешкова, открыла новое направление на одном из старейших факультетов института. Личность Светланы Николаевны определила специфику музлит, как его сразу стали называть. С. Н. Чекарева, бесспорно, была незаурядна: решительная в одних ситуациях и по-матерински заботливая в других, она уверенно вела музыкальный «корабль» к поставленной ею цели – интегрированному музыкально-литературному образованию с доминированием в музыкальном блоке близких ей по специальности и по духу дирижёрско-хоровых и фольклорных дисциплин. «Эпоха Чекаревой» длилась десятилетие – с 1991 по 2001 год, и это было яркое десятилетие. Бурные 90-е, растиражированные сейчас прежде всего в отечественном киноискусстве, имели свои минусы, но их безусловным плюсом было всеобщее осознание завершенности определённого исторического этапа и вера в государственную поддержку новых, свободных от идеологических штампов, тенденций в образовании. Одной из них стало усиление роли фольклора в системе музыкального образования и возможность создания смелых гуманитарных сочетаний. Подобным гуманитарным «кентавром», единственным, насколько известно, в немалой по масштабу и населённости Московской области, стал музлит.

Выпускникам музыкально-литературного отделения эпохи 90-х приходилось ударно трудиться, чтобы выдержать поставленную перед ними высокую образовательную планку. Фактически, они осваивали за положенное пятилетие дневной формы обучения на специалитете три (!) специальности – русский язык, литература и музыка. Конечно, всё это преподносилось сквозь призму педагогической направленности, что находило отражение в учебных программах, но подобная концентрация материала «три в одном» требовала

подготовленности студенческого контингента к ежедневным разноплановым учебным нагрузкам. Студенты, желающие хорошо учиться, но при этом позволившие себе создать семью, подключали родственников, которые либо качали детей (чтобы студент музлита в это время мог что-то читать по филологической программе или играть и петь – по музыкальной), либо – в качестве альтернативы – читали вслух учебные материалы. Воспоминания такого рода чрезвычайно украшали встречи выпускников, которые на музлите все годы его существования проводились, согласно институтским традициям, в первую субботу июня. Но долго подобный учебный прессинг продолжаться не мог: используя терминологию А. Тойнби, скажем, что учебный план продолжал ежегодно бросать студентам вызов, но они всё более затруднялись с ответом – особенно в отношении содержательно объёмных филологических дисциплин. От филологов поступил тревожный сигнал в отношении контроля качества подготовки, и как результат из учебного плана музыкантов КПИ ушла специальность «Русский язык». Музлит стал таковым в чистом виде.

С. Н. Чекарева собрала свою педагогическую команду и энергично создавала концертные масштабные проекты: масштабность достигалась прежде всего солидным количеством задействованных в них студенческих сил. В тот период численность музыкальных групп была на уровне филологических, то есть насчитывала 25 человек (иногда допускался дополнительный приём нескольких вольнослушателей, чтобы заполнить возможные потери постсессийного периода). Сейчас подобные цифры кажутся огромными: в последние годы численность групп составляет 15–18 человек. Что касается самих студентов, то на музлите они всегда были неплохими: эмоциональными, отзывчивыми, ориентированными на концертные выступления, без которых происходит мумификация музыканта, весёлыми и оригинальными. Каждый курс, как водится, был «со своим лицом» – со своими утверждёнными (назначенный руководством староста) и неофициальными лидерами, со своими общими или не очень интересами (это делало курс в восприятии преподавателей дружным или раздробленным на группы). Работать различные курсы не мешало,

это отражалось только на количестве выездов в столицу, где сосредоточились наиболее интересные из достигаемых явления в области культурной жизни. С какими-то курсами поездок было больше, какие-то занимали уклонистскую позицию, встречая призывы приобщиться к культуре в московском театре кротким молчанием.

Проекты С. Н. Чекаревой носили серьёзный характер: вспоминается, например, концерт, посвящённый Отечественной войне 1812 года, неоднократное участие в мероприятиях Комитета по культуре администрации города. За время работы в институте С. Н. Чекарева защитила кандидатскую диссертацию, предметом рассмотрения которой был музлит, и стала Заслуженным работником культуры Московской области. Ей удалось привлечь к своему детищу внимание замечательных специалистов в области музыкального фольклора. Мы гордимся тем, что когда-то на музыкально-литературном отделении работали В. М. Щуров и его ученица Н. М. Савельева. **Вячеслав Михайлович Щуров**, доктор искусствоведения, профессор, – главный фольклорист Московской консерватории имени П. И. Чайковского. Будучи уже в годах, но, как всякий хороший фольклорист, лёгкий на подъём, В. М. Щуров приезжал на несколько дней и читывал лекции, останавливаясь при этом в нашем очень простеньком в те годы общежитии! Вячеслав Михайлович являл собой пример высокого профессионализма в сочетании с простой общением (безусловно, студенты музыкального отделения по уровню специальной подготовки не могли сравниться с привычной профессору слушательской аудиторией) и подвижничеством в отношении того, во что верил. А верил он в необходимость сохранения русского фольклора, в его красоту и достоинство, в то, что даже небольшие силы, отданные изучению фольклора и его практической фиксации в рамках фольклорной практики, как минимум имеют право на существование. Конечно же, для наших студентов было чрезвычайно полезно общение с музыкантами такого ранга. Музлитовцы писали курсовые на соответствующие темы, ездили в фольклорные экспедиции и оформляли затем отчёты, имея возможность профессиональной консультации по расшифровке народных песен.

Последнее, кстати, – дело очень непростое, поскольку академические музыканты воспитаны на мажоре и миноре, а уже в XIX веке, когда встала необходимость обращения к фольклору и, соответственно, его записи, А. Н. Серов заметил, что «русская песня не знает мажора и минора и никуда не модулирует». С опорой на установившиеся фольклористические московские контакты выпускающая кафедра провела несколько небольших научных конференций.

В 2001 году С. Н. Чекарева покинула институт, и заведующей кафедрой музыки (до этого она называлась «музыки, искусствознания и спецдисциплин») стала Е. В. Щербакова. Коренной смены учебного плана при этом не произошло: его структура была логична и связана с традициями Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных (с 1992 года – Российской академии музыки имени Гнесиных), выпускницами которой были обе заведующие. Но иной возраст новой заведующей кафедрой и специальность (история и теория музыки), в сочетании с изменившимися в третьем тысячелетии отечественными реалиями и задачами высшего образования, конечно, наложили свой отпечаток на кафедральный курс. От 90-х осталась идея сочетания академической и фольклорной подготовки. Однако к ней добавился новый компонент, без которого музлит рисковал впасть в архаику, – эстрадно-джазовый.

Кафедра музыки стала чаще организовывать разнообразные научные мероприятия с целью непосредственного общения на научно-методические темы в непростую эпоху перехода от специалитета к бакалавриату. В каждом случае кафедра приобретала новый опыт. Международная конференция «Актуальные вопросы музыкального образования» (2006) позволила нам познакомиться с возглавляющим кафедру методики и методологии МПГУ Э. Б. Абдуллиным – главным (после Д. Б. Кабалевского) методистом российского музыкально-педагогического образования – и обеспечить студентов его учебниками. Организация (впервые в истории института) секции культурологии в рамках международной конференции «Славянский мир: общность и многообразие» (2007) дала превосходную возможность услышать ученых с мировым именем из РАМ имени Гнесиных (доклад

о гимнографии профессора Ю. К. Евдокимовой), пообщаться с представителями Патриархии (председателем секции был игумен Лазарь (Гнатюк), имеющий богословское и музыкальное образование), послушать белорусских музыковедов, свести знакомство с исследователями русской музыки из Государственного института искусствознания. Приятно сейчас держать в руках новый клави́р оперы А. П. Бородина «Князь Игорь», подготовленный на основе его рукописей без учета редакции Н. А. Римского-Корсакова музыковедом А. В. Булычёвой, и вспоминать её доклад о Верстовском на заседании нашей секции. Мы освоили жанр научного «круглого стола»: самым недавним было заседание на тему «Современное музыкальное образование: ревитализация традиции или легитимация инновации» (2011). На нём, помимо отечественных учёных, выступили также представители зарубежной музыкальной педагогики – Японии, Тайваня и Беларуси. К науке постепенно подключаются студенты. Курсовые последних двух лет пишутся на материалах Российской государственной библиотеки (прежде туда ездили единицы). С 2013 года началась работа студентов в коломенском и московских архивах.

Большой интерес студентов вызывают мастер-классы выдающихся музыкантов из базовых учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга. На регулярной основе уже несколько лет проходят мастер-классы по хору, которые проводит доцент «Гнесинки», замечательный специалист Е. Н. Байкова. Все студенты участвуют в мастер-классе, разучивая два произведения; обычно большая часть времени уходит на первое, но даже дирижер не ощущает очевидную разницу между первым и заключительным исполнением. Приятно воспринимать интеллектуально-теоретическую часть дирижёрской работы в неповторимо индивидуальном преподнесении Елены Николаевны. Несколько раз проводились мастер-классы по фольклору. Их в разное время вели кандидат искусствознания, доцент Т. Ю. Камаева, автор рекомендованного Учебно-методическим объединением федерального министерства вузовского учебника «Народное музыкальное творчество», и профессор Московского государственного университета культуры и искусств Л. Л. Куприянова, автор популярной в нашей

стране программы уроков музыки в школе на фольклорной основе. Надо признать, что когда специалист дает мастер-класс, апеллируя к своим учебникам и программам, с помощью которых наши старшекурсники проходят педагогическую практику, то материал воспринимается очень рельефно и убедительно. С 2012 года мы установили профессиональные контакты с Петербургом в лице консерватории и государственного университета. Представители этих учебных заведений уже дважды читали лекции по музыкальной психологии и концертмейстерскому классу с проекцией на старинный русский романс, а также давали концерт. Своего рода мастер-классом были государственные экзамены в те годы, когда председателем комиссии был энциклопедически образованный профессор Российской академии музыки В. И. Сорокин – выдающийся хормейстер, в прошлом много лет работавший под началом ученика А. В. Свешникова А. А. Юрлова.

Серьёзные требования к содержательному наполнению специальности «Музыка», возрастание роли информационных технологий в жизни российского общества и высшего образования со временем поставили вопрос об отказе от второй специальности – «Литература» (при сохранении спецкурсов по русской и зарубежной литературе в прекрасном исполнении профессуры филологического факультета). Музыканты обрели профессиональную автономию, что, с одной стороны, расширило возможности и преподавателей кафедры, и студентов, а с другой – повысило степень ответственности за реальные учебно-художественные результаты.

Новой формой работы музыкантов института в начале третьего тысячелетия стало участие преподавателей и студентов в профессиональных конкурсах, проводимых на базе различных вузов России. Дело это нервное и хлопотное. Информация о конкурсе не всегда приходит заблаговременно; жюри состоит из музыкантов, не имеющих к кафедре музыки никакого отношения; студенты много работают над программой, порой запуская другие предметы, и сильно нервничают; преподаватель «держит лицо» на репетициях со студентом-конкурсантом, поддерживая его профессионально и морально, но затем сам эмоционально «расклеивается». Особый

пункт любого конкурсного выезда – его материальное обеспечение. По одному этому пункту опытный сценарист мог бы создать неплохой триллер и, имея в актерском составе пару «звезд», сделать кассовые сборы. Студентам не полагаются командировки, нужно каким-то образом оплатить необходимый оргвзнос, нужно продумать оптимальный для сохранности творческих сил рейс и маршрут... Творческая часть подготовки к конкурсам ложится на студента-участника под руководством ответственного преподавателя-исполнителя (пианиста или вокалиста), организационная – удел заведующей кафедрой.

Наши студенты изучают не только теоретические дисциплины. Большое внимание уделяется музыкальному исполнительству, «ремеслу». Это хоровой класс, фольклорный и академический ансамбли, класс сольного пения, дирижирование, классы фортепиано и синтезатора. Во всём институте только у музыкантов существуют индивидуальные дисциплины, где учат «по традиции», в старинной «цеховой» манере – от мастера к ученику. Основные исполнительские дисциплины преподают лауреаты всероссийских и международных конкурсов. Здесь, конечно, лидируют вокалисты. Доцент **Ольга Вячеславовна Ануфриева** заняла второе место в номинации «Академическое пение» на Международном вокальном конкурсе «Санкт-Петербург в зеркале мировой музыкальной культуры», которым РГПУ имени Герцена отметил трёхсотлетний юбилей города. И место проведения конкурса, и количество участников, и «арбитры изящества» настраивали на самый серьезный лад. Председателем жюри была главная вокальная звезда северной столицы – Елена Образцова. О. В. Ануфриева умело скомбинировала в программе итальянский (ария Сантуццы из «Сельской чести» Дж. Пуччини) и «петербургский» компоненты (песню из «Русской тетради» знаменитого петербургского представителя «новой фольклорной волны» Валерия Гаврилина) и опередила очень многих претендентов на высокий результат, уступив первую позицию только хозяевам концертной площадки. Достижением этого года стало второе место в номинации «Академическое пение» на Втором Всероссийском конкурсе-фестивале музы-

кального исполнительства «Серебряная лира» (Пензенский государственный университет).

Доцент **Елена Николаевна Валенкова** участвует в различных фестивалях и конкурсах довольно часто, поскольку является концертирующим музыкантом. Её амплуа – народное пение, творческий ориентир – Людмила Зыкина с её богатым голосом, культурой вокала и житейской мудростью песен. Трудно понять, как она успевает совместить семейную жизнь, занятия со студентами, руководство детским фольклорным ансамблем в Воскресенске, концертную деятельность, работу над диссертацией и постоянные курсы повышения квалификации без отрыва от производства. Это музыкант, который поёт всегда, когда это необходимо, и делает это с полной отдачей, несмотря на личное самочувствие (на городской концерт музыкального отделения Елена Николаевна приехала петь прямо из больницы). Видимо, эту энергию «аршином общим не измерить». Е. Н. Валенкова – лауреат нескольких областных конкурсов. Её достижение этого года – второе место на Международном фестивале-конкурсе «Московское созвездие».

Анастасия Борисовна Фердинандова – лауреат II степени в номинации «Эстрадный вокал» в Международном конкурсе вокального искусства (Владимирский государственный университет). Анастасия – молодой концертирующий музыкант, ученица специалиста в области эстрадного вокала А. Е. Семёной, несколько лет проработавшей на кафедре музыки. Затем А. Е. Семёну привлёк музыкально-сценический жанр мюзикла, и она покинула институт, но её ученица продолжила традицию преподавания эстрадного вокала, чему мы очень рады.

Неудивительно, что студенты музыкального отделения при наличии таланта и желания добиваются исполнительских успехов, становясь дипломантами и лауреатами различных конкурсов. Мы гордимся нашими победами: первое место в IV Всероссийском фестивале-конкурсе музыкально-просветительских программ по курсу фортепиано для студентов разных специальностей в Российской академии музыки («Рахманинов в усадьбе Кусевицкого под Колом-

ной»; студентки-пианистки – Александра Медведева и Евгения Маркова; ведущие – Ольга Бурцева и Алексей Трофимов), диплом уже упоминавшегося Международного вокального конкурса «Санкт-Петербург в зеркале мировой музыкальной культуры» (Ольга Кураева), второе место в номинации «Академическое пение» во II Всероссийском конкурсе-фестивале «Серебряная лира» на базе Пензенского государственного университета (Ирина Зинина), третье место в номинации «Академическое пение» в открытом конкурсе вокального искусства «Поющая весна» на базе Московского городского педагогического университета (Алла Миронова).

Каждый из конкурсов поистине незабываем и обладает своей «орбитой влияния» на жизнь кафедры музыки. Есть график репетиций, согласование аудиторий с методистом, занятий с выбранным для поездки концертмейстером. Есть необходимость «обкатки» программы, для чего создаются предконкурсные нетематические концерты в рамках музыкального отделения. Например, в «гнесинском» проекте нужно было обыграть фортепианную программу, выбранную преподавателем Л. С. Шапиро – прекрасной пианисткой из музыкального колледжа. Программа состояла из произведений Рахманинова. Безусловно, Рахманинов – один из самых пианистичных композиторов мира, неотразимо привлекательный для хорошего исполнителя. Проблема в том, что его произведения, с их щедрым мелодизмом, открытой эмоциональностью и национальным духом, вовсе не требуют популяризаторства: они и так востребованы обществом. Потребовалось найти новый аспект преподнесения рахманиновской темы. Им стал музыкально-краеведческий, «коломенский» ракурс подачи программы.

Именно гнесинский конкурс 2007 года вызвал у нас интерес к музыкальным традициям Коломны, связанным не в последнюю очередь с пребыванием в ней (пусть и непродолжительным) знаменитых музыкантов. Выяснилось, что действующий лагерь «Орлёнок» в селе Акатьево располагается в здании бывшего имения Сергея Кусевицкого, приобретённого после его женитьбы в начале XX века на дочери чайного короля Наталье Ушковой. К Кусевицкому заезжа-

ли друзья – Рахманинов и Шаляпин. Этот факт остался в коломенском краеведении на легендарном уровне (он существует только в устных свидетельствах ушедших из жизни очевидцев, запечатлённых в очерках А. И. Кузовкина). Потребовались активные действия для проработки сценария просветительской программы. Список наших конкурентов в назначенный второй конкурсный день впечатлял: Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, РАМ имени Гнесиных, ГМПИ имени М. М. Ипполитова-Иванова, Академия хорового искусства, Нижегородская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки, Астраханская государственная консерватория, Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, Белорусская государственная академия музыки, Казанская государственная консерватория имени Н. Г. Жиганова и Казанский государственный университет культуры и искусств. В этом респектабельном обществе Коломенский пединститут смотрелся очень одиноко и уязвимо, поэтому никакие «тузы в рукаве» не казались лишними. Мы подключили к делу мультимедийную презентацию (как и следовало ожидать, консерваторские исполнители не додумались до подобных демократических инноваций и не транспортировали на конкурс свою мультимедийную аппаратуру, а в гнесинских залах она попросту отсутствует). В лютый мороз команда заинтересованных в успехе предприятия товарищей отправилась в нетронутые снега заброшенного зимой пионерлагеря, предварительно ухитрившись получить ключи от здания, чтобы можно было сделать снимки интерьера. Наиболее эффектными, конечно, оказались снимки вековой липовой аллеи и вида на Оку со специальной смотровой площадки. Мы долго работали с ведущими – необычайно благородными в своих вечерних нарядах. Главные герои – девочки-пианистки – к тому времени уже получили боевое крещение, став дипломантами фортепианного конкурса в Самаре.

Не приходится скучать и в стенах своего вуза, где проходят тематические камерные концерты. Студенты музыкального отделения участвуют в адресованных широкой общественности публичных лек-

циях музыкально-культурологического содержания («Искусство вокала», «Искусство фортепиано», «Искусство эстрады»), организаторами которых являются преподаватели кафедры музыки. Обязательным стало участие музыкантов института в Рождественских чтениях, проводимых под эгидой Московской Патриархии и Министерства образования Российской Федерации, в организации встреч дипломатических представителей США, Китая и других стран на факультете иностранных языков.

Музыканты института нередко выступают на городских площадках. Запомнился ежегодный арт-проект в культурном центре «Дом Озерова» «Ночь музеев», в рамках которого мы представляли то романтическую мультимедийную программу («Новеллы о любви»), то смело соединивший музыку от Баха до хитов Адели проект «И вечной музыки земное отраженье». Создаются театрализованные музыкально-литературные композиции: «Мелодия победы» (к юбилею победы в Великой Отечественной войне), «Школьные годы чудесные», «Бородино». Высокую оценку зрителей вызывают студенческие дипломные спектакли, поставленные в жанре мюзикла (например, водевиль-шутка «Дочь русского актера», поставленный в «Доме Озерова»).

Незабываем концерт выпускников (ноябрь 2011 года), в котором принимали участие те, кто после вуза стал совершенствовать определённую манеру вокальной подготовки и вести концертную деятельность. Концерт представлял собой венок талантов: фольклористка Ольга Черепанова (Лебедева) со своим фольклорным ансамблем (Егорьевский район), академистка Ольга Кураева (Голубкова) (заместитель директора по концертной работе музыкальной школы города Раменское), артистичный Алексей Трофимов (коломенская знаменитость, успешный исполнитель-лауреат, который решил продолжить обучение классическому вокалу в колледже имени Шнитке, совмещив это с работой там же в центре музыкальной информатики), сценически неотразимая эстрадница Елена Григорьева, очаровательная порывистая Оксана Ростовцева и «джазовая» интеллектуальная Ана-

стасия Фердинандова. Стоило работать много лет, чтобы получить подобный художественный результат.

Больше всего объединяют наших студентов совместные учебные и концертные мероприятия. Милые старшекурсницы успели наметить номинацию «Общение со звездой»: подойдя ко Льву Лещенко за автографом в антракте «Севильского цирюльника» в «Геликоне», они не стали опровергать его предположения, что перед ним – «будущие оперные дивы». Студенты музлита участвовали в «Фестосе» и «Студенческой весне», единственные представляли русский фольклор на фестивале «Народы мира» (Российский университет Дружбы народов)... И не случайно одно из студенческих эссе на тему «Жизнь музлита» заканчивается восклицанием «Мы – команда!»

Созвездие учёных

До середины семидесятых годов это был единственный доктор наук на кафедре литературы. Естественно, что он был первым профессором. И вполне закономерно, что студенты особенно интересовались его лекциями, основательность которых не мешала им становиться эмоционально-зажигательными, когда сам преподаватель увлекался и увлекал своих слушателей...

Константин Григорьевич Петросов родился в 1920 году. В его личном деле в качестве места рождения указан город Ереван. Но сам Константин Григорьевич рассказывал, что местом его рождения, детства и юности был Баку. Он любил вспоминать его многоязыкую речь, его многонациональную культуру. И лишь незадолго до смерти признался одному из коллег, что их семья родом из Нагорного Карабаха. Что почти все его родственники были перебиты во время большой резни. А оставшиеся в живых спасены русским офицером, который и перевёз их в Баку вместе со своей семьёй.

В 1937 году семье пришлось пережить новое потрясение. Отец узнал, что включён в список на арест, и вынужден был бежать из города. Впоследствии это подтвердила – в общении с автором этих строк – филолог Ирина Грекова, мать которой и сообщала подлежавшим аресту, что их ожидает.

В официальных документах не совсем точно (лучше сказать – наполовину точно) указано и место учёбы – Азербайджанский государственный университет. Ибо начинал он свою учебу в легендарном МИФЛИ, где был знаком со многими впоследствии известными поэтами (дружба его с Давидом Самойловым возобновилась уже в последние годы жизни обоих; в 1987 году поэт по приглашению Константина Григорьевича побывал в Коломне и выступил на организованной последним большой научной конференции по творчеству Маяковского).

Среди языков, которыми он владел, в анкетах указаны немецкий, азербайджанский, иногда армянский. Трудно судить о глубине

его познаний в немецком, но армянский К. Г. Петросов знал только на бытовом уровне, о чем всегда сожалел. А вот азербайджанский знал хорошо. Писал работы по сравнительному изучению азербайджанской и русской поэзии (теме «Маяковский и Азербайджан» была посвящена его кандидатская диссертация). Мог процитировать азербайджанские стихи. Документы умалчивают о том, что профессор знал турецкий язык. Но надо помнить, в *какие* годы эти документы составлялись...

Он окончил университет в 1944 году. Работал журналистом. Учился в аспирантуре. Его научным руководителем стал один из самых известных советских теоретиков литературы, автор вузовского учебника Л. И. Тимофеев. В 1954 году Петросов начинает работать в КПИ, и трудится здесь до самой кончины (в июне 2001 года). Он «в три захода» заведовал кафедрой в промежутке между 1955 и 1973 годами – в общей сложности без малого двенадцать лет.

Константин Григорьевич считал своей основной заслугой перед Коломенским пединститутом создание серийных «Учёных записок» нашего вуза. Издание просуществовало очень недолго (в министерских структурах решили, что в районном центре не может быть науки). Но оно подстегнуло стремление педагогов КПИ активно заниматься исследованиями (а в новое время возродилось в виде «Вестника КГПИ / МГОСГИ»; жаль, что инициатор издания-прообраза «Вестника» до этого момента не дожил).

Сам Петросов написал множество статей, постоянно выступал с докладами, выпустил несколько книг. Учтём, что в советские годы опубликовать свои работы было делом совсем не простым. Тем более, когда речь шла о научной книге. И уж совсем непросто было писать о Маяковском – если, конечно, писать аналитически, вдумчиво, без характерного для литературоведения той эпохи «хрестоматийного глянца». Константин Григорьевич писал именно так: в то время, когда в каждом большом писателе двадцатого века было принято видеть «представителя социалистического реализма», он соотносил (в своей докторской диссертации, монографиях и статьях) творчество Маяковского с романтической традицией.

Маяковский был, безусловно, «его» автором, о котором он знал практически всё, что только можно было узнать о поэте. Неудивительно, что особые отношения связывали коломенского профессора с московским Государственным музеем Маяковского. Он часто бывал в нем, возил туда студентов на экскурсии и научные заседания, заинтересованно и трепетно воспринимал всё, касавшееся этого учреждения. Участвовал в работе его Учёного совета. Старался влиять на его экспозиционную работу. Как любой заинтересованный человек, он не мог говорить о Музее и его сотрудниках без волнения. Одних любил, с другими спорил. Не было лишь тех, кого он не замечал.

Но в научном арсенале профессора был не только Маяковский. С конца 80-х годов Константин Григорьевич много занимался – и в биографическом, и в литературоведческом ключе – наследием поэтов «черкизовского круга» (определение самого Петросова), друзей и гостей дома Шервинских под Коломной, в Черкизове-Старках. Так появились его филолого-краеведческие исследования об Анне Ахматовой, Марине Цветаевой, Вере Меркурьеве, Александре Кочеткове. С самим Сергеем Васильевичем Шервинским – переводчиком, поэтом, мемуаристом – он успел познакомиться и пообщаться. Вообще Петросов был большим знатоком поэзии «Серебряного века», на лекциях (он читал как раз этот раздел, а ещё теоретико-литературные курсы) мог подолгу декламировать наизусть стихи поэтов той эпохи.

Самую последнюю свою книгу он назвал «В содружестве с поэзией более полувека». Это не только книга воспоминаний. Сюда автор включил и работы (начиная с ранних), которые, как он считал, характеризуют его в наибольшей степени. И очень стремился успеть закончить и издать её.

К. Г. Петросов был очень востребованным преподавателем. Он читал лекции в разных городах страны. Из вузов Иванова, Фрунзе, Серафимовича, Риги, Таганрога ему лично и в институт приходили благодарности. Кроме того, он участвовал в работе диссертационных советов МГУ и МГПИ.

Работа с молодыми коломенскими поэтами стала новой страницей в его обширной деятельности. В 1990-х – 2000-х годах он вел ли-

тературную студию «У Грановитой» в районной библиотеке имени Лажечникова. Часто бывает, что руководители таких студий стараются безапелляционно требовать от учеников написания близких им лично стихов. Петросов умел избежать такого порочного подхода. Он любил слушать молодых авторов. Умел подсказывать, не навязывая готовых решений. Он объяснял, как звучит разбираемое на занятии стихотворение. И спрашивал: действительно ли юный автор хотел такого эффекта или впечатления? Если хотел – то все вопросы снимались. Если нет, то рассказывал, какие приемы могут помочь добиться желаемого. Но всегда решение оставалось только за самим учеником. Так же он работал и со своими дипломниками. А его бывшие аспиранты сейчас работают на кафедре литературы. Их статьи составили сборник «*Gēnus poetarum*», выпущенный кафедрой в 1995 году, к семидесятипятилетию учёного.

В 1977 году имя профессора Петросова было занесено в Книгу Почёта Коломенского педагогического института. А в 2001 году он стал Почётным работником КГПИ.

* * *

Профессор другой кафедры – кафедры русского языка – *Александр Иванович Горшков*, доктор филологических наук, Заслуженный работник высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член Союза писателей России, действительный член Академии российской словесности, – родился в 1923 году в селе (ныне город) Ярцево Смоленской области в семье ткацкого мастера.

А. И. Горшков окончил факультет русского языка и литературы МГПИ имени В. И. Ленина и аспирантуру этого института по кафедре русского языка (научный руководитель академик В. В. Виноградов). В 1949 году защитил кандидатскую диссертацию «Народно-разговорная лексика и фразеология в сатирических журналах Н. И. Новикова 1769–1774 гг.» и был направлен на работу в Читинский государственный педагогический институт, в котором

работал до 1962 года сначала преподавателем, потом заведующим кафедрой русского языка и заместителем директора по учебной и научной работе. С января 1956-го по май 1959-го года находился в командировке в Китае, был руководителем группы советских специалистов в Харбинском институте иностранных языков, позже преобразованном в Хэйлундзянский университет. В 1962–1973 годах работал в Коломенском педагогическом институте доцентом, затем заведующим кафедрой русского языка и проректором по научной работе. В 1969 году защитил докторскую диссертацию «Проза Д. И. Фонвизина в истории русского литературного языка». В 1973-м был избран членом Международной комиссии по славянским литературным языкам при Международном комитете славистов. В этом же году был приглашен в Институт русского языка АН СССР, где работал старшим научным сотрудником, а потом заведующим сектором истории русского языка до 1986 года с перерывом в один год (1976), когда был заместителем директора по учебной работе Института русского языка имени А. С. Пушкина. С 1986 года работает в Литературном институте имени Горького. Был заведующим кафедрой стилистики и русского языка, в настоящее время профессор этой кафедры и проректор по учебно-методической работе.

Александр Иванович имеет государственные, отраслевые и общественные награды: орден «Знак почета», орден Ломоносова, медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд» и другие; почётные значки «Отличник просвещения РСФСР», «Отличник просвещения СССР», «За отличные успехи в работе высшей школы СССР», Почётную грамоту Министерства просвещения СССР, благодарности Правительства Российской Федерации и президента В. В. Путина. Имя А. И. Горшкова занесено в книгу «Москва первопрестольная» в номинации «Политическая и культурная элита». Правительство КНР наградило его медалью китайско-советской дружбы.

За время своей шестидесятилетней научной и педагогической работы Александр Иванович преподавал почти все лингвистические дисциплины, предусмотренные учебными планами филологических факультетов, но прежде всего — историю русского литературного

языка, стилистику и старославянский язык. В своей научной работе профессор Горшков — убеждённый последователь филологической концепции своего учителя академика В. В. Виноградова. Основное внимание он уделяет проблемам *употребления языка*, в частности — изучению *языка как материала словесности*. Александр Иванович впервые последовательно изложил *теорию русского литературного языка*. На основе разграничения *уровней языковых единиц, текста и языка как системы разновидностей его употребления* он показал не тождественность различных «языковых программ» (теория трёх стилей, декларации Карамзина, дискуссия «о слоге»...) и реального развития русского литературного языка во второй половине XVIII — начале XIX века, раскрыл большое значение языка просветительской прозы (М. Д. Чулков, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, А. Н. Радищев) в подготовке пушкинской языковой реформы. Разработал курс *стилистики текста*, обосновал ее принципиальное отличие от так называемой лингвистики текста. Провёл стилистический анализ ряда произведений русской классической и новейшей русской словесности и продолжает работать в этом направлении. Разрабатывает виноградовское понимание *словесной композиции текста* как «системы динамического развертывания словесных рядов в сложном единстве целого», постоянно обращая внимание на *словесные ряды* как главные компоненты композиции. Выступает сторонником положения, что стилистика не делится на лингвистическую и литературоведческую, но выступает как самостоятельный раздел филологии.

Александр Иванович — автор учебников, учебных пособий, монографий и статей по старославянскому языку, теории и истории русского литературного языка, стилистике, языку художественной литературы и теории словесности. Им написано 18 книг, а всего около 130 работ, опубликованных в России, а также в Польше, Германии, Югославии. Среди работ Александра Ивановича — первый после 1917 года научно-методический и учебный комплекс (программа, учебник, сборник задач и упражнений, методические рекомендации к ним) «Русская словесность», за который в 1999 году ему была присуждена

правительственная премия. Учебник «Русская словесность: От слова к словесности» с 1995 по 2005 год издавался восемь раз.

Учёный уделяет много внимания работе со студентами, аспирантами, соискателями, стажёрами. Он подготовил 15 кандидатов филологических наук, из которых 3 в дальнейшем при его консультативной помощи защитили и докторские диссертации.

Несмотря на почтенный возраст, Александр Иванович продолжает активную преподавательскую и научную работу.

(Материал взят с сайта Литературного института)

* * *

В течение десяти лет, с 1958-го по 1968-й, на кафедре литературы работал **Пётр Александрович Руднев** – один из ведущих отечественных стиховедов. Родился он в 1925 году в Ставрополе в семье служащих, в семнадцатилетнем возрасте ушёл на фронт, был контужен, в 1945-м демобилизовался. Год спустя поступил на классическое отделение МГПИ имени Ленина, окончил его в 1950 году, получив диплом учителя греческого и латинского, а также русского языков. Его наставником в институтские годы был А. Ф. Лосев; Руднев называл Лосева своим «Первоучителем».

Педагогическая квалификация Петру Александровичу пригодилась: прежде чем стать преподавателем КПИ, он несколько лет проработал в коломенских школах. На кафедре Руднев, имевший учительский опыт, читал сначала курс методики преподавания литературы, затем принял курс истории русской литературы начала XX века, вёл спецсеминар по творчеству Блока. Его собственные научные интересы были сосредоточены на стиховедении. Вообще-то он, прикрепившись в 1954 году к кафедре русской литературы МГПИ, начал было писать диссертацию по творчеству поэта пушкинского времени Павла Катенина, но под влиянием стиховеда М. П. Штокмара увлёкся проблемами метрики стиха и постепенно переключился в это научное русло. В Коломне была написана одна из ключевых работ Руднева –

объёмистая статья «Из истории метрического репертуара русских поэтов XIX – начала XX века (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Фет, Блок, Брюсов)», опубликованная в 1968 году в ленинградском сборнике «Теория стиха». Особый исследовательский интерес вызывала у него поэзия «Серебряного века», о которой тогда писали вообще сравнительно мало, и писали в основном с идеологических позиций, выхолащивая богатейшую поэтическую культуру этой плеяды.

Работая в Коломне, Пётр Александрович активно сотрудничал с группой стиховедения Института мировой литературы, с другими научными центрами. Приезд в Коломну в феврале 1968 года на организованную кафедрой литературы (и её тогдашним заведующим К. Г. Петросовым) конференцию по русской поэзии XX века и стиховедению целой группы замечательных учёных – З. Г. Минц, А. Л. Жовтиса, С. А. Рейсера, В. Е. Холшевникова и других – был во многом заслугой именно Руднева; он и вёл заседание секции стиховедения. К этому моменту у него уже была написана кандидатская диссертация о полиметрии в лирике Блока. Представил он её в диссертационный совет своей *alma mater* (МГПИ), но приём ему был там оказан отнюдь не «материнский». На фоне пафосных писаний о «партийности» и «народности» литературы стиховедение воспринималось в те времена чиновниками от литературоведения как направление «формалистическое», сомнительное (кстати, оно являлось своеобразным «убежищем» для тех филологов, которые не хотели участвовать в советских идеологических играх). К тому же, в своей методологии учёный тяготел к структурализму, а это тоже не приветствовалось. Защиту ему провалили – несмотря даже на то, что выступивший в прениях А. Ф. Лосев предложить присудить соискателю... сразу докторскую степень. Присутствовавший на защите К. Г. Петросов вспоминал (эти мемуары опубликованы в посвящённом памяти Руднева и вышедшем в Петербурге в 1999 году сборнике «*Studia metrica et poetica*»), что не потерявший самообладания и считавший себя, несмотря ни на что, победителем диссертант объявил, что банкет всё равно состоится. И он состоялся. Состоялась – но уже в следующем, 69-м, году, и не в Москве, а в Тарту – и сама защита, на сей раз успешная.

Оппонентами Руднева на защите были «академик и будущий академик» – В. М. Жирмунский и М. Л. Гаспаров, в ту пору пока лишь кандидат наук. А пригласил коломенского учёного в Тартуский университет – не только защищаться, но и работать – выдающийся филолог Ю. М. Лотман (сын которого, Михаил Юрьевич, станет, в свою очередь, учеником Руднева). Так что поддерживали Петра Александровича большие учёные – в том числе, кстати, известный ленинградский исследователь русской лирики Б. Я. Бухштаб, переписка Руднева с которым сохранилась и была опубликована М. К. Свиченской в сборнике «Из истории филологии» (Коломна, 2006).

Итак, осенью 1968 года Руднев вместе с новой женой, выпускницей коломенского филфака Лидией Петровной Новинской (первая его супруга, Наталья Петровна Руднева, работала на кафедре русского языка КПИ; филологами стали и оба их сына, из которых широко известен младший, Вадим – ныне доктор наук, живущий в Москве и работающий на стыке лингвистики, культурологии и эссеистики) покидает Коломну. Судя по упомянутой переписке с Бухштабом, по-настоящему *своим* человеком он себя на коломенской кафедре не ощущал, к коллегам относился сложно – но, разумеется, в совместной работе старался этого не показывать, откровенно делясь лишь в письмах с иногородним корреспондентом, от коломенских проблем далёким. Может быть, дело тут было и не в коллегах, а в собственном, не очень уживчивом, характере Петра Александровича? А может быть, ещё и в идеологической атмосфере эпохи, в которую неординарному человеку вообще трудно «вписаться»? Сказались, наверное, разные факторы...

Как бы то ни было – кафедре литературы КПИ повезло, что на ней целое десятилетие трудился такой известный учёный. Какова была его дальнейшая судьба? В Тарту Руднев проработал всего четыре года (что-то не сложилось...), переехал (как оказалось, всего на год) в Стерлитамак, а затем прочно обосновался в Петрозаводске, где преподавал в Карельском госпединституте и в Петрозаводском университете, продолжая заниматься своими излюбленными стиховедческими трудами, изучая русскую поэзию. В 1986 году

в Петрозаводске вышел сборник стихотворений Фета, составленный Рудневым и снабжённый его предисловием и примечаниями. Три года спустя в Тарту (связи с которым он не терял) было опубликовано его учебное пособие «Введение в науку о русском стихе», которое, как это часто бывает с трудами крупных учёных, перерастает сугубо учебные рамки и имеет большую научную ценность, ибо опирается во многом на собственные разыскания автора.

Пётр Александрович ушёл из жизни в 1996 году. В некрологе от кафедры русской литературы Тартуского университета, размещённом на сайте «Ruthenia», в качестве отличительных свойств личности учёного были названы «нетерпимость к невежеству и халтуре, многосторонняя эрудиция, а также всегдашняя корректность и коллегиальность». Думается, с этим согласились бы и его коломенские коллеги и ученики.

* * *

«В чём внутренний пафос моей жизни? Большая часть моей жизни была, пусть тихая, но борьба за право быть самим собой», – говорил *Айзик Геннадьевич Ингер*. Эта фраза даёт ключ к его личности.

А. Г. Ингер родился в 1925 году в селе Екатеринополе Звенигородского района Киевской области. Его не стало в 2003-м. За две недели до ухода из жизни он начал писать воспоминания (опубликованные три года спустя в посвящённом его памяти сборнике «Судьба ко мне благоволила...») – с присущей ему самоиронией, если не сказать беспощадностью к себе, не будучи уверенным в своем праве это делать. «Я стыдлив, если угодно, труслив, и, одним словом, представляю заниматься эксгибиционизмом людям более отважным, не столь старомодным».

Айзик Геннадьевич – человек-эпоха. Его жизнь – это и его личная драматичная история, и часть истории всей страны. Родившись на Украине, в селе под Киевом, он много вынужденно поездил по стране. Его отец в годы нэпа открыл маслобойню, но спустя несколь-

ко лет, когда завершилась эпоха «экономической свободы», а с нею и свободы вообще, бежал с семьёй в Магнитогорск. Жили впроголодь, в постоянном страхе высылки, ареста. В 1934 году семья Ингеров переехала в Читу. В 1937-м отец был арестован как «японский шпион». Вернувшийся из школы Айзик застал в доме обыск; тщательно просматривались даже его школьные тетради. Отец был приговорён к расстрелу. Смертную казнь заменили двадцатью годами; через два года Геннадий Абрамович будет оправдан. Но сейчас вновь, как прежде на Украине, семья «шпиона» оказалась в положении изгоев. На следующий день после ареста отца никто не хотел общаться с Ингером в школе и сидеть с ним за одной партой. Вспоминая впоследствии об этом времени, Айзик Геннадьевич всегда с горечью констатировал, насколько слаба историческая память у советских людей, порой с лёгкостью забывающих годы страха и террора.

В 1937 году Ингер оказался в Харькове, где состоялось его знакомство с музыкой. В начале войны – эвакуация из Харькова. В Чите, даже ещё не окончив школу, начал работать диктором на радио, читал сводки Совинформбюро. Он был единственным кормильцем семьи – матери и младшей сестры. Потом, с января 1943 года, – фронт. «Я не был героической натурой, скажу прямо, но я ушёл в армию, когда мне было семнадцать лет и один месяц». Был пулемётчиком на Первом Украинском фронте; кавалер ордена Отечественной войны, медали «За победу над Германией».

В сентябре 1946 года Айзик Ингер поступил на театроведческий факультет Харьковского театрального института, который окончил в 1951-м. Дипломную работу хотел писать по истории театра Салтыкова-Щедрина, но навязанной ему темой была другая – «Советский театр в борьбе за мир». При этом распределения на работу у выпускника-театроведа не было, даже дворником его не брали. Таковы были издержки советской идеологии: не может квалифицированный специалист с высшим образованием мести улицы!

Айзик Геннадьевич вернулся в Читу, устроился на работу в редакцию газеты «Забайкальский рабочий». Ему приходилось писать о том, в чём он разбирался не лучшим образом, – о жизни желез-

нодорожников. Но он честно ездил в командировки, знакомился с тяжёлыми условиями труда и быта. «Я приезжал в редакцию и пытался написать об этом хоть немного правды, но потом всё это переделывали, там ничего не оставалось от реальности, и мне было стыдно перед этими людьми».

Преподавательская деятельность Ингера началась тоже в Чите. В местном музыкальном училище он вёл курс «История музыки». Преподавал «Основы советского искусства» в областной культурно-просветительской школе. Параллельно с работой в газете он читал и лекции по выразительному чтению, истории зарубежной литературы в Читинском педагогическом институте. Выбор дисциплины он объяснял двумя обстоятельствами: хорошими преподавателями, которые были у него в Харьковском театральном институте, и чувством противоречия. «Чем больше поносили зарубежную литературу, тем больше из естественного чувства сопротивления хотел оценить её своими мозгами, а не чужими». Ингер был в Чите единственным «зарубежником», читал ежедневно по несколько пар. При этом его не принимали в штат кафедры, не брали в течение нескольких лет в аспирантуру. В 1951–1953 годах он работал как почасовик, имея при этом просто нечеловеческую нагрузку. Защита диссертации состоялась поэтому поздно: только в апреле 1963 года в Москве в МГПИ он – без научного руководителя – защитил кандидатскую диссертацию на тему «Творчество Голдсмита». Своё решение не писать докторскую Айзик Геннадьевич объяснял нежеланием зависеть от расположения или нерасположения к нему людей. Он решил «делать книги» – переводить и готовить к изданию произведения английских писателей.

В Коломну Ингер приехал в 1964 году. Приняли на работу в наш институт его вначале не преподавателем, а организатором самодеятельности. Впоследствии он будет вести курс истории зарубежной литературы, выразительное чтение и историю театра. В 1968 году Айзику Геннадьевичу было присвоено учёное звание доцента, а в 1991 году – учёное звание профессора. С 1973 по 1979 он заведовал кафедрой литературы.

Ингер стал человеком-легендой, героем студенческой мифологии. Он никого не оставлял равнодушным. Его обожали за потрясающее знание предмета, удивительный артистизм; его побаивались и недолгоблывали за непростой характер, часто излишне резкие оценки и комментарии. Будучи энциклопедически образованным человеком, Айзик Геннадьевич был при этом чужд академизма. Менторский тон ему не был свойствен. Его лекции часто отличались стилевой эклектикой, своеобразной «оксюморонностью»: он с лёгкостью смешивал высокий, действительно академический план содержания с изящной и лёгкой формой изложения, в которой присутствовали элементы разговорного стиля и даже просторечия.

Не одно поколение филфаковцев с благодарностью и восхищением вспоминает лекции мастера, поездки в театры Москвы, которые он организовывал как куратор. Любовь Айзика Геннадьевича к театру была безмерна. Её «жертвами» становились многие студенты филфака, получавшие у Ингера «неуд» по истории театра. Он просто не мог понять, как можно не знать или забыть год основания МХТа?! Сам он был страстным театралом. Из Харькова приезжал в Москву к родственникам и почти каждый вечер ходил в «храм Мельпомены». Он видел Книппер-Чехову, Хмелёва, Тарасову...

Преподавателем Ингер был очень принципиальным. Он не прощал невежества и умственной лени. Его бесполезно было просить о снисхождении к тому или иному студенту или студентке. Если все-таки подобная просьба – «обратить внимание на студента X» – звучала, Ингер честно обращал. Он спрашивал не только в рамках экзаменационного билета, но в целом по темам семестра. В итоге, как правило, был «неуд». Многие поколения студентов знали и о его «пунктике»: после него – а он появлялся в аудитории по звонку – на занятие никто не заходит. Вспоминают его ученики и о потрясающей памяти Айзика Геннадьевича на лица. Так, во время лекции, не прерывая свой рассказ, он пересчитывал присутствующих в аудитории. Если в журнале, подаваемом старостой курса, количество отсутствующих разнилось с данными Ингера, он пофамильно называл, кого нет.

Насколько блестящим был ингеровский талант лектора и педагога, настолько незаурядным был и его научный дар. Айзик Геннадьевич – переводчик и литературовед, изучавший преимущественно английскую литературу XVIII–XIX веков. Он свободно читал и говорил по-английски, работал по контракту в одном из американских университетов. Все его фундаментальные работы, связанные с переводами, комментариями и созданием критических статей, были созданы в коломенский период жизни. Он выпустил в академической серии «Литературные памятники» три больших книги английских авторов XVIII века с собственным переводом, вступительной статьей и комментариями: «Гражданин мира, или Письма китайца» О. Голдсмита (1974), «Дневник для Стеллы» Д. Свифта (1981) и «Амелию» Г. Филдинга (1996). Для фундаментальной серии «Библиотека всемирной литературы» Ингер подготовил предисловия к томам произведений Т. Смоллетта и О. Голдсмита («От романа разума к роману чувств»), а также Д. Свифта. За эту работу Айзик Геннадьевич был награжден почетной грамотой Государственного комитета СССР по печати. Последние годы своей жизни он посвятил титаническому труду по переводу «Анатомии меланхолии» Роберта Бёртона, соотечественника и современника Шекспира, и составлению комментариев к этому тексту.

Хочется особо отметить подготовленную Ингером книгу «Мария Гринберг. Статьи. Воспоминания. Материалы» (1987). Она свидетельствует не только о том, насколько сведущим в музыке был Ингер, но и о том, насколько он мог быть предан друзьям. Случайно в поезде Айзик Геннадьевич увидел свою любимую исполнительницу – пианистку Марию Израилевну Гринберг. В своих воспоминаниях он отмечал, что встреча с ней является одним из самых значительных событий в его жизни. Эта дружба выдержит испытание временем и обстоятельствами. Их судьба окажется во многом схожей: жизнь близких, поломанная в годы репрессий, невозможность работать в полную силу своей одаренности (из-за пресловутой графы в паспорте). Книгу о Гринберг Айзик Геннадьевич готовил к восьмидесятилетию со дня её рождения. В мемуарном очерке

о Марии Григорьевне, опубликованном в пятом номере журнала «Знамя» за 1999 год, Ингер писал, что работа по подготовке материалов книги принесла ему не только чувство удовлетворения, но и чувство горечи. Ему трижды приходилось переделывать написанное: ещё нельзя было говорить о многих страницах биографии Гринберг, равно как и истории страны. В итоге этого противостояния редакции помимо изучения творческого пути пианистки появилась еще одна, «неизбывная в России тема – художник и режим, художник и власть». В ноябре 1988 года Ингер произнёс вступительное слово в концерте в Саратовской государственной консерватории, посвящённом юбилейной дате блестящей пианистки.

Р. С. В декабре 2012 года доцент кафедры Татьяна Ивановна Кондратова участвовала в работе международной конференции преподавателей русского языка и литературы в Тайбэе (Тайвань). Коллеги из Читы в разговоре при слове «Коломна» сразу вспомнили Ингера. И в Коломне, и в Чите, и во многих-многих других городах, и даже странах, живут и работают его ученики. Те, кто вряд ли забудут подаренную судьбой встречу с Учителем.

* * *

Геннадий Владимирович Дагуров родился в 1909 году в семье крестьянина-середняка в деревне (улусе, как принято говорить в тех краях) Тараса́ Боханского района (аймака) Иркутской области. Поступил в Бурятский педтехникум, где, по его собственному признанию, «учился хорошо, много читал теоретические книги, изучал историю философии» (из мемуарного очерка «О себе», опубликованного в 2003 году в «Коломенском альманахе»). В 1928 году, окончив техникум, Дагуров стал работать в деревенской начальной школе. Одновременно с этим руководил комсомольской организацией, участвовал в работе избы-читальни.

Вскоре молодого учителя направили продолжать образование в Москву. Здесь он стал студентом редакционно-издательского института, а после его расформирования перешел на литературный фа-

культет Московского областного педагогического института. После окончания института Геннадий Владимирович вновь вернулся в родные места и стал работать учителем русского языка и литературы сначала в Боханском педучилище, а затем в средней школе. Читал лекции по зарубежной литературе в пединституте в Улан-Удэ, где застал его зловещий тридцать седьмой год. Предупреждённый ректором о грозящем ему аресте, Дагуров поначалу скрывался в тайге, затем добрался до Алданских золотых приисков, где опять учительствовал, был даже директором школы. Всё же уцелел, не попал под каток репрессий.

Великая Отечественная война застала Геннадия Владимировича в Кабардино-Балкарии. Отсюда он ушёл на фронт, став рядовым 412-го артполка. Участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны сначала на Харьковском направлении, затем под Сталинградом и Курском. 22 марта 1944 года получил тяжёлую контузию в область грудной клетки и в течение 6 месяцев находился на излечении в госпиталях. Потом был признан годным к нестроевой службе, его оставили в госпитале политрабработником. За участие в Великой Отечественной войне Геннадий Владимирович награждён несколькими правительственными наградами – орденом Красной Звезды и воинскими медалями.

После окончания войны Дагуров продолжил педагогическую деятельность. Три года (1946–1949) он проработал завучем советской школы в Лейпциге, а затем в течение одиннадцати лет был офицером-преподавателем и офицером-воспитателем в Свердловском суворовском военном училище.

В 1961 году, защитив кандидатскую диссертацию, Геннадий Владимирович стал преподавать в Уральском госуниверситете, а в 1965-м переехал в Коломну.

В нашем институте Г. В. Дагуров проработал тридцать лет (с 1965 по 1995 год). Он читал лекции по современному русскому языку и общему языкознанию, вёл спецкурс «Некодифицированные высказывания в современном русском языке» и спецсеминар «Особенности словоупотребления в современной русской поэзии». Боль-

шую работу проводил с учителями-словесниками города и района, читал лекции в университете учителей, на курсах повышения квалификации, выступал перед учителями в школах, на методических секциях, воспитывал у учителей стремление творчески работать и постоянно пополнять знания по специальности и методике. С 1973 по 1977 год был деканом филологического факультета. За педагогический труд награждён значками «Отличник просвещения СССР» и «Высшая школа СССР. За отличные успехи в работе».

Лекторская манера его была, по воспоминаниям выпускников, весьма необычной. На лекции он приходил всегда с маленькой записной книжкой и читал по ней, какой бы ни была тема лекции. Студенты поражались тому, что в этой книжечке помещается обширнейшая лингвистическая информация; казалось, Геннадий Владимирович пользовался современным компьютером-«планшетом» задолго до того, как эти самые планшеты вошли в наш обиход. На самом-то деле всё объяснялось, конечно, его эрудицией, позволявшей свободно оперировать разнообразным научным материалом. Кстати, был у него и настоящий офицерский планшет – наверное, уцелевший ещё с военного времени, – с которым он расхаживал по совхозным полям, когда в качестве декана (на седьмом десятке лет!) выезжал со студентами на уборку урожая. Вообще, восточный долгожитель Дагуров, совсем чуть-чуть не дотянувший до девяноста лет, поражал своим отменным здоровьем: за годы работы в нашем институте он ни разу не воспользовался больничным листом. А лечился какими-то своими «секретными» таёжными способами...

Геннадий Владимирович был не чужд чувства юмора, тоже своеобразного: шутил он на лекциях постоянно, но эти шутки контрастно оттенялись у него предельно ровной, даже монотонной интонацией и абсолютно невозмутимым, «восточным» выражением лица. Одним словом, Дагуров, как и другие мэтры филфака, был по-своему колоритным и запоминающимся, и говорят о нём ныне бывшие студенты тоже не без юмора: «А нас русскому языку бурят учил». Думается, на эту шутку он бы не обиделся.

Все годы Г. В. Дагуров активно занимался исследовательской деятельностью. Свою первую статью («Поэзия Мункэ Саридака») он опубликовал в 1932 году в журнале «Культура Бурятии». Далее публиковался в журналах «Русский язык в школе», «Русский язык в национальной школе», «Вопросы языкознания», в «Учёных записках МОПИ», различных научных сборниках. В разные годы активно сотрудничал с газетами «Уральский рабочий», «Социалистическая Кабардино-Балкария», «Литературная Россия». В 1988 году опубликовал в МОПИ учебное пособие «Грамматически не оформленные высказывания в русском языке». Подготовил и на склоне лет защитил докторскую диссертацию по теме «Некодифицируемые высказывания в современном русском языке».

На кафедре чтут память Геннадия Владимировича. В 2009 году там отметили его столетний юбилей. На специальной научной конференции, посвящённой этой дате, прозвучал и доклад доцента кафедры Н. А. Ерошкиной о лингвистических занятиях профессора Дагурова. В качестве почётного гостя из Москвы был приглашён его сын, поэт Владимир Дагуров.

* * *

Профессор *Георгий Васильевич Краснов* появился в нашем институте в 1976 году. Нельзя сказать, чтобы студенты приняли его все и безоговорочно. Хотя, бесспорно, он вызывал интерес. Прежде всего, необычной для педвуза лекторской манерой (он, в отличие от большинства тогдашних преподавателей, не диктовал текст лекции, а как бы размышлял и импровизировал в ходе её, приглашая и слушателей не к механическому восприятию и последующему воспроизведению материала на экзамене, а к сотворчеству), а также своей ироничностью и мобильностью: никто так часто не ездил на конференции, никто столько не публиковался... Даже оказавшись как-то в больнице, Георгий Васильевич был окружён книгами и завален рукописями. При этом все они были срочными, послать очередную статью нужно как можно быстрее. А потому и терять время нельзя...

Точно так же он работал над статьями и докладами в дальних скорых поездах и ближних подмосковных электричках.

Годы спустя открывались факты из его биографии.

Г. В. Краснов родился в 1921 году в Уфе в семье филолога, лингвиста. Рано лишился матери. В 1942 году он окончил Ташкентский государственный педагогический институт и стал учителем русского языка и литературы. Интерес к школьному преподаванию литературы сохранил до конца жизни, то читая лекции в Нижегородском лицее, то появляясь на методических конференциях для учителей.

Между тем, Краснов был призван в армию и служил до 1950 года. А после демобилизации начал работать в Горьковском государственном университете. Сначала старшим преподавателем, потом доцентом, а позже, с 1953 года, – деканом.

В равномерной карьере был перерыв – с 1959-го по 1964 год. Но потом Георгий Васильевич вновь вернулся в университет доцентом, заведующим кафедрой; одно время даже исполнял обязанности проректора по научной работе. В этот период (1966) он защитил докторскую диссертацию, в которой творчество Льва Толстого рассматривалось в контексте русской литературы XIX века (кандидатская, защищённая в 1949-м, была посвящена «Севастопольским рассказам»). Так длилось до следующего увольнения в 1971-ем. Тогда он был освобождён от должности заведующего кафедрой, хотя и сохранил профессорство. В немилость к местному КГБ и, соответственно, начальству он попал по причине своего сочувственного отношения к студентам, критически высказывавшимся о вводе советских войск в Чехословакию.

Пять последующих лет в его трудовой книжке не отражены. Но, как уже было сказано выше, в Коломну он приехал в 1976 году.

В памяти выпускников остался устный рассказ самого Георгия Васильевича о его приезде в Коломну. Он спросил ректора Кряжева, не опасается ли тот брать его на работу, ведь уволен он не просто так, а за «политику». На что ректор КПИ ответил: «Ну что вы, вовсе нет. Ведь я за политику сидел».

В биографии Георгия Васильевича было несколько аспектов, которые выразительно характеризуют этого человека. Прежде всего, это его умение организовывать вокруг себя людей заинтересованных и талантливых. Именно им были основаны знаменитые теперь «Болдинские чтения», а потом и соответствующий научный сборник, ежегодно (за редкими исключениями) выходящий с 1976 года. Да и воскрешение имени Достоевских Даровое началось тоже с его подачи. Второе же – это некий магнетизм его имени. Стоило приехать куда-нибудь на конференцию и назвать свой город – Коломна, как сразу находилось несколько человек, которые воспринимали тебя своим. Ибо тоже были из числа его учеников или коллег. И снова вспоминаются его рассказы. Как-то он принёс программки двух конференций в разных сибирских городах. На одно число и одно время были поставлены его доклады. «Я программы не нарушил», – сказал он. И выдержав паузу, улыбнулся: «Часовые пояса!»

В 1979 году Г. В. Краснов стал заведовать кафедрой литературы КПИ и заведовал ею до 1990-го. Это было время заметного оживления научной жизни кафедры (совпавшего, кстати, и с общественным оживлением в стране, с Перестройкой). Именно на этот период приходится проведение на кафедре различных научных конференций, а многочисленные знакомые Георгия Васильевича, известные учёные из разных городов (В. А. Кошелёв, Ю. В. Манн, Н. Д. Тamarченко, Л. Г. Фризман, Ю. Н. Чумаков и другие) приезжали в Коломну с докладами и лекциями.

Так Георгий Васильевич раскрывал мир большой науки перед каждым, кто хотел в него войти. С лёгкостью находил своим подопечным научных руководителей, темы работ, места для публикаций, конференции... Среди его учеников – такие известные филологи как Н. М. Фортунатов, В. А. Грехнёв, В. В. Фёдоров, Е. С. Хаев, Г. Л. Гумённая. Любопытно, что они очень разные по своему научному почерку: профессор Краснов не создал научной школы в прямом смысле этого слова, но всячески содействовал раскрытию индивидуальности каждого из своих подопечных. Нет ничего случайного в том, что в 1999 году ему было присвоено звание «Заслуженный дея-

тель науки». Когда в институте отмечалось его семидесятилетие, на большую научную конференцию, посвящённую этой дате, съехался весь цвет отечественного литературоведения.

Г. В. Краснов оставил после себя множество научных работ – о Пушкине, Некрасове, Толстом, Достоевском (он и читал на филфаке курс истории русской литературы второй половины XIX века, хотя «доставались» ему порой и другие разделы), о проблемах сюжетосложения и творческой биографии. Интересы и знания его были велики и казались неисчерпаемыми. Так, только в «Онегинской энциклопедии» (вышедшей двумя томами, соответственно в 1999 и 2004 годах) его перу принадлежат статьи «Воспоминанье», «Деньги», «Друг», «Забвенье», «Нижний Новгород»... В последние годы жизни (не стало Георгия Васильевича в 2008 году) он выпустил несколько тематических сборников своих статей разных лет, подводя ими итог многолетней и насыщенной научной биографии. Книги выходили у него и прежде: монография о толстовском романе-эпопее «Герой и народ» (1964), исследование «Последних песен» Некрасова и их критического и читательского восприятия в серии «Судьбы книг» (1981). Этот поздний некрасовский цикл был в своё время подготовлен учёным для издания в престижной академической серии «Литературные памятники» (1974). А самому Г. В. Краснову посвящены четыре выпущенных кафедрой (под редакцией его нижегородского ученика и коломенского коллеги, профессора В. А. Викторovichа) юбилейных сборника научных трудов (1991, 1996, 2001, 2006).

Наше Даровое

В шестидесяти двух километрах от Коломны находится сельцо Даровое, а рядом с ним, почти сливаясь, – село Моногарово. Чуть поодаль деревня Черемошня (или Чермашня). Их знают во всём мире те, кто ценит творчество Ф. М. Достоевского. Детские годы писателя связаны с родительской усадьбой Даровое, а Черемошня как знак трагедии памятна читателям «Братьев Карамазовых», его последнего романа.

Даровое, бесспорно, одно из самых значимых заповедных мест России, между тем ему выпала непростая судьба. Девяносто лет назад, в 1923 году, объявленное музеем, оно не успело стать им в полной мере: подоспели другие времена, и Достоевский, неугодный новой власти, был исключён из списка классиков, о Даровом же надолго забыли. Ближе к концу прошедшего века ситуация изменилась, музей был восстановлен, однако набравшая силу инерция захолустья предназначала ему и впредь самое жалкое существование.

С 1981 года¹ кафедра литературы Коломенского пединститута включила Даровое в сферу своих интересов: время от времени устраивались научные конференции, экскурсионные выезды, был организован театральный фестиваль «Три дня с Достоевским»... Смешанные чувства приходилось испытывать, приезжая сюда: с одной стороны, едва ли не мистическое прикосновение «гения местности», а с другой, – стыд за нашу общую беспамятность. В заповедную Липовую рощу невозможно было зайти, как будто это дикая тайга. Со всем рядом с усадебным флигелем мы как-то даже обнаружили гнездовье сов, птиц мудрых, но не расположенных к человеку. Заброшенный, искалеченный храм в Моногарове, где молились Достоевские, едва возвышался над бурьяном и торжествующим хламом. В Даровом

¹ 25–26 сентября 1981 года должна была пройти конференция «Москва и Подмосковье в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского», организованная Коломенским пединститутом совместно с Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) Академии наук. Нам уже приходилось писать о том, как была запрещена эта конференция агрессивно-пугливым зарайским райкомом (см. вступительную заметку к публикации Г. А. Фёдорова «Ты не зарайский ли?» в сб.: III Летние чтения в Даровом. Коломна, 2013).

в 1993 году на опушке леса силами поистине неисправимых чудаков-благодетелей поставлен был памятник Достоевскому, едва ли не лучший в мире, но смотрел он... на застарелую свалку. Надпись на постаменте «Пророку – Отечество» в этом контексте читалась двусмысленно. Обращения к начальникам отечества не давали результата, в ответ шли протокольные фразы («ваше беспокойство разделяем») и пустые обещания. Можно было разводить руками и повторять безнадежно «а что мы можем?».

Но ведь и мы – Отечество, думалось поневоле. Почему же нам диктуют свою волю те, кто превращает это самое Отечество в отхожее место? Такие думы и такие вопросы вели не к одним дебатам и воззваниям, не отрицая их важность по принципу «капля камень точит». Вызревала потребность *поступка*.

В 2003 году кафедра литературы при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проводила международную конференцию «Педагогические идеи русской литературы». Один день решено было провести в Даровом, куда как педагогическом месте России. На обсуждение был вынесен вопрос о судьбе этой «земли детства» русского гения; веское слово сказали филологи, краеведы, ландшафтные архитекторы, музейщики. Загодя до умных разговоров в усадьбу на две недели заброшен был первый преподавательско-студенческий десант коломенского филфака. Ночевали в музейном флигеле, у соседей-крестьян. В саду вырыли столы со скамьями, устроили походную кухню. Начали тогда с расчистки храма, роши, усадьбы. Долбя ломом слежавшиеся удобрения в церковной трапезной, филологи помянули тихим словом Геракла на знаменитых конюшнях. Работа в лесу приносила гораздо больше удовольствия от вида преобразяющегося на твоих глазах и от твоих рук заповедного пространства (всё-таки более трёхсот деревьев, лип и дубов, помнили «его»). На следующий год в свободное от «очистительных» работ время студенты во главе с Т. И. Кондратовой стали ходить по домам, записывать местные предания, исторические свидетельства, составляли топонимическую карту (фольклорную часть экспедиции затем принял С. М. Прохоров). Результаты первых опытов со всей оче-

видностью показали, что мы ввязались в дело долгое, хлопотливое, с неясной и во всяком случае очень далёкой перспективой. Следовало или предусмотрительно отойти в сторону, или отдаться во власть упрямой настырности. Правду сказать, такого выбора перед филфаком и не стояло: Даровое как будто само не захотело «отпускать» от себя первопроходцев 2003–2005 годов. Иные из студентов-даровчан тех лет тянулись в памятные места все годы учёбы и даже после окончания института. Назовём особенно запомнившихся: Денис Балашов, Денис Новиков, Наталья Красюкова, Наталья Курникова, Михаил Прохоров, Владимир Минаев, Иван Захаркин, Александр Резников, Виталий Куклев, Екатерина Перевезенцева, Софья Перемышленко, Валерия Рудакова, Денис Астахов, Елена Ивашевская, Елена Щёлкова, Галина Карева, Юлия Алакаева...

От них пошла ещё одна составляющая Дарового. Филфак и всегда-то был, гласно или негласно, рассадником поэтов, а воздух Дарового, очевидно, способствовал пробуждению творческой энергии. «Землю попашет, попишет стихи» – так можно было сказать о Михаиле Прохорове, Наталье Красюковой, Марии Тюльпиной... Летом 2008 пришло подкрепление в лице известных бардов Григория Данского и Ксении Полтевой. То, что звучало у вечернего костра, наутро отзывалось на кухне (поющие повара) и на «лесоразработках» (поющие труженики граблей, мечта Чернышевского и Пырьева). На следующий год к нам в Даровое приехало уже полтора десятка поэтов, финалисты переделкинского форума «Осиянное слово» под началом Алексея Витакова. Рядом с лагерем образовалась «поляна поэтов», куда после дневных трудов сходились гости и хозяева на словесные ристалища и летучие мастер-классы. Здесь было положено начало будущему бардовскому фестивалю «Господин Ветер». Правда, его участники оказались потом унесёнными ветром поближе к Коломне, но есть надежда, что они будут возвращаться к своим истокам. Поющие же волонтеры в Даровом с тех пор не перевелись.

2005 год стал годом важных свершений. РГНФ поддержал проект экспедиции «Усадьба Даровое: реставрация». Предварительно были обследованы различные архивы и в результате найдены меже-

вые планы усадьбы XVIII–XIX веков. Для выявления фундаментов усадебных построек в Даровое пришли археологи во главе с А. С. Сыроватко – таким образом к филологическому факультету присоединился исторический. Не скроем, взгляд историков на филологов поначалу был несколько свысока: сказывалось ошибочно-пренебрежительное отношение к усадебной археологии («вы что, хотите юношеские дневники Достоевского откопать?»). К тому же спартанские условия жизни историков в палаточном лагере давали моральное преимущество перед житьём филологов в летнем лагере хоть с минимальными, но удобствами (местные власти, почуяв пользу от нашего пребывания, выделили для нас дом-общежитие в Моногарове). Впрочем, после упорных поединков на футбольном поле и волейбольной площадке равновесие между «истами» и «филами» было восстановлено. А найденные в ходе раскопок фундаменты XVIII и XIX веков, вещи, которые могли принадлежать семьям Достоевских и Ивановых (младшая сестра писателя В. М. Достоевская-Иванова с середины XIX века стала владелицей усадьбы) – нательный крест, иконка, медный подвес, белоглиняная расписная лошадка, фрагменты посуды – несколько утешили строгих ревнителей «высокой» археологии. 2005 год был только началом нашего сотрудничества; тогда же к работе присоединилась группа геодезической разведки геологического факультета МГУ. Георадарное сканирование территории усадьбы поставило много вопросов для продолжения археологических исследований. Они и были продолжены в 2006, 2008 и 2009 годах.

В том же 2005 году с помощью специалистов-дендрологов ЦТРК «Преображенское» были пронумерованы и описаны 437 деревьев Липовой рощи в возрасте от 130 до 280 лет, намечены и начаты работы по санитарной расчистке, проложен экскурсионный маршрут по Липовой и Фединой рощам, по саду и берегу Маменькиного пруда (два первых названия исторические, а последнее, следует признать, придумано нами на основании известного факта: пруд был вырыт по указанию матери писателя).

Расчистка территории вокруг храма Сошествия Святого Духа в Моногарове привела к новому открытию: освобождённые от лесных

зарослей, обнаружили стены бывшей церковной школы, стоящей на берегу живописной поймы речки Уйны. Открылись могильные плиты церковного погоста, правда, безымянную могилу отца Достоевского среди них найти было пока невозможно. Участники экспедиции при благотворительной помощи коломенского предприятия «Контур» (директор его Константин Юрьевич Львов оказался на редкость просвещённым и отзывчивым человеком) установили памятник, так называемый кенотаф, на границе погоста – поклонный крест и гранитную плиту с надписью: «На этом погосте покоится Михаил Андреевич Достоевский (1789–1839), врач, отец Ф. М. Достоевского». Открыл памятник правнук писателя Дмитрий Андреевич Достоевский. Об этом событии писала российская и зарубежная пресса (в частности, японская газета «Майнити»). Работа была продолжена и в 2011 году: опять же с помощью «Контура», мы поставили памятник на могиле Марии Александровны Ивановой, племянницы Достоевского и последней владелицы Дарового.

27 августа 2005 года в Даровом и Зарайске прошло выездное заседание Совета Российского общества Ф. М. Достоевского под руководством его президента В. А. Туниманова. Видные российские учёные пришли к единодушному решению поддержать инициативу Коломенского пединститута по восстановлению заповедного Дарового.

Ещё одно событие 2005 года стоит отметить особо: начало нашего сотрудничества с Центром технической диагностики «Диаскан». И здесь решающую роль сыграл человеческий фактор: живой, неподдельный интерес к возрождению Дарового проявил тогдашний директор предприятия Николай Николаевич Пекарников.

В 2006 году отмечалось пятисотлетие рода Достоевских, и первым событием юбилейного года стала выставка «Даровое – земля детства Ф. М. Достоевского», развёрнутая в марте – апреле в Коломенском пединституте. Вместе с институтом её организаторами выступили Государственный литературный музей и музей «Зарайский кремль». Большой интерес у посетителей вызвали наши архивные и археологические находки, предметы старого крестьянского быта и записи былей – небылей Дарового, собранные фольклорно-

этнографическими экспедициями. Подобного рода отчётную выставку мы провели и в 2009 году, её почётными гостями были губернатор и министр образования Московской области. В ноябре 2013 года к десятилетию даровских экспедиций КГПИ – МГОСГИ планируется третья выставка.

Летняя комплексная экспедиция 2006 года проводилась по проекту «Храм Сошествия Святого Духа в Моногарове как символ возрождающейся России», поддержанному РГНФ. Наша задача была создать все предварительные условия, необходимые для начала реставрации. Когда соединились вместе найденные архивные документы, археологические данные, свидетельские записи старожилов, то прояснилась история храма, построенного в 1763 году, а после революции закрытого и служившего то складом, то магазином, затем и вовсе заброшенного. Была восстановлена также история полуразрушенной церковной школы. Археологические находки – монеты времён Анны Иоанновны и Елизаветы, печные изразцы с сюжетной росписью – свидетельствовали о XVII–XVIII веках как о времени расцвета этих мест, принадлежавших состоятельному роду Хотяинцевых. Богатство каким-то образом связывалось тогда с заботой «о душе», а в итоге на земле остался храм, построенный «тщанием» Хотяинцевых. О былом великолепии свидетельствовали и раскрытые основания классических портиков с южной и северной стороны. Теперь (или пока) их во всей красе можно увидеть только на старой фотографии из фондов Государственного Литературного музея.

О совсем других временах говорили два красноречивых приобретения тогдашней экспедиции. При расчистке территории вокруг храма (так называемое вертикальное планирование, открывшее остатки каменной церковной ограды) студенты нашли медную тарелочку, пробитую пулькой. Мишенью кому-то послужил предмет церковной утвари – дискос, на коем священник соединяет хлеб и вино, тело и кровь Христовы. Вспоминается эпизод из очерка Достоевского «Влас», где герой, соревнуясь в кощунстве, собирается выстрелить в причастие. Герой Достоевского был остановлен какой-то внутренней силой; нового же Власа, похоже, ничто не останавливало. Вскоре

фольклористы принесли икону Казанской Божьей Матери, кем-то разрубленную топором, но затем бережно сохранённую крестьянской семьёй.

Гуляя по Моногарову, мы нередко узнавали «знакомые» церковные камни, приспособленные для разных хозяйственных нужд. А однажды соседка среднего возраста пришла с просьбой: «Заберите камушки, а то видения стали посещать». Может, и вправду времена меняются?

В итоге работы экспедиции был подготовлен большой пакет документов, необходимых для начала реставрации. Вышла из печати брошюра «Спасти храм Достоевских», подготовленная нами вместе с американским историком русской архитектуры У. Брумфилдом. Общими усилиями совместно с церковным приходом удалось добиться включения храма в федеральную программу «Культура России», и реставрационные работы начались в 2008 году. Увы, приходится с огорчением констатировать, что с 2011 года финансирование было прекращено, и теперь наша общая забота состоит в том, чтобы бесценный для национальной культуры памятник не превратился в типичный долгострой.

В том же юбилейном 2006 году состоялась первая конференция под названием «Летние чтения в Даровом», организованная кафедрой литературы при поддержке Министерства образования Московской области и РГНФ. В ней приняли участие учёные из России, Украины, Белоруссии, Чехии, Венгрии, Китая, Японии, США. Итоги нашей работы в Даровом и Моногарове были представлены в девяти докладах и вызвали заинтересованное и плодотворное обсуждение. «Летние чтения в Даровом», сохраняя статус международной конференции, прошли в 2009, а затем в 2011 году. Собирая лучшие научные силы, они стали в ряд крупнейших событий отечественного достоевковедения.

2007 год стал годом первого публичного признания. Коллектив преподавателей и студентов был тогда награждён медалью «За заслуги в возрождении памятников Отечества», учреждённой Национальным фондом «Возрождение русской усадьбы». Тогда же под-

готовленный на кафедре литературы и выпущенный при поддержке «Диаскана» настенный календарь «500 лет роду Достоевских» победил во Всероссийском конкурсе «Лучшее корпоративное медиа 2007». В 2008 году наша деятельность была отмечена Национальной премией «Культурное наследие» и грантом Президента Российской Федерации, в 2009–2011-ом – благодарственными письмами министра культуры РФ; она неоднократно получала благословение митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Всё это радует, хотя, разумеется, лучшей наградой было бы скорейшее и полномасштабное возрождение Дарового в статусе природо-культурного заповедника.

Пока же мы делаем то, что в наших силах. Непрерывно расширяется поле деятельности – теперь это не только храм, лес, сад, территория усадьбы, но и открытая нами въездная аллея, три мемориальных погоста... Наши фольклористы ходят всё дальше, архивисты копают всё глубже... Начаты проекты социального и педагогического характера. Отрадно, что при этом расширяется круг наших помощников и, как говорили в старину, сочувственников. С 2007 году в этот круг вошли замечательные дендрологи из ООО «Дендродоктор» (Москва). Они начали наконец-то лечить старые мемориальные деревья, а между делом руководитель этого лесного санбата Юрий Васильевич Петерсон так увлекательно рассказывал о жизни деревьев, что студенты-филологи слушали раскрыв рты. Не менее увлекательная вещь – орнитофауна Дарового, описанная по нашей просьбе специалистом-орнитологом Романом Захаровым. Не откажем себе в удовольствии назвать хотя бы некоторых пернатых обитателей Липовой роши: дрозд певчий, чёрный, рябинник и белобровик, зарянка, лазоревка, зяблик, чиж, дятел пёстрый и белоспинный, конёк лесной, зелёная пересмешка. Слышите, какой ансамбль поёт и играет для нас каждый день? Это даже утешительнее министерских писем. Во всяком случае, понятнее становится, зачем мы помогаем старым деревьям и сажаем новые.

Вообще говоря, лес, может быть, главное и, как мы теперь понимаем, чрезвычайно хрупкое сокровище «земли детства». Достоевского принято считать певцом города, на самом деле именно он зая-

вил весомо и сильно, что «человечество обновится в Саду и Садом выправится» (в это широкое для XIX века понятие он включал и лес, и собственно сад). Сказанное им как будто растворилось в чудесном врачующем ландшафте Дарового, что ощущают все прошедшие «школу Достоевского», русские и иностранцы. Литературовед из Японии назвал это место «Даровая Поляна» (по аналогии с толстовской «Ясной Поляной»), а преклонных лет русская эмигрантка, приехавшая в Даровое из Бразилии, без всякой аффектации сказала, что теперь может спокойно умереть.

Негромкая музыка пространства и памяти, надо признать, доходит не до всех ушей. Нам встречались экскурсанты (и их «дежурные» экскурсоводы), проделавшие лишь краткий путь от памятника до флигеля с недоумением в глазах («Зачем я здесь?»). Что ж, кого-то Даровое принимает, а кого-то не подпускает. Многое зависит от проводника, экскурсовода, но процесс настройки на *волну Дарового* может быть только взаимным, при обоюдных душевных усилиях дающего и принимающего.

В этом смысле хороший урок преподала нам выставка «Достоевский. Дорога детства» (автор А. Бессонова, художник П. Зеленецкий), с успехом проходившая в 2009 году в Культурном центре «Лига» (Коломна), а в 2011-ом – во флигеле усадьбы Даровое. Можно было бы привести восторженные отзывы прессы, обычных посетителей и профессионалов (среди которых были известные достоевсковеды, музейщики), а можно вспомнить угрюмо-непроницаемые лица тех, кто своею властью поспешил свернуть выставку в Даровом. Однако любой желающий может составить своё мнение о проекте «Достоевский. Дорога детства», посмотрев фильм о выставке на сайте Некоммерческого партнёрства «Заповедное Даровое» www.darovoe.ru. Это принципиальный для нашей деятельности интернет-ресурс, где сосредоточена объективная информация как о самом Даровом, так и о нашей деятельности по его сохранению и развитию.

«Имеющие уши...» Слава Богу, всё больше равнодушных людей приходит в Даровое. Уже несколько лет вместе с нами трудятся

преподаватели и студенты Зарайского педагогического колледжа имени В. В. Виноградова, школьники из Луховиц, а летом 2012 года летний лагерь в Моногарове принял московских волонтеров. В самом институте к филфаку присоединились не только историки, но и студенты факультета физической культуры и спорта, иняза. Активизировалось студенческое самоуправление. На конкурсе «Студенческая весна Подмосковья. 2013» волонтеры МГОСГИ заняли первое место, высокую оценку получила их деятельность в Даровом.

Мы назвали по именам наших студентов-первопроходцев. Надо бы назвать и тех, кто вслед за ними «пришёл» к Даровому: Яна Михайлова, Михаил Бурмистров, Дарья Михалёва, Замира Мардихудоева, Тимур Сумин, Яна Ахломова, Екатерина Нестерова, Татьяна Соловьёва, Татьяна Захарова, Ольга Плакунова, Мария Циркунова, Дмитрий Рыбин, Сергей Мироненко, Анна Исаева, Ольга Минаева, Юлия Платонова, Дарья Покровская...

Сегодня с нами выпускники филфака прошлых лет: Денис Балашов (оператор видео), Ольга Антропова (собственный корреспондент), Георгий Прохоров (исследователь редких архивных документов), Альбина Бессонова (руководитель летнего лагеря, создатель и администратор сайта)...

Список не закрыт, потому что Даровое продолжается и с нами не прощается «лето его детства».

Факультет пишущих людей

На филфак приходят учиться люди, любящие язык и литературу. Неудивительно, что многие из них сами пишут стихи и прозу. Кто-то делает это просто в силу своего впечатлительного юного возраста и с годами отходит от сочинительства. Но кто-то продолжает писать и после окончания института, приближаясь к профессиональному уровню, выпускает книги, считает литературное творчество важной частью своей жизни. Между тем, в пристрастии к нему «замечены» не только студенты, но и люди «солидные» – преподаватели, сотрудники факультета...

Геннадий Дагуров, три десятилетия проработавший на кафедре русского языка, сочинял стихи с молодости. Выросший в Бурятии и хорошо знавший культуру своего народа, он писал, однако, на русском языке и уже в конце 1920-х годов публиковал свои произведения в местных изданиях – газете «Бурят-Монгольская правда», альманахе «Новая Сибирь», позже – в журналах «Сибирские огни», «Байкал», «Урал». Его творчество одобрил Максим Горький. А среди литературных друзей Дагурова был известный поэт Павел Васильев, с которым он познакомился в Верхнеудинске, когда Васильев возвращался в Москву из поездки на Дальний Восток. В 60-х, незадолго до переезда в Коломну, в квартире Дагурова в Свердловске (нынешнем Екатеринбурге) побывал в гостях Булат Окуджава, друживший с сыном Геннадия Владимировича, в ту пору начинающим поэтом Владимиром Дагуровым. Судьба самого Геннадия Дагурова сложилась так, что в годы культа личности он, опасаясь ареста, был вынужден скрываться (см. очерк «Созвездие учёных»). Затем был фронт. В литературной работе Дагурова наступил долгий перерыв, зато в эпоху Оттепели он снова появился на литературном небосклоне Бурятии. В 1958 году там затевалось издание «Антологии бурятской поэзии», и Геннадий Владимирович – в ту пору житель Урала – получил приглашение участвовать в ней. И тогда стали появляться новые стихи. Вместе с прежними они составили сборник «Та-

раса» (название родного улуса поэта), вышедший в Бурятском книжном издательстве (Улан-Удэ) в 1963 году. В центре книги – одноимённая лирическая поэма, поэтическое признание в любви родному краю, искренность которого не умаляется знакомой «твардовской» интонацией:

Долина, с детства милая,
Родимый мой улус!
Дана мне здесь фамилия,
Как нить от древних уз.

Родством, как пуповиною,
С улусом связан был.
Прийти к нему с повинною
И нынче не забыл.

В 1990-е годы, когда исчезли издательские ограничения советского времени и стало можно напечататься «своими силами», Дагуров выпустил ещё две книжки – поэму «Павел Балтахинов» (об участнике Гражданской войны, красном комиссаре; 1991) с помещённым в качестве предисловия факсимильным воспроизведением письма известного поэта Павла Антокольского автору книги с высокой оценкой поэмы, и сборник лирических стихов «Байкальская баллада» (1997).

Одновременно с Г. Дагуровым трудился на филфаке **Константин Петросов**, коллеги и ученики которого долго не знали о том, что он в юности сочинял стихи. Петросов «выдал» себя сам, когда уже на восьмом десятке лет вновь взялся за перо и на рубеже столетий (в 1998 и 2001 годах) выпустил два поэтических сборника. Один из них назывался «Стихи разных лет» (в неё Константин Григорьевич включил ещё и стихотворения своей трагически ушедшей из жизни дочери Наталии), другой – «Колесо фортуны». Этот новый всплеск творчества понятен: поэтическое мироощущение «русского кавказца», романтика по внутреннему складу, с годами так и не обретшего профессорской солидности, способного по-юношески «загораться», –

на деле всегда оставалось при нём. Каждому, кто общался с ним, были знакомы его импульсивность и неуспокоенность. Так что стихи были просто обязаны вернуться к нему.

Многолетняя любовь – если не сказать страсть – к искусству сделала любимых Петросовым поэтов и художников героями его собственных стихов. Особое место в его личном пантеоне занимал Маяковский, о котором филолог Петросов и в «глухие» советские времена ухитрялся писать неказённо. А уж поэт Петросов мог признаться в любви к «агитатору, горлану, главарю» и тем более откровенно, попутно используя характерные романтические мотивы творчества и черты личности своего героя:

Душу не спрятать в картонные латы,
Слово не втиснуть в картонные фразы.
Как завладевшие судном пираты,
В уши врываются строки-приказы.

Гневный. Измята в зубах папироса.
Вам, ошалевшее сборище выжиг,
Огненным словом, словом матросским,
Клейма на лица позорные выжег.

Это написано в 1940 (!) году, когда начиналось и санкционированное «сверху» открытие Маяковского, и одновременно – выхолащивание его наследия, наведение на него «хрестоматийного глянца». Как далеки от этого «глянца» стихи двадцатилетнего Петросова! (Подробный анализ его поэтического творчества содержится в специальной статье Т. Кондратовой, опубликованной в седьмом выпуске «Коломенского альманаха».)

Преподаватель зарубежной литературы *Михаил Маношкин* оставил в середине семидесятых годов педагогическую работу и активно занялся литературным творчеством, о котором мечтал с детства, но постоянная служебная занятость не оставляла для этого времени и сил. На страницах «Коломенского альманаха» печатались его рассказы и (уже после кончины писателя) исторический роман «На исходе

каменного века» (вып. 8, 2004); а ещё два исторических романа под общим названием «Перед гуннами» были изданы при жизни автора в одном переплётё в Нижнем Новгороде в 1994 году. Сам факт работы в таких крупных формах в эпоху рынка и «быстрого чтения» говорит о том, что Михаил Павлович видел в творчестве своё главное призвание и упорно творил в традиционной повествовательной манере свои эпические полотна – возможно, и не задумываясь о степени их читательской востребованности.

Валерий Благово появился на кафедре литературы в середине 80-х годов в качестве преподавателя русской литературы XX века, проработав перед этим многие годы в Елабужском пединституте. В 1991 году он выпустил – правда, не в нашем городе, а в Ярославле – сборник стихов «Говор», на страницах которого легко просматриваются культурные предпочтения автора. Будучи уроженцем сравнительно северного костромского края, он ценил мотивы фольклорные и исторические, отразившиеся в его собственных стихах (и отчасти в картинах; Благово увлекался живописью и даже выставлял свои работы в Доме Озерова, а сборник «Говор» оформил сам) – например, вот этих, стилизованных под народную песню, посвящённых Елене Анненковой, его однокашнице по ленинградской аспирантуре, а ныне известному учёному-гоголеведу, доктору филологических наук, профессору педуниверситета в Петербурге:

Бывало, сидишь у окна
И думаешь думу несмело...
А там, за лугами, – страна,
Одетая облаком белым.
Бывало, закрутится пыль
За полем, за быстрою речкой –
Мой милый меня не забыл,
Забьётся невольно сердечко.

Увы, нараставшее с годами и достигшее гипертрофированного масштаба чувство «национальной гордости великороссов», вкупе с неуживчивостью характера, сильно повредило Валерию Александр-

ровичу, привело его к конфликту с кафедрой, и в итоге – к уходу из института...

В 60-е–70-е годы на кафедре литературы работала лаборантом *Елена Трунина*, всю свою жизнь писавшая стихи. В последующие годы она собрала их в две поэтические книги, вышедшие соответственно в 2003 («Неповторимое») и в 2011 году («Розовый жасмин»). Её лирика интересна тем, что даёт каждый раз как бы мгновенный срез душевной жизни, выражает настроение, пропущенное часто через лирический пейзаж, окружающий героиню стихов. Таков, например, «Этюд», запечатлевший трудноуловимый в житейской повседневности момент душевного равновесия:

Да что же так хорошо?
Да август ко мне пришёл.
И неба чистейшего свет
Бестрепетно так струится.
Дорога молчит, не пылится.
Кричат петухи.
Орут петухи.
Пропали другие звуки.
И пишутся не спеша стихи
Без страсти, но и без муки.

Поэтическая тяга к национальной почве, к малой родине по-своему выразилась в творчестве *Татьяны Башкировой*, трудившейся тоже в должности лаборанта кафедры литературы, но гораздо позже, в 1990-х – начале 2000-х годов. В своё время, в 70-е годы, она была участницей литературного объединения «Зарница», которым руководил Александр Кирсанов; после закрытия «Зарницы» посещала (уже в 80-х) занятия литобъединения «Зелёные цветы» под руководством Олега Кочеткова. Поэтические вкусы и пристрастия второго наставника («тихая лирика», «сельская» поэзия Н. Рубцова, драматичные стихи Ю. Кузнецова) отразились на творчестве Т. Башкировой, преломились в её произведениях сквозь призму женской души и женской судьбы. Среди лучших её стихов – те, в которых ностальгически пе-

реживается прошлое, собственная судьба лирической героини и судьба её близких, судьба родного уголка – дворика детства в коломенском пригороде Щурово:

Зарос травой иль меньше стал тот двор.
Теперь здесь наши бегают ребята.
А вид с крыльца волнует до сих пор:
Голутвин-монастырь в лучах заката.
Здесь у забора движется Ока,
Полынь цветёт, невзрачна и горька,
На светлой зорьке точит вдовьи слёзы,
И добрым словом помнят старика,
Что посадил под окнами берёзы.
От суеты, от пыльных, шумных дней
Тут хорошо... И мы, душою дети,
Спешим к окошку матери своей,
Пока оно нам в этом мире светит.

Это давнее стихотворение вошло – наряду с другими, созданными в разные годы, стихами поэтессы – в авторский сборник «По обе стороны времён», вышедший в 2004 году в серии «Коломенский книгочей», издаваемой в рамках «Библиотечки Коломенского альманаха». Кстати, Татьяна Фёдоровна – постоянный и активный член редколлегии и автор этого литературного ежегодника.

В семидесятых годах на заочном отделении филфака учился Игорь Кузьмин, стихи которого публиковались в местной печати поначалу под его собственной фамилией, а затем под псевдонимом *Игорь Весенний*. Почему он выбрал такой – «пейзажный» – псевдоним? Автор, выросший в семье лесника на Рязанщине, признаётся, что тема природы, сплетаясь с темой детства, во многом определили и склад его личности, и характер поэтического творчества. Именно такое впечатление производит его небольшой сборник «Босоногая пора» (1998), имеющий скромный авторский подзаголовок «цикл стихов» (и тоже – как книга В. Благово – оформленный самим автором, которому не чужд был талант графика). В сборнике собраны

пейзажные лирические зарисовки, выдающие особое пристрастие Игоря Весеннего к традиции своего знаменитого земляка, поэта, ярче всех воспевшего нашу среднерусскую, рязанско-подмосковную, полосу:

Из многих листьев на Земле
Кленовый
Сердцу всех дороже.
В его загадочном тепле
Что взволновать под осень может?
Ведь не какой-нибудь пустяк,
Раз на него гляжу влюблённо:
Вдруг брат он им
Или земляк –
Всем тем,
С есенинского клёна?

Немалый собственный поэтический опыт, близость к профессиональному уровню позволили Игорю Борисовичу руководить некоторое время одним из московских литературных объединений (он и сам жил в ту пору – в восьмидесятые годы – в столице, затем вернулся в Коломну).

Пейзажных стихов немало и в творчестве *Марии Карпухиной* (*Майер*), выпускницы 1981 года, и это тоже естественно: она выросла в селе Бакунино под Коломной, для неё красота природы, прелесть села – звук не пустой и не абстрактный. Но при этом родными местами её лирическая героиня любит глазами филолога, знатока русской поэзии. Так сошлось, что неподалёку от родного села Марии Карпухиной находится место, связанное с именем Ахматовой и с именами других известных поэтов, – Черкизово (Старки). Поэтому есть в книге стихов Карпухиной «Память родины» (1997) строки, представляющие собой своеобразный парафраз на тему известных ахматовских стихов о коломенской земле («Где на четырёх высоких лапах...») и прочитанные Марией именно там, у стен черкизовского храма, в дни столетнего ахматовского юбилея в июне 1989 года

(праздника, в проведении которого участвовала, кстати, и кафедра литературы):

Свиток времени память раскручивает,
Зримо слово произнесённое:
Колокольня, боками певучими
Звонко-радостно вознесённая.

То же солнце и туча сизая
Над Старками, землёю заветною,
Над Москва-рекой, и Черкизовом,
И над старыми липами светлыми.

Веет запахом брёвен оструганных,
Речка катится лентою матовой...
Пенье колокола над округою
Отозвалось стихами Ахматовой...

В 1982 году получила филфаковский диплом *Татьяна Кондратова*, судьба которой на многие годы окажется связана с нашим факультетом: сюда она, проработав добрый десяток лет в одной из коломенских школ, будет принята на кафедру литературы, здесь станет кандидатом наук, доцентом. Её воспоминания о собственной учёбе на филфаке увидели свет в 2003 году в «Коломенском альманахе». В биографии Т. Кондратовой как бы повторилась петросовская ситуация: она много лет писала стихи и даже авторские песни, но коллеги и студенты об этом не знали. И лишь несколько лет назад «не выдержала»: появились два диска с песнями (под псевдонимом «Татьяна Митина», но с портретом Татьяны Кондратовой); появился – в 2011 году – и сборник «Три рода жизни», в котором она вновь удивила, выступив не только как поэт, но и как прозаик и драматург (повесть «Но точно не помню...», пьеса «Здесь только счастье...»). Отсюда и название книги, словно вобравшей в себя «три рода» литературы: лирический, эпический, драматический.

Впрочем, во всех родах творчества Татьяны Кондратовой проступает её собственная единая жизнь. В героинях повести и пьесы не-

трудно увидеть автобиографические черты, ну а лирике быть выражением души автора сам бог велел. Здесь традиционные темы «женской» лирики – ожидание, терпение, надежда – иногда преломляются через лёгкую иронию современного человека, хорошо знающего, что жизнь имеет свои законы, не всегда совпадающие и с законами поэзии, и с нашими желаниями – явными или скрытыми. А передать этот внутренний разлад помогает, например, неожиданная – очень ёмкая и тоже очень современная – метонимия, на которой выстраивается лирический сюжет:

Твой свитер обнял мою рыжую кофту –
Касание рук...
Нам обоим неловко.

Конечно, случайно, конечно же, вдруг
Твой серый носок обнимает мой синий...
Теперь у обоих испуг.

А шорты твои жадно тянет к бикини...
О, ужас! Что дальше? Воды поворот –
Но *это*, мой милый, не произойдёт...
Стираются вещи в машине.

Со следующим потоком, в 1983 году, факультет окончил *Александр Соловей*, приехавший на учёбу из далёкого южного Туапсе. Юношеская увлечённость поэзией продлилась и у него «на всю оставшуюся жизнь». Он вернулся к себе домой, устроился на работу по специальности (довелось ему несколько лет поработать учителем и организатором и в школах на БАМе) и продолжает писать стихи. В 2001 году в Краснодаре у А. Соловья вышел сборник «Под голубыми листьями небес», в который вошли, естественно, и стихи о Туапсе. Одно из них – лирико-импрессионистическую зарисовку родного города – в своё время, в студенческую пору Александра, прочли в «Коломенской правде» жители нашего города:

Как каменные стражи на холмах,
Домов стоят могучие хребты...
Всё потонуло в листьях и дождях –
Видны одни вокзалы и мосты.

И пахнувший аптекой мокрый лист
Мне на плечо пристроился, шепча:
– Послушай, друг, как этот дождь речист.
О чём он просит, жалуясь – стуча?

Задумался мой милый Туапсе,
Поникли кипарисы под дождём,
Спешащие, прислушаемся все,
И медленней по городу пойдём.

Когда олигархи и чиновники затеяли в Туапсе, экологическая ситуация в котором и без того сложна, строительство нефтяного терминала – Соловей активно включился в борьбу с этим произволом и как депутат горсовета, и как литератор. Значительная часть объёма подготовленной им брошюры с говорящим названием «Город воинской славы, обречённый на смерть» (2008), отведена его собственным стихам – сатирическим репликам по поводу опасного для города проекта.

В «перестроечное» время тональность филфаковских стихов изменилась. В творчестве **Виктора Николаева** известный столичный литературовед и поэт Юрий Орлицкий, не раз приезжавший в Коломну на различные научные мероприятия, выделил две, вообще характерные для поэзии тех лет, тенденции: пафосную, связанную с влиянием авторской песни и рок-поэзии, и игровую, восходящую к опыту футуристов и обэриутов. Об этом Орлицкий написал в предисловии к сборнику стихов Виктора «СимВОЛИка ВОЛИ», вышедшему в Москве в 2003 году. В самом деле, одни стихи его демонстрируют возможности обработки «словесной руды», а другие иносказательно выражают дух социальной остроты, которым «боле-

ла» в ту пору вся отечественная интеллигенция – в том числе, конечно, и выросшая на руинах советской идеологии молодёжь:

Сдвинулась карта семи морей,
кости судов разбросав по дну.
Сны капитанов больших идей
канули в вечную тишину.

Сдвинулась карта семи городов –
мёртвый провал там, где высился дом.
Вечные войны серпов да крестов
любят рожать депрессивный синдром.

Выпускник 1996 года Александр Сорокин, со временем взявший себе псевдоним *Александр Сорока*, пишет стихи в манере, близкой постмодернизму; его взгляд на мир нередко отмечен печатью, с одной стороны, (как и у В. Николаева) словотворчества и экспериментаторства (порой автор отказывается от рифмы, стихотворного размера, знаков препинания, по-хлебниковски играет словами и звуками: «Зима залаял злыдень / Летом летели ласточки»), а с другой – травестии, выщучивания стереотипов и образцов. Так, миниатюра, названная на сей раз по-ломоносовски «Утреннее размышление о Божием величии», стилизованно отражает «низкую» бытовую реальность – состояние глубокого похмелья лирического героя:

Утром,
приходя в себя после вчерашнего,
изумился осознанности
самых безрассудных деяний своих.

Обе тенденции вообще характерны для литературы порубежной эпохи «крушения идеалов». Александр Сорока сумел, однако, найти свою нишу в столичной литературной жизни: его стихи публиковались в журналах «Арион» и «Новая Юность», а в 2006 году они составили сборник «Тутырь», в Москве же и вышедший. Кстати, и сам автор, прежде коломенец, ныне живёт в столице.

Анна Лексина училась на другом гуманитарном факультете нашего института, но судьба привела её в филологию. В 1996 году, получив диплом учителя истории, она поступила в аспирантуру на кафедру литературы, окончила её и защитила кандидатскую диссертацию; теперь работает на кафедре педагогики. Но, кроме научных и педагогических занятий, Анна Владимировна ощущает в душе ещё одно призвание – поэтическое творчество. В 2009 году она выпустила сборник «Дом дружбы поэтов», многие строки в котором навеяны сюжетами из русской и мировой культуры. Наиболее удаются автору стихи, в которых опыт литературных героев помножен на собственную выношенную поэтическую мысль. Таково, например, стихотворение, навеянное знаменитым романом-антиутопией Оруэлла «1984», но имеющее и самостоятельное лирическое звучание:

Любовь – когда от страха нет спасенья,
Но ты, вслепую, через боль и стыд,
Через побои, пытки, униженья,
Несёшь её в душе, хоть сам разбит.
Пусть ты уже не узан будешь ею,
И даже сам не узнаёшь себя,
Спаси её, как память, как идею,
Пусть только смерть освободит тебя.

И далее, минуя отмеченный в тексте тремя звёздочками интервал, идёт замечательный своей образной афористичностью эпилогдвустиише: «Нет для любви предательства страшнее, / Чем страх животный, вгрызшийся ей в шею».

Из числа выпускников последних лет назовём *Екатерину Устинову*, работающую ныне в редакции газеты «Коломенская правда» и выпустившую недавно, в 2011 году, в уже знакомой нам книжной серии «Коломенский книгочей», сборник стихов «Игры в декаданс». Уроженка Ярославля, она прониклась атмосферой старинной Коломны – города, ставшего ей родным («Ты, Коломна, Коломна, город печалей моих, / Упокой мою душу, пока моё тело дышит...»). Почему сборник назван именно так – «Игры в декаданс»? Может быть, пото-

му, что в стихах Екатерины улавливаются то ахматовские интонации, то блоковские, то слышится знакомый тоже по поэзии «Серебряного века» дольник. Но вообще автор, кажется, скромничает, ибо стихи звучат не как «игры в декаданс», а как стихи о жизни и о любви, которые и должны выходить из-под пера молодой одарённой поэтессы:

Молчанья двери приоткрою,
Наружу выпущу огонь.
Страшна своею простотою
Твоя открытая ладонь.

Гордыней слабых правит случай
С безумьем наперегонки,
И ты в награду не получишь
Моей протянутой руки.

Поэтическая летопись факультета, конечно, продолжится. Будут новые стихи и новые книги – ибо неиссякаем тот мощный источник российской словесности, что питает атмосферу филфака.

Из воспоминаний

Р. Д. Альбеткова

Счастлирое время

Мы с мужем, Василием Павловичем Щетининым, в 1969 году были приняты по конкурсу в Коломенский пединститут: В. П. – профессором, заведующим кафедрой политэкономии, я – доцентом кафедры литературы. И мы с двумя дочерьми переехали в Коломну. Семь лет работы на филологическом факультете запомнились мне как счастлирое время полноты жизни, творчества, общения с прекрасными людьми. Факультет под руководством декана Г. А. Шпеера жил интенсивной жизнью, преподаватели и студенты работали всерьёз, а не «для галочки». На кафедре литературы, возглавлявшейся К. Г. Петросовым, царила увлечённость преподавательской работой; нормой были принципиальность, взаимная помощь, активное сотрудничество. Важнейшие курсы вели настоящие мастера: Константин Григорьевич Петросов читал теорию литературы и литературу XX века, Глеб Артемьевич Шпеер – русскую литературу XIX века, Айзик Геннадьевич Ингер – зарубежную литературу, Галина Николаевна Левицкая – методику преподавания литературы, Наталья Николаевна Евреинова – русскую литературу древнюю и XVIII века... У каждого преподавателя – свой почерк, свои методические приёмы.

Представляю себя в прошлом: иду по пустому коридору. Из аудитории слышится громовый голос Константина Григорьевича – это он с пафосом читает лекцию о Маяковском. Вот стремительно выскакивает взволнованная студентка из комнаты, где принимает экзамен Глеб Артемьевич, её обступают сокурсники: что спрашивает? (а вопросы всегда неожиданны: преподаватель требует досконального знания текста и не прощает лентяев). В другой аудитории тишина вдруг взрывается смехом – идёт лекция Айзика Геннадьевича о коме-

диях Шекспира. А вот весь курс «стоит на ушах»: Галина Николаевна проводит конференцию по педпрактике – и это не формальный зачёт, а творческий разговор о впечатлениях, о трудностях и достижениях, о выводах и итогах первых шагов школьной преподавательской работы студентов.

Заседания кафедры часто были не просто содержательными, но и яркими, интересными. Решались важные для всех серьёзные вопросы, речь шла о проблемах теории литературы и методики, о наших лекциях и практических занятиях, обсуждались наши научные работы, актуальные произведения современной словесности, новинки поэзии и прозы. Все мы делали общее дело, и это была не просто работа, это была наша жизнь!

При этом преподаватели не были «зациклены» только на своих учебных предметах, это были люди широко образованные, глубоко и оригинально мыслящие. Все мы интересовались явлениями общественной жизни и искусства. А. Г. Ингер был не только прекрасным преподавателем, но и замечательным собеседником, и талантливым исполнителем стихов, и искусствоведом, и выдающимся учёным-филологом. Он углублённо исследовал английскую литературу XVIII века, переводил произведения, ещё не публиковавшиеся в русском переводе. К. Г. Петросов интенсивно трудился над докторской диссертацией, публиковал ряд статей, идеи в нем так и бурлили, и он щедро делился своими мыслями. А кроме того, он глубоко интересовался литературным краеведением, собирал материал о поэтах начала XX века, которые были как-то связаны с Коломной и её окрестностями.

Не всё было гладко. Мы не были наивными идеалистами, понимали, что происходит в стране, и, конечно, не надеялись, что из каждой далёкой от культуры безграмотной девочки может сформироваться настоящий учитель русского языка и литературы. Но были убеждены, что культура и образование – важнейшая сфера жизни, что наше стремление раскрыть перед студентами духовные богатства художественных произведений, способных пробудить «чувства добрые» в душах, поможет прорасти зёрнам истины, красоты и любви

в мире царящей лжи и жестокости. А само общение с мудрыми, энциклопедически образованными, увлечёнными своей наукой и потому строгими и требовательными преподавателями наглядно показывало студентам значимость высоких идеалов, может быть, даже больше, чем сам предмет изучения. К тому же, в каждой группе находились несколько человек, искренне любящих язык и литературу, несмотря на то, что обычно школьные учебники скорее отучали от чтения. И эта проблема – школьного преподавания литературы – всерьёз волновала всех нас.

Я читала курс русской литературы первой половины XIX века, вела спецкурс по творчеству Лермонтова и спецсеминар по русской поэзии, временами – древнюю и литературу XVIII века, введение в литературоведение. Кроме того, я организовала литературный кружок, и студенты с увлечением занимались в нём, открывали для себя сокровища русской поэзии. На занятиях звучали стихи Пушкина и Тютчева, Лермонтова и Некрасова, Есенина и Блока, Ахматовой и Цветаевой. Среди кружковцев были талантливые девочки, замечательно читавшие стихи. Итоги работы кружка представляли в больших поэтических вечерах: «Пушкин и его друзья», «Памяти Некрасова», «Любовная лирика русских поэтов»... Они проходили в актовом зале института и в городском книжном магазине на Окском проспекте. Но кружок – это занятие для тех, кто и так любит поэзию. А как сделать уроки интересными для всех, как научить школьников глубоко понимать произведение, находить в нём ответ на свои запросы?

Мне в своё время повезло: в школе у меня была замечательная учительница, Ирина Александровна Миркинд, выпускница ИФЛИ. Она сумела «заразить» нас своей любовью к литературе и даже после уроков великолепно читала нам не только Пушкина и Лермонтова, но и полузапретные стихи поэтов Серебряного века, а тогда, в 1949–50-м годах, после постановлений «О журналах «Звезда» и «Ленинград»», это был настоящий поступок! И я, учась на филфаке МОПИ и в аспирантуре (50-е годы), много думала над тем, в чём секрет преподавания.

Я слушала лекции и посещала занятия почти всех замечательных московских вузовских преподавателей. У каждого из них было чему поучиться: у У. Р. Фохта и Г. Л. Абрамовича – открытию закономерностей литературного процесса, у С. М. Бонди и А. Г. Гукасовой – глубине проникновения в художественный текст, у Б. И. Пуришева – композиции лекции, ее эстетическому смыслу, у Л. И. Тимофеева и Г. Н. Пospelова – органическому соединению теории и истории литературы, у Н. К. Гудзия – широте взгляда на историю словесности, и так далее.

Всё это помогло мне найти свой подход к изучению и преподаванию литературы. Я поняла, что фундамент изучения литературы – непосредственное восприятие художественного текста как явления искусства. Что текст, созданный средствами языка, понять можно только через язык. А исследованием языка художественной словесности занимались лингвисты, и я обратилась к трудам В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. А. Потебни и других учёных. Трудность же была в том, как в школьном и вузовском преподавании раскрыть *единство языка и литературы*, показать эстетическую природу языка – основы искусства слова, как научить постигать смысл произведения, открывая его языковую природу. Мои принципы складывались при работе в школе в Куйбышеве, затем в Винницком пединституте. И в Коломне я старалась учить студентов осмысленно *читать текст*, проникать в эстетический смысл художественного произведения через его языковую ткань, рассматривать художественную словесность как *искусство слова*.

Опыт преподавательской и научной работы в Коломенском институте и затем в Московском НИИ школ привёл меня к выводу, что в школе наряду с существующими предметами, русским языком и литературой, необходим новый предмет – словесность, своего рода связующее звено между ними. Я уже начала работать над ним, как узнала о появлении учебника по словесности для 10–11 классов профессора А. И. Горшкова, с которым была знакома по Коломне, он заведовал кафедрой русского языка. Мы оказались единомышленниками, только я хотела предложить изучение словесности уже с пя-

того класса. Так возник мой учебно-методический комплекс «Русская словесность. От слова к словесности», мудрым редактором которого стал Г. В. Карпюк. Я создала программу курса, учебники и рабочие тетради для школьников 5–10 классов и методические рекомендации для учителя. Они начали выходить в 2000 году в издательстве «Дрофа» и неоднократно переиздавались. Этот предмет не является обязательным, но многие учителя в разных городах и селах выбирают его из регионального компонента, потому что он служит формированию творческой личности учащегося и сохранению и развитию нашего главного богатства – русского языка. Он дополняет традиционные предметы – русский язык и литературу, рассматривая язык как материал словесности и художественное произведение как явление искусства. На уроках словесности школьники учатся адекватно понимать устные и письменные тексты, видеть красоту слова, постигать духовные сокровища, содержащиеся в художественных произведениях, создавать собственные высказывания, передавать свои мысли и чувства.

И тогда началось моё новое сотрудничество с филологическим факультетом Коломенского института. Правда, первую встречу с коломенскими учителями, среди которых было много моих бывших студентов, организовал в апреле 2001 года Институт усовершенствования учителей и Центр детского и юношеского творчества. Потом состоялось ещё несколько встреч с учителями. Вскоре по приглашению Г. Н. Левицкой я читала лекцию студентам-филологам третьего курса о задачах изучения словесности, о том, как важно учить в школе *культуре чтения*.

В 2005 году я участвовала в организованном кафедрой литературы Коломенского института педагогическом семинаре «Литература в школе. Интеграция образования и воспитания». Мне было радостно видеть, как актуальна проблема преподавания литературы в школе, как коломенские вузовские и школьные преподаватели ищут новые пути в своей работе. Отрадно было слышать в докладах участников суждения, близкие моим мыслям. Речь шла о необходимости на уроках литературы на примере небольших художественных произведе-

ний учить медленному чтению, помогать читателю вступить в диалог с автором (В. А. Викторovich), о конкретных путях возрождения интереса к чтению (Н. П. Кремер), о преподавании словесности как искусства (А. П. Ауэр), о приёмах развития познавательной деятельности учащихся (Г. Н. Левицкая). Я в докладе «Язык как творчество» стремилась показать, что при изучении словесности школьники смогут овладевать богатствами русского языка, глубоко воспринимать художественные произведения как явления искусства слова и использовать эти богатства в собственной речи. Живой разговор о том, «зачем литература в школе», состоялся за «круглым столом», где учителя, методисты и учёные взволнованно говорили о том, каким именно должен быть этот школьный предмет. Материалы семинара были опубликованы в сборнике «Зачем литература в школе?» (Коломна, 2006). В декабре 2007 года я участвовала в ещё одной конференции, организованной кафедрой литературы Коломенского института, где речь шла опять о наболевших проблемах школьного изучения литературы.

Прошли годы, я снова живу в Коломне. И в 2012 году по приглашению заведующей кафедрой русского языка Л. Н. Костяковой я рассказывала учителям о предмете «словесность». А кроме того, читала лекции студентам III, IV и V курсов, где старалась показать, как важно в самом процессе чтения художественного текста заметить сопоставления и противопоставления различных языковых явлений, открыть роль звучания стиха и прозы, как много значат стилистическая окраска высказывания и особенности синтаксиса, как служат раскрытию мысли автора метафора и метонимия, как различны эпитеты у разных поэтов, как внимание к средствам языка помогает проникнуть в смысл произведения.

В самом деле, ведь именно «образный анализ» – умение обнаружить, например, значение противопоставления просторечия Дениса Григорьева официально-деловому стилю речи следователя – позволяет «сквозь видный миру смех» понять глубокую мысль рассказа Чехова «Злоумышленник» о трагическом взаимном непонимании и непримиримом конфликте между народом и властью. А при чтении

стихотворения Лермонтова «Как часто, пёстрою толпою окружён...» внимательный читатель, заметив сложное синтаксическое строение предложения в начале текста, усиливающее значение слов: *окружён, бездушные, приличьем стянутые маски, бестрепетные руки* (и других), – прямо физически прочувствует мысль поэта о невозможности жить в мире неволи, мертвенности и лжи. И это не просто мысль, это страстное стремление к свободе, настоящей жизни, истине, оно пробуждает в читателе те же чувства, ту же жажду прекрасного.

Но такому чтению надо учить в школе, а для этого надо знать о свойствах русского языка, о его выразительных средствах. И если школа пойдёт по пути обучения на уроках вдумчивому чтению, у школьников возникнут собственные чувства и мысли, им станут доступными духовные богатства художественной словесности. Достижения мастеров художественного слова откроют учащимся красоту языка, его неисчерпаемые богатства, помогут квалифицированно употреблять русский язык для выражения своих мыслей. Тогда возродится интерес к чтению, а именно чтение, как показал Л. С. Выготский, помогает человеку стать творческой личностью. Тогда ученики смогут полюбить чтение, а любовь и творчество – главные созидательные силы. Ведь, как сказал Тургенев, «только ею, только любовью держится и движется жизнь». Тогда и возродится школьная филология в новом качестве, несмотря на усилия руководителей образования изгнать литературу из школы.

Т. Н. Левшук

Дух уважительности

Сорок три года, бóльшая половина жизни – КПИ (КГПИ, МГОСГИ), филологический факультет, кафедра литературы... Но лучше с самого начала.

Первое сентября 1966 года, старое здание института на улице Зайцева, первая лекция по детской литературе. Волнение – словами не передать. До этого сдержанная встреча в деканате. Изучающий взгляд декана – Глеба Артемьевича Шпеера. Это всё вспомнилось гораздо позже. Так прошло первых два месяца. Затем – переезд в новый корпус на улице Зелёной. Жить стало легче, так как не надо было из общежития № 1, где мы жили с дочкой, добираться в старую Колонну. Чаще стали встречаться с коллегами на кафедре. И только тут я начала понимать, что попала в коллектив людей высокого профессионального, культурного и просто человеческого уровня, что мне предстоит много над собой работать, чтобы соответствовать этому уровню и быть принятой в коллектив кафедры. Заведовал ею доцент (тогда ещё) Константин Григорьевич Петросов. А рядом с ним – Александр Васильевич Земских, Айзик Геннадьевич Ингер, Петр Александрович Руднев, Наталья Николаевна Евреинова, Михаил Павлович Маношкин, Лидия Петровна Новинская. Лаборантом кафедры работала очень преданная ей Лилия Васильевна Архипова. И, конечно же, Глеб Артемьевич Шпеер.

Вскоре к детской литературе мне добавили методику преподавания литературы (до меня курс вёл Пётр Александрович Руднев, и мне показалось, что он отдал его с радостью). Сказать, что трудно было начинать (хотя я и защитила диссертацию под руководством патриарха отечественной методики преподавания литературы академика Василия Васильевича Голубкова), – ничего не сказать. Методи-

ческой литературы на кафедре не было, в библиотеке тоже мало, приходилось приносить её из дому. Доходило иногда до курьёзов. К итоговому коллоквиуму предложила студентам почитать одно их новейших на тот момент пособий – «Вопросы методики преподавания литературы» под редакцией Н. И. Кудряшова. Но книгу в кабинете литературы не оставила. И в очередном выпуске «Словесника» появился дружеский шарж: «Книгу прочитать велела, что она одна имела...». Это был серьёзный урок на будущее – требовать от студентов можно только тогда, когда уверен в правомерности этих требований. На ошибках учимся...

Постепенно напряжённость в отношениях с коллегами проходила, особенно после того, как К. Г. Петросов пригласил меня с дочкой и других коллег к себе в гости на День Октябрьской годовщины. Маргарита Никитична, Наташа (жена и дочь К. Г.) очень тепло встретили меня и Ирину, на прощанье приглашали заходить к ним почаще.

Взаимоотношения между членами кафедры были иногда сложными, но никто никогда не переходил рамки дозволенного, никто не смел за глаза высказаться негативно о коллеге, тем более в чём-то обвинить или упрекнуть. Этот дух уважительности, порядочности и достоинства всегда отличал кафедру литературы. Позже коллектив пополнили и дополнили в самом лучшем смысле Александр Петрович Ауэр, Роза Ивановна Альбеткова, Юрий Дмитриевич Анипкин (вскоре он уехал работать в Польшу, а вернувшись, стал преподавать в Литературном институте), Владимир Ильич Этов (один из первых издавший книгу о Достоевском в помощь учителю литературы). Ещё позже на кафедру пришли Георгий Васильевич Краснов, Владимир Александрович Викторovich, Марина Ивановна Никола, затем Валерий Александрович Благово. Менялись заведующие кафедрой. К. Г. Петросова сменил А. Г. Ингер, его – Г. В. Краснов, наконец – В. А. Викторovich. Стиль руководства у каждого был свой. Один любил долгие заседания, другой конкретно и по делу, третий – чем меньше, тем лучше, и так далее. Но кто бы ни руководил кафедрой – к их чести надо сказать, – все понимали роль курса методики преподавания литературы, связь преподавания в институте с практикой

живого школьного процесса. Вот почему более сорока лет курс методики (лекции, лабораторные и практические занятия, руководство педпрактикой в старших классах, внеаудиторную работу, связь со школами) осуществлял один преподаватель, ибо по этому предмету, как ни по одному другому, единство требований, система, основанная на последовательности получения знаний, умений и навыков, – залог успеха в профессиональной подготовке будущего учителя. Именно такой подход определил и то, что все преподаватели кафедры были методистами в школах в период педагогической практики студентов (и Петросов, и Евреинова, и Краснов, и Ауэр, и Викторovich, и Кулагин, и другие). Тезис – «невозможно полноценно готовить учителя в отрыве от современного живого процесса обучения в школе» – был негласно принят кафедрой без поправок и скидок на учёные степени, звания, и даже возраст.

Со временем кафедра очень «омолодилась» за счёт наших выпускников, которые, ещё будучи студентами, проявляли интерес к научно-педагогической деятельности и, придя на кафедру, продолжили работу в этом направлении: А. В. Кулагин, С. М. Прохоров, Н. В. Кононова, Т. И. Кондратова, С. И. Патрикеев, А. А. Алексеев, О. В. Антропова (Викторovich), Е. В. Гришин, А. С. Бессонова, М. Я. Сорникова, М. И. Бондаренко, И. В. Ясюкович, А. В. Индзинская (Мокрова), И. Н. Меделева (Аристова) и др. Очень помог открывшийся при кафедре Совет по защите кандидатских диссертаций, где многие наши выпускники сумели подтвердить свою профессиональную и научную состоятельность.

Мы не дружили семьями, но иногда в гости друг к другу ходили. Однажды Айзик Геннадьевич Ингер пригласил Константина Григорьевича Петросова с женой, Розу Ивановну Альбеткову с мужем, меня с мужем, сказав: «Надо доесть прошлогодною курицу, которая у меня завалилась в холодильнике», хотя, конечно, накрыл стол по полной программе.

Бывали мы на семейных праздниках у Константина Григорьевича Петросова, Георгия Васильевича Краснова. Приглашала коллег и я. Особенно запомнился сорокапятилетний юбилей. В трудные мину-

ты жизни мы твердо знали, что можем обратиться за помощью друг к другу. Был случай, когда поздно вечером позвонил Петросов и взволнованно сказал, что уже почти полночь, а Маргарита Никитична и Наташа не вернулись из сада. Договорились встретиться на трамвайной остановке, и мы с мужем стали собираться, но тут раздался телефонный звонок, и Константин Григорьевич сказал, что жена и дочь только что вернулись, просто долго ждали трамвая, а идти пешком не было сил. Часто по разным вопросам общались по телефону с А. Г. Ингером, особенно в последний период его жизни, когда я попросила звонить мне перед сном, чтобы знать, как он себя чувствовал. И он неукоснительно это выполнял. Вспоминая Айзика Геннадьевича, не могу не сказать о том, как он абсолютно бескорыстно, находясь в путешествии по Европе, выполнил просьбу нашей семьи. В Страсбургском университете, в учёных записках, вышла статья сына, который в ту пору был аспирантом. Одному знакомому в Москве мы вручили 120 долларов, чтобы он выслал из Страсбурга почтой экземпляр учёных записок с этой статьей. Но почему-то сборник мы не получили. Ингер, уезжая, пообещал узнать, как получить книгу. Он созвонился со Страсбургом из Голландии. Там подтвердили, что статья вышла, и пообещали выслать экземпляр ему в Голландию, но к тому времени Айзик Геннадьевич уже переехал в Бельгию. А книгу получили его голландские друзья. Созвонившись, он попросил их отправить книгу в Коломну. Так она дошла до нас. От возмещения затрат Айзик Геннадьевич категорически отказался. Однажды я испекла для Ингера его любимый яблочный пирог, и муж отнёс пирог ему. Айзик Геннадьевич был рад. Но вечером раздаётся звонок, и А. Г. говорит, что у него большие неприятности. Он повесил за окно остатки пирога, пакет не выдержал и упал с пятого этажа. Я его успокоила, пообещав, что будет повтор. Сокрушались мы оба искренне: он – что упустил пирог, а я – что разбилась любимая тарелка, оставшаяся от мамы (ему я об этом, конечно, не сказала).

Несколько раз в году (Восьмое марта, День учителя, Новый год, завершение учебного года) мы обязательно все собирались в неформальной обстановке на чашку чая. Встречи эти были для всех

желанны, интересны и приятны. Отмечали юбилеи, защиты диссертаций, по определённым поводам Константин Григорьевич иногда сочинял стихи, адресованные кому-нибудь из коллег. Особенно он любил посвящать стихи женщинам. Вот одно из таких стихотворений, посвящённых мне.

Мажорная песня

(Исполняется в манере В. Высоцкого)

Увы, *уже* ей сорок с гаком,
А может, правильной – *ещё*?!
Ведь щёки рдеют ярким маком,
Глаза горят особым знаком,
И в небесах, под Зодиаком
Судьбы её особый счёт.
О, Ибаррури, Ибаррури,
Всё в этой страсти, в этой буре!..
Но я ведь сам такой, южанин,
Мне близок этот темперамент,
И не английский здесь парламент,
Чтоб ворошить веков скрижали.
Я говорю Вам то, что знаю, –
Нам без неё не будет рая,
И вообще мы пропадём!
Так берегите нашу Галю,
Не унесли чтоб, не украли,
Пылинки мы б с неё сдували,
Когда бы не Владимир-муж!
Свою он любит королеву,
За ней направо и налево
Идет, как верный паладин.
Но у родной Прекрасной Дамы
На сердце знак особой драмы –
Ей любо только лишь одно –
Своё родное Партбюро!

(8 марта 1980 г.)

Кафедра всегда тесно общалась со студентами. К. Г. Петросов, например, уже с первого курса определял тех, с кем хотел бы продолжить работу и над курсовыми, и на педпрактике, и в будущем над диссертациями. Он вёл на первом курсе «Введение в литературоведение», поэтому знакомился со студентами раньше своих коллег. Почти все мы были кураторами (а это значит – минимум раз в неделю встречались со студентами на кураторских часах), обязательно ездили в совхоз на уборку овощей.

Особенно памятными были поездки в музеи: Спасское-Лутовиново (Тургенев), Ясная Поляна (Лев Толстой), Карабиха (Некрасов), Тарханы (Лермонтов), Петербург Достоевского и Ахматовой, Пушкинские горы (Михайловское, Тригорское, Святогорский монастырь), Мелихово (Чехов), Москва (Пушкин, Маяковский, Горький, Алексей Толстой). В музее Маяковского экскурсию проводил К. Г. Петросов. После одной из экскурсий в Ясную Поляну мы привезли письмо от руководства музея с просьбой направить в летний период наших студентов для работы экскурсоводами. И в течение многих лет такая практика (заменявшая участвовавшим в ней студентам практику в пионерском лагере) существовала. Были поездки в Архангельское, в Загорск (в Сергиеву Лавру и «Музей игрушек»).

В преподавании кафедры преобладал принцип: от теории к практике и обратно. Это проявлялось в деятельности и научных кружков, и студенческого научного общества, одним из председателей которого была в своё время Светлана Николаевна Кононова, выпускница 1988 года, лауреат премии Губернатора Подмосковья как лучший учитель Коломны за 2011 год. Каждый поток обязательно готовил (кроме экскурсий, которые проводились для студентов за счет института!) внеклассное зачётное мероприятие: литературный вечер, литературно-музыкальную композицию, олимпиаду, викторину, КВН. Обязательно студенты выступали с сообщениями на секции «Методика преподавания литературы в школе» ежегодной студенческой научной конференции с самостоятельным анализом прочитанных научно-методических пособий, участвовали в жюри, когда кафедра проводила для школьни-

ков города и района олимпиады. Существовала так называемая школа передового методического опыта, где выступали опытные учителя школ города и района (Н. А. Покидова, Н. С. Прокопова, Т. В. Редькина, Т. С. Троицкая, Т. Н. Гращенко, А. Ф. Крюкова, Л. В. Лебедева, Т. В. Тихомирова, Л. Н. Киселёва). Они же в разные годы участвовали в работе приёмной комиссии на вступительных экзаменах. Интересными были встречи с авторами учебников по литературе для средней школы (Н. Я. Мещерякова, Т. С. Зепалова, М. А. Снежневская), редколлегией журнала «Литература в школе», главными редакторами этого журнала (Я. Г. Нестурх, Н. Л. Крупина), писателями (Давид Самойлов, Анатолий Алексин, Владимир Крупин).

Думается, что «труд упорный» нам не был «тошен». Наверное, лучшее подтверждение тому – неослабевающая связь выпускников разных лет с факультетом, кафедрой, желание встречаться, общаться, иногда – советоваться, иногда – поделиться достижениями, а их немало у окончивших филологический факультет Коломенского педагогического института. Назову С. Н. Кононову, Н. В. Сарычеву (Михайлову), Н. И. Еланскую (Голдобину), А. М. Ануфриеву (Немежанскую), Л. А. Немцеву, И. И. Панину (Симёнову), О. И. Ларину (Скокову), И. Н. Иванову (Гращенко), Н. С. Платонову (Горбунову), Н. П. Кремер (Кунову), С. Прокофьеву (Шевченко), Г. Б. Хабарову, С. Е. Молдованову, О. Г. Родину, Д. Ю. Балашова. Список замечательных учителей – наших выпускников можно продолжить... Некоторые успели поработать и за рубежом. В посольских школах Пхеньяна, Вашингтона, Бонна преподавала Инна Владимировна Константинова. В свое время студенты филфака ездили работать по направлению в Казахстан, Монголию, на Дальний Восток...

Хочется надеяться, что всё лучшее из прошлого продолжится и станет ещё содержательнее и интереснее в настоящем и будущем.

Е. А. Леонтьева

Листая старый альбом

Недавно взяла в руки старый альбом, где хранятся мои школьные и студенческие фотографии, которые я давно не видела. Вспомнились студенческие годы. На фотографиях преподаватели ещё молодые. Я тогда и не думала, что стану их коллегой.

Филологический факультет я выбрала из-за большой любви к литературе, русский язык воспринимала как необходимое дополнение к литературе, тем более что филолог по определению должен быть грамотным человеком. Но учёба на филфаке изменила моё отношение к русскому языку. Я его полюбила, мне стало интересно изучать различные языковые явления, особенно заинтересовала история языка. Всё это произошло, мне кажется, благодаря преподавателям, которые вели предметы лингвистического цикла. Мне хотелось бы их вспомнить.

На меня смотрит с фотографии улыбающаяся Раиса Ефимовна Вульфсон. Она вела на первом курсе «Введение в языкознание». Материал объясняла чётко, просто. На занятиях Раиса Ефимовна могла пошутить, посмеяться с нами. О ней в моей памяти остались тёплые воспоминания. К сожалению, когда я позже пришла работать на кафедру, её я не застала, она умерла в 1987 году.

С Геннадием Владимировичем Дагуровым связаны все годы обучения. Он читал лекции по современному русскому языку, вёл спецкурсы. Это был человек вне возраста. Сколько я его помню, он всегда был молод душой, активен, подвижен, равнодушен к женской красоте. Геннадий Владимирович был поэтом, возможно, поэтому он везде видел и ценил красоту, по-особому воспринимал окружающее. Нам, студенткам, он иногда делал комплименты по поводу нашей внешности, отмечая то, что мы в себе не замечали.

На лекциях его шутки разряжали обстановку, но при этом он всегда оставался серьёзным. Геннадий Владимирович своеобразно принимал экзамены: у него никогда не было билетов, он задавал вопросы по разным темам пройденного раздела программы, по ходу беседуя с нами о жизни.

С Лидией Аркадьевной Яковлевой тоже связаны все годы моего обучения, она вела практические занятия по современному русскому языку, по истории языка, практикум по русскому языку. Лидия Аркадьевна была своеобразным человеком, это даже проявлялось внешне. Она всегда была одета в какие-то старомодные жилетки, платья, шляпки, как говорят, из бабушкиного сундука. С нами, студентами, она держалась строго, редко улыбалась, но мы её не боялись. На занятиях любое языковое явление, правило она подробно комментировала. Лидия Аркадьевна знала много стихов наизусть, часто приводила в качестве примера для анализа предложения из стихотворений. Её любимым поэтом был запрещённый в те годы Галич; звучали имена поэтов, о которых мы никогда не слышали. Для контрольной работы каждому поимённо она составляла листочек с заданием. Кроме того, Лидия Аркадьевна была куратором нашей группы, поэтому почти каждое занятие начиналось с «разбора полётов»: она ругала кого-нибудь из нас, кто чем-то себя «проявил» (пропускал занятия, плохо подготовился...). После её яркого, эмоционального выступления в спокойном русле продолжалось занятие. К праздникам она каждому из нас делала самодельную открытку со стихотворным поздравлением, стихи она подбирала в соответствии с индивидуальностью студента.

Надо отметить, что в тот период по программе Министерства образования в нашем институте на филологическом факультете учились ребята из Чечено-Ингушской республики. Почти все они были из сельской местности. Им, конечно, было сложно в первое время. Лидия Аркадьевна негласно шефствовала над этими студентами. Приходила в общежитие, выясняла, какие у них проблемы, помогала их решать. Чеченские студенты тоже навещали её. Она знала о каждом всё: из какой они местности, какая семья, как учатся. Мы, сту-

денты, между собой её называли «чеченской мамой». Надо отметить, что она поддерживала отношения с ними и после окончания института. Чеченские и ингушские студенты писали ей письма, звонили; если приезжали в Коломну или Москву, то навещали её.

Людмила Ивановна Давыдкина вела методику преподавания русского языка. Людмила Ивановна была строга и требовательна к студентам, мы её побаивались. Предмет свой она знала прекрасно, пыталась все свои знания и опыт передать нам: все формы работы с учащимися по разным темам были, как говорится, разложены по полочкам. После окончания института я работала в сельской школе в Сибири, где не было никакой методической литературы, и я с благодарностью вспоминала Людмилу Ивановну, потому что подготовка к урокам русского языка не вызывала затруднений. Когда я пришла работать на кафедру, Людмилу Ивановну я узнала с другой стороны: она не всегда бывает строгой, может и улыбаться, это очень душевный человек.

Наталья Петровна Руднева вела лекции по дисциплинам, связанным с историей языка, диалектологией. Старославянский и древнерусский языки с трудом давались студентам, но Наталье Петровне удавалось вызвать интерес к истории языка. Она была в своё время аспиранткой В. В. Виноградова, рассказывала нам о нём. Помимо занятий, Наталья Петровна возглавляла диалектологический кружок, который существовал на кафедре русского языка долгое время. Студенты ездили в экспедиции в разные области России, потом под руководством Натальи Петровны этот материал обрабатывался, и результаты отправлялись в Москву. Я не помню, чтобы она повышала на кого-то голос; многим Наталья Петровна запомнилась добрым, интеллигентным человеком.

Яркие впечатления оставила Галина Витальевна Горбачёва, это человек-фейерверк, от неё можно было заряжаться энергией. Она вместе с Н. П. Рудневой вела занятия в диалектологическом кружке. Наталья Петровна в силу своего возраста уже не ездила собирать диалекты, а Г. В. Горбачёва этим активно занималась. За время учёбы мы побывали с ней в нескольких областях России. Галина Витальевна

умела так организовать поездки, что мы не только собирали диалектологический материал в деревнях, но и успевали посетить памятные места в этой местности: в Орловской области – музей-усадьбу Тургенева, в Тульской области – Льва Толстого, в Псковской – Пушкина.

Более близко я узнала Галину Витальевну, когда пришла работать в институт. Про таких людей говорят: «горит на работе»; она именно горела. Галина Витальевна была очень эмоциональным человеком, прямо говорила в лицо, что думает, не всем это нравилось. Г. В. Горбачёва обладала хорошими организаторскими способностями. В 90-е годы она работала деканом факультета; на мой взгляд, этот период в жизни факультета был интересным. К сожалению, Галина Витальевна рано ушла от нас.

Долгие годы заведующим кафедрой русского языка был Николай Михайлович Андреев. Он не был моим преподавателем. Николая Михайловича я узнала, когда пришла работать на кафедру. Именно он пригласил меня сюда работать, за что я ему благодарна. Николай Михайлович по-отечески ко мне относился, да не только ко мне, а ко всем членам кафедры, всегда мог успокоить, дать ценный совет. Он знал всех членов семьи работников нашей кафедры, был в курсе почти всех наших проблем. Может, поэтому у нас на кафедре не было конфликтов, а были ровные, «семейные» отношения. После ухода Г. В. Дагурова Николай Михайлович остался у нас на кафедре единственным мужчиной, и мы это мужское внимание всегда чувствовали: он нам делал комплименты, хвалил нас; если необходимо было, то и ругал. Мы никогда не обижались на него, всё это было по-доброму.

Несколько слов еще я хотела бы сказать об Анне Ивановне Сачковой. Близко я её узнала, когда пришла работать в институт. Это человек большой эрудиции. Если мне необходимо было что-то узнать, уточнить, я всегда обращалась к ней. Она могла проконсультировать по любому вопросу: какой учёный и где по данному вопросу писал, в каком учебнике это можно посмотреть. Хочется отметить, что Анна Ивановна – очень скромный человек.

Мои институтские фотографии напомнили мне студенческие годы, преподавателей, которых я помню и люблю. Они для меня были

не только учителями, но и добрыми коллегами. Я не называла их учёные степени, должности, для меня это не так важно. Они многое мне дали в профессиональном, да и в человеческом плане, я благодарна им и буду всегда помнить.

В. К. Широков

Тогда всё было по-другому

Вспоминая жизнь факультета 80-годов, поймал себя на мысли, что множество событий, имён и реалий того времени мною напрочь забыты. Надо было начинать тогда, по горячим следам, брать на карандаш все интересные свежие впечатления, которые теперь уже выветрились из памяти. О юности принято вспоминать с чувством ностальгии. А эти заметки будут просто показаниями свидетеля-очевидца, который оказался в определённое время в определённом месте, кое в чём был замешан, а кое-что и делал собственноручно. Начать надо так: тогда всё было совершенно по-другому. Считалось, что народ и партия, орлы и куропатки, волки и овцы, толстые и тонкие, отцы и дети – едины. Все, конечно, *проходили* в школе знаменитый роман Тургенева, но предпочитали смотреть на конфликт в нём как на частный случай. Хотя и то, что никто из иностранцев не может похвастаться тем, что у него реальная жизнь так переплетена с литературой, тоже всем было известно.

В целом же мы жили более или менее дружно и одинаково: одни и те же четыре канала по телевизору, примерно одна и та же музыка по радио, одни и те же фильмы в кинотеатрах и книги в библиотеках. Государство решало, что надо читать, что слушать, куда ходить, где и как развлекаться.

Страна, в которой мы родились, без малого семьдесят лет была изолирована от всего мира, даже от мира культуры, и сравнить, то есть реально оценить, нашу жизнь было не с чем. Преодолеть изоляционный слой было непросто, но возможно. Одним из способов такого преодоления культурных и идеологических границ было радио – *вражьи голоса* («Голос Америки», «Би-Би-Си» и др.), с трудом пробивавшиеся сквозь советские глушилки. Кроме свежих новостей, раз-

личных аналитических обзоров, музыкальных программ, *голоса* делали блестящие литературные передачи: читали всё, что невозможно было представить себе напечатанным в СССР: Солженицына, Шаламова, Светлану Аллилуеву и совсем уж безобидных Пастернака и нашего (об этом я позже узнал) *почти однокашника* Венедикта Ерофеева... Читать мне всегда нравилось. Не скажу, что особо интересовала жизнь русского языка или привлекала работа со словом, никакой страсти к филологии не было, но делиться с кем-то мыслями об услышанном всё же хотелось...

Было понятно, что не я один такой странный. И вот в один прекрасный момент у меня произошло знакомство с... Сейчас это называется *тусовкой*. Тусовка была как раз околотитературной и брала свое начало от филологического факультета тогдашнего КПИ. Ребята сразу показались мне мыслящими нестандартно, творчески и свободно. Сейчас уже не секрет, что филфак, в отличие, скажем, от истфака, выпускавшего не только историков, но и будущих комсомольских фюреров и массовиков-затейников, был либеральным и каким-то оппозиционным... Все эти встречи закончились поступлением на подготовительное отделение (рабфак) КПИ. Тогда такой *уход* от обыденности был продиктован мыслью о том, что если весь мир не изменить, то можно изменить маленькое пространство вокруг себя и организовать его так, чтобы самому в нем было комфортно.

Начавшиеся занятия в институте и сама атмосфера этого заведения школу уже не напоминали. Почти каждый день приносил какие-то маленькие открытия. Я с огромным удовольствием вспоминаю этот ликбез: со сосредоточенностью и серьёзностью не по годам А. В. Кулагина, весёлостью и прибаутками Л. А. Черновой... Но вспоминается и что-то другое, например, знакомство с как будто бы совсем неприметным Сашей Лешевичем, только что приехавшим из Белоруссии, который случайно услышал на перерыве разговор *подготовишек* об Эйнштейне. (Сейчас думаю, почему об Эйнштейне? Или просто теория относительности всегда имела отношение к вероятностям реальной жизни?) Саша безапелляционно заявил: «Да... Теорию относительности надо изучать... Только не по Эйнштейну,

а по Августину Блаженному». Было неясно, но убедительно, я тогда в такие тонкости не вдавался, но почувствовал себя несколько недоразвитым. Кроме этого, присутствовало здесь что-то такое, к чему наш среднестатистический человек совсем не привык, не было обычной *нормальности*, к которой большинство стремилось и до сих пор стремится. Вот под знаком такой некоторой *ненормальности* и прошли четыре года на филологическом факультете.

1 сентября 1983 года я стал студентом, но этот день вошел в историю по другой причине. Ранним утром пилот советского перехватчика отправил на тот свет 246 пассажиров и весь экипаж южнокорейского «Боинга-747», нарушившего воздушное пространство Союза. Руководство нашей страны уничтожение самолёта сперва вообще не признало. Мир же бурлил: в США и Корее жгли советские флаги, а из передач *с того берега* можно было составить хорошее представление о развитии не только этой истории, но и всей современной авиации со всеми её радиолокационными системами... А у нас – по-нашему: рабочие собрания с осуждением клеветников. «Краска стыда вся ушла на флаги», – скажет о таких случаях Иосиф Бродский. И в первые же дни сентября произошло искушение: профессор К. Г. Петросов, возглавлявший общественно-партийную жизнь факультета (или какую-то отрасль этой жизни?) и проявлявший в связи с этим некоторую горячность, увидев меня, празднично курящего на лестнице четвертого этажа (представьте, тогда там была филфаковская *курилка!*), попросил вдруг выступить на общеинститутском собрании и, как все советские люди, осудить и заклеить происки *американской военицины* от имени студентов филфака. Не помню, как, но всеми правдами и неправдами пришлось Петросову отказать. Сейчас мне кажется, что профессорская горячность происходила всё же не от истинной большевистской ревности, а просто принадлежала к другим забавным чертам его характера, иначе он бы просто донёс *куда надо*, как это порой беззастенчиво делали некоторые преподаватели. Константин Григорьевич всё понял, хитро прищурился и откровенно спросил: «Зачем донкихотствуете?..»

Как происходило знакомство с факультетом и его обитателями? Старшекурсникам было, конечно, интересно, кого, как и почему в этот год занесло на филфак. Они были уже маститыми и стремились понять, с кем рядом им предстоит учиться, что стимулирует юношу заняться немужским делом? Уже потом я понял, что существовал ряд неписанных правил для определения *профпригодности*, эдакий *тест-драйв*. Чтобы стать интересным собеседником, важно было иметь если не собственное мнение о чем-либо и некоторую смелость это мнение высказывать, то хотя бы познания, несколько выходящие за рамки школьной программы. Старший должен был понять, с кем ему предстоит общаться, какие темы волнуют новобранца, а новичок – не стесняться, но и особо крутого из себя не строить. Так для меня первой и одной из самых замечательных встреч, случившихся за годы студенчества, стала встреча с Андреем Фёдоровым. Диалог в перерыве начался в привычном для филфака ключе:

– Что читаем?

– «Илиаду»...

И совсем неожиданно:

– Ты «список кораблей прочёл до середины»?

– «Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный»?..

Бульварный романист продолжил бы примерно так: «Мы посмотрели друг на друга... Иногда глаза могут сказать больше, чем слова. Мы всё поняли».

Тогда такие аллюзии и упоминание одиозных имен почти ментально рождали бурную ответную реакцию, да и двадцатилетние люди обычно говорят слишком эмоционально, торопятся поделиться своими мыслями и чувствами. Фёдоров же всегда говорил твёрдо и спокойно, как человек, прошедший длинный жизненно-читательский путь. Эмоции в нем просыпались лишь тогда, когда прочитанное его по-настоящему веселило так, что ставило в тупик; он врывался в курилку и без всяких предисловий кричал: «Возьмите табун лошадей – полнейший коммунизм! – Герцен!» А потом улыбался улыбкой, в которой было всё: и добродушие, и жизнелюбие, и лёгкое подтрунивание над собеседником, собой и предметом беседы. Андрей был одним

из самых созерцательных и ленивых людей филфака, свойства бурной фантазии реализовались у него не в полной мере, и жаль, что многие его творческие задумки остались задумками. Обчитавшись популярным тогда Маркесом и его киргизским двойником Айтматовым, он захотел было создать роман-миф по мотивам горьковской «Матери», посмеяться над одним из главных постулатов социалистического реализма и показать героя в его революционно-диалектическом развитии на фоне русского сказочно-былинного эпоса: вот, мол, поглядите, откуда у Павла Власова ноги растут.... Почему-то у Фёдорова он должен был работать на южно-американской плантации...

А ещё Андрей навсегда обессмертил своё имя тем, что битый час (!) рассказывал *самому* Ингеру содержание «Саги о Форсайтах» так, что маститый «зарубежник», который *раскалывал* нечитающих *на раз*, никак не мог понять, читал Фёдоров Голсуорси или нет? И только тогда, когда лазеек для импровизации практически не оставалось, Фёдоров, как всегда добродушно улыбаясь, признался, что саму «Сагу» никогда и в руках не держал: «Пока всё это прочитаешь, можно самому не меньше написать...», – процитировал он Пастернака. «Я такого самоуверенного нахала никогда прежде не видел», – долго потом вспоминал экзаменатор...

Не помню как, но у нас почти сразу склототилась такая *могучая кучка* понимающих друг друга с полуслова молодых людей со своими, отличающимися от общепринятых, понятиями из области мировоззрения, вкуса, поведения, юмора. Понятия эти выглядели довольно тонко, но никогда не приходилось их друг другу объяснять, само собой в простом общении происходило разделение на *наш* — *не наш*. Может быть, внешне это выглядело так, что мы немного выпадали из общей массы и хотели знать и говорить о чем-то большем, чем книги Мориса Дрюона и песни Иосифа Кобзона. Было это нетипичным для той части общества, которая привыкла судить о мире по программе «Время»: вопрос вставал о *собственной* системе ценностей, ином образе мыслей, отличном от того, что навязывала нам власть, от которой ничего, кроме лжи и подавления инакомыслия, ждать не прихо-

дилось. Тогда нужно было быть политически подкованным, а мы эту догму бойкотировали и были аполитичными. В политике, тем более в *тогдашней* политике нашей державы мы не видели ничего честного, только тотальную несвободу и неправду, и искренне верили, что у власти, врущей всему миру и своим подданным, просто не могло получиться ничего хорошего. В то время записывали в *леваки* всех тех, кто уклонялся от общепринятых догм – принципа социалистического реализма, например. Такие люди вызывали сочувствие и симпатию за свои убеждения. Но мы не были политизированы, наши разговоры не были антисоветскими или антикоммунистическими, они были просто несоветскими, то есть не очень походили по духу, настроению и чему-то еще на то, о чем говорилось обычно и повсеместно. Мы рассуждали об отчуждении и конформизме, о предательстве и верности, о Боге и любви, лицемерии и фарисействе, о смысле жизни, а говорить на эти темы было не то чтобы недопустимо, но как-то не приветствовалось. Мы ощущали себя молодыми, одухотворёнными, свободными и слегка безбашенными. Если вся страна пела песни Антонова и Добрынина, то мы пели Галича, которого все знали, но петь не решались, или сатиры Саша Чёрного, или лирику Окуджавы, которого тоже почему-то гнобили.

Сейчас феномен таких *кухонных посиделок далеко за полночь* ушел в небытие, никакого андеграунда давно нет, да и само (условно говоря) движение протеста чудовищно измельчало: оно, как и многое в современной России, стало движением финансовых вливаний и технологий...

Почти на всех *мероприятиях* присутствовало спиртное, но пили мы очень мало, было интереснее обмениваться какой-то новой информацией, чем просто напиваться... Правда, в те далекие времена аккурат напротив института находилось студенческое кафе, и не было ничего зазорного в том, чтобы на большой перемене пропустить кружку пива. Изредка, обычно *со стипендии*, как будто для того, чтобы развеять миф средств массовой информации об образе идейно убеждённого и решительного современного молодёжного героя, могли отправиться пить пиво на «Байконур» – была такая чудесная *забе-*

галовка, пристроенная к магазину «Космос» на улице Гагарина. Сейчас, наверное, тоже необходимо объяснять, что тогдашние *забегаловки* были не просто питейными заведениями, а представляли собой в некотором роде небольшие пункты непослушания власти. На «Байконуре» был свой мир, кипела своя жизнь, существовали свои отношения, не было никаких лозунгов и пропаганды, собирался со всюду кипящихстроек социализма простой люд и говорил о своём: футболе-хоккее, тещах-жёнах-любовницах и прочем имуществе. А мы и там искали не только развлечений. Основным мотивом нашего общения была острая потребность в информации и обмен мнениями: мы слушали, обогащались и просвещались.

Любили читать; сейчас это уже может показаться странным. Всеобщее предпочтение отдавалось почему-то Достоевскому, а из иностранной литературы опять-таки ценилось то, что каким-то образом печаталось, но чтение всего этого не приветствовалось, был такой советский феномен – *разрешённость в смысле незапрещённости*: книги Камю, Сартра, Сэлинджера...

Иногда речь в наших беседах заходила о вещах специальных и специфически-серьёзных: если, скажем, существует жанр повести, может ли существовать самостоятельный жанр «петербургской повести»? Или: если наличествуют проблемы поэтики названия произведения, то почему не может существовать поэтика отсутствия названия произведения, например, в лирике Фета? И все это базировалось не на алкогольном опыте...

Несмотря на всю схожесть, одинаковыми мы всё же не были. Всплывает в образе первокурсника мой однокашник Михаил Арензон, не набравший баллов для поступления на истфак и оказавшийся на филфаке. Он сперва казался чуть подозрительным, отличался тактической вдумчивостью и стратегической раздумчивостью, но после общения со старшекурсниками и лёгкой идеологической *перековки* под всеобщее одобрение заявил о своём нежелании становиться историком. Более того, вскоре он стал делить всё человечество на людей и чекистов, а литературу – на советскую и антисоветскую.

Вспоминается Игорь Шах-Назаров, *простой советский парень-шах*, по определению одной сокурсницы, самая колоритная и независимая студенческая фигура факультета. Почти всегда громкий и возбуждённый, эгоцентричный и жизнедеятельный, заставлявший всё вертеться вокруг себя, с трудом переносивший ситуации, когда его мнение расходилось с общепринятым, до невозможности упёртый, с налётом наивной детскости, он всегда был твёрд и честен в своих убеждениях, не шёл ни какие компромиссы с кем бы то ни было и себя не продавал.

Как в любом вузе и у любых студентов, предметы у нас делились на любимые и нелюбимые. Науки *точные* были нелюбимы – педагогика, психология, гражданская оборона... К ним же примыкал *неточный и никчёмный* общественно-политический курс лженаук – от истории КПСС до *научного коммунизма*. С предметами языкознания у всех были ровные отношения.

Самым ярким и любимым стало то, что относилось к литературе, она завораживала больше всего и сразу. Конечно, благодаря своей кафедре и её преподавателями. Сказать, что они сразу поразили всех широтой своих знаний, было бы правильно, но недостаточно, потому что не только широта знаний определяла всю их значимость. Каждый из них был по-своему индивидуален и неповторим (есть такая метафора об изюминке).

Взять хотя бы уже упоминавшегося К. Г. Петросова, который с первых дней стал читать курс введения в литературоведение. Первое, на чем останавливался глаз – на какой-то кажущейся нелепости, которой у профессора было отмечено почти всё: взгляд, походка, осанка, голос... Даже манера чтения: он начинал кричать, как на пожаре, в тех местах, которые казались ему чрезвычайно важными в смысловом отношении. Главным в его чтении было – говорить страстно о том, к чему сам он не был равнодушен; на девушек, которые составляли большую часть аудитории, это производило сильное впечатление. Он бойко, почти остервенело, сшибал лбами теоретиков одного лагеря с теоретиками другого, объясняя вчерашним десятиклассникам, чем, например, отличается рассказ от новеллы или фабу-

ла от сюжета. Похоже, он относился к тому типу литературоведов, которые искренне верят, что своими трудами они как-то помогают читателю понять произведение... Ещё профессор запомнился тем, что знал несметное множество стихов на все случаи жизни и готов был декламировать их постоянно. Иногда, процитировав строчку, хитро улыбаясь, спрашивал: «Вы знаете, откуда это?» и читал минутную продолжение, порой пугая неподготовленного слушателя манерой своего чтения, несколько странной, напоминающей шаманские заклинания.

Заведующий кафедрой литературы профессор Георгий Васильевич Краснов, в отличие от своего коллеги, как будто вообще не любил говорить. Его не привлекали и мелкие теоретические разборки Петросова, он мыслил по-своему, более крупными блоками. Хотя, помнится, сама поэтика мелкой детали-жеста-привычки его всегда вдохновляла, а параллели, которые он по этому поводу приводил на лекциях – изумляли: «...значение жеста, привычки... Есть у меня в Москве один знакомый литературовед. Дом – полная чаша, званые обеды, коллеги, беседы... А в финале, какие бы гости ни сидели за столом, он собирает со стола в ладонь все крошки и отправляет их себе в рот... Лагерная *при-выч-ка*...»

Краснов впервые появился тоже на первом курсе, но как-то случайно: его попросили заменить отсутствующего преподавателя и рассказать новичкам что-нибудь о литературе и чтении вообще и о кафедре литературы в частности. Первая красновская фраза до сих пор звучит у меня в ушах: «Э-э-э... Тэ-тэ-тэ... Круг чтения не может быть ограничен...» Многих это насторожило. Потом смысл рассказа стал как-то ускользать. Говорил профессор афоризмами и был часто парадоксален, а то, *как* говорил, едва ли не всем показалось абсолютным косноязычием и полубессмысленным лепетом; на таком фоне даже начавшиеся лекции доцента А. П. Ауэра, несколько суховато-академические, показались высоким *штилем*. А речь у Г. В. шла о вещах важных: о том, что такое *литература*, что надо начинать читать уже не так, как учили в школе: «—А душу твою люблю...» – бестселлер у наших читательниц, момент метаморфозы среднего образо-

вания. Его автор, Кузнецова, – жена Генерального секретаря нашей литературы Маркова, она претендует на лавры Тынянова, а пишет, как... жена генсека; все её попытки литературизироваться довольно жалкие. Не *биография* Пушкина её интересует, а сплетни вокруг его жизни. Литература в её книге отсутствует».

Красновские *глубины* многим тогда показались *ямами*, поэтому, когда он позже пришёл читать нам историю литературы, его лекции аудиторией воспринимались неоднозначно, то есть не многим они нравились, многие и вовсе перестали их посещать. В отличие от *поэтического* Петросова, с массой его эмоций, художественной лиричности-метафоричности, у Краснова был острый критический ум реалиста. Его занятия наполнялись повседневностью и типичными её персонажами: «Ещё о чтении: едет в электричке человек и читает –Человек и Закон”...» Боюсь, сейчас этот юмор уже не понять... Не боялся он заводить слишком смелые речи, надеясь, что его понимают, рассуждать о том, о чём во всеуслышание говорить было не принято и небезопасно: «Повесть Толстого –Жазики”»: больше роты не дадут, дальше Кушки не пошлют... – Сейчас посылают и дальше...» (откровенный намёк на афганскую войну). При мысли: «Толстой ненавидел свой строй больше, чем все братья Ульяновы» все должны были вспомнить *девичью* фамилию Ленина. А уже под занавес своего курса, когда ещё и Солженицына у нас не напечатали, он выдал (не помню, по какому поводу): «Земля держится не на Лениных, а на Матрёнах и Шуховых!»

Видимо, Краснову, как любому крупному специалисту своего дела, надоедало говорить только о своём деле. Он вёл очень активный образ жизни (поездки, конференции, защиты), встречался с различными людьми, читал газеты, ходил в кино, и об этом ему порой бывало говорить не менее интересно, чем о филологии.

Методика чтения лекций, их стиль и композиция были тоже своеобразны: двумя- тремя яркими и ёмкими фразами лектор высказывал массу нужных и полезных соображений. Иногда казалось, что постановка проблемы для него была важнее решения. «Что же это

за исследование, если заранее известен его результат?» – спросил он однажды.

От студентов много не требовал: ему было достаточно минимального умения формулировать несовершенные студенческие мысли. Приветствовалась способность быстро понять суть решаемого вопроса и быть готовым к его немедленному обсуждению: профессор страстно любил футбол, поэтому скорость реакции и некоторая импровизация тоже поощрялась. Каких-то объёмных отчётно-курсовых работ он делать не заставлял, любил жанр рецензии: на двух-трёх страничках надо было точно сформулировать свои и чужие мысли, что было тоже не очень просто. Мне приходилось наблюдать, как он просматривал эти опусы: выуживал основную идею работы, заглядывал в библиографию... Думаю, что ему было этого достаточно, чтобы понять, какими путями студент пришёл к своим выводам.

Конечно, студентов трогала его демократичность и приветливость в прямом смысле этого слова: учёный с мировым именем на почтительное молодёжное «здравствуйте» улыбался и всегда отвечал: «Привет!» Трогала и искренняя готовность помочь почти незнакомому человеку. Видя заинтересованность студента и понимая отсутствие возможности ознакомиться с чем-то особо интересным в библиотеке, Краснов мог запросто одолжить собственную раритетную книгу или журнал, изданный за рубежом, их он сумками носил на лекции.

Думается, что не только его учёность, научный талант, но и эта отзывчивость, искренность, простота и непринуждённость, полная свобода, научный альтруизм, умение щедро делиться не только книгами, но и мыслями (тут надо вспомнить, что в конце жизни он и в своей квартире основал творческую мастерскую) сыграли не последнюю роль в создании того, что стало называться *красновской школой*. Огромное количество учеников, вдохновлённых Красновым и уже весьма известных, работают по всему свету.

Нам довелось немного послушать одного из них, тогда еще доцента, В. А. Викторовича, сумевшего найти свой вектор и сегмент на кафедре. На своих занятиях он давал возможность следовать за развитием своей мысли, иногда очень дерзкой, вступать с ним

в диалог. Владимир Александрович всегда демонстрировал тонкую работу над текстом, очень дотошный и оригинальный анализ. Из карточек с заметками, которые он постоянно держал в своих руках, постепенно складывалось строение, наполненное живыми выводами и новым пониманием смыслов как будто уже давно и хорошо знакомого произведения.

Ещё один тип преподавателя являл собой легендарный доцент Айзик Геннадьевич Ингер. «Есть такое *явление* на кафедре...», – сказал о нём во вступительной беседе Краснов. В стиле своего поведения и общения, в личных чертах он весьма отличался не только от коллег по кафедре, но и от всех своих коллег вообще. Если бы составлялся какой-нибудь парад популярности преподавателей факультета, то Ингер, безусловно, возглавлял бы его чаще других. Он постоянно обращал на себя внимание и больше других приковывал к себе любопытство публики: вокруг него всегда собирался круг полунапуганных и почти обожествлявших его обожателей. Тогда, да и сейчас, сквозь эту толпу трудно было понять, что находится дальше, внутри круга, и даже посвящённый Ингеру прекрасный мемуарный сборник показывает его (на мой взгляд) несколько однобоко по все той же причине тотального поклонения и обожания. Не помню, кто из философствующих эстетов говорил, что при объективном освещении чего-либо оно убывает в понятии. Здесь как раз этот случай...

Если человек уже тогда был одет немного не так, как все, ходил в дорогом импортном плаще, носил необычный шарф и выглядел по тем меркам несколько необычно и экстравагантно, чуть ли не как Харрисон Форд / Индиана Джонс, неповторимо жестикулировал, да к тому же и окончил театральный институт, его природный артистизм уже начинали называть актёрством. Кроме этого, А. Г. в совершенстве обладал отточенным и язвительным языком, умел облекать свои сентенции в особую непередаваемую художественную форму, и его высказывания сразу становились достоянием филфakovской общественности. Был доцент эдаким кафедральным хитмейкером парада остроумия и *школы злословия*, всяких местных острот. *Выражансы* (его собственный термин) быстро становились кры-

латыми и переходили из уст в уста. Нельзя не учитывать и того, что обладал он и довольно скептическим взглядом на мир и его нравы, на человека вообще. Как-то обмолвился (по ТВ тогда началось так называемое реалити-шоу «За стеклом»): «Каждый раз, когда наблюдаешь за людьми из-за стекла и смотришь, как они реально говорят и что они реально из себя представляют, понимаешь, что средний человек всегда гораздо ниже среднего».

У кого-то могло сложиться впечатление о его постоянном стремлении ужалить и даже унижить собеседника, поставить его на ступеньку ниже. Поверьте, это был всего лишь печальный взгляд на мир и его обитателей человека, который, несмотря на постоянное окружение восторженной публики, коллег и студентов, был глубоко одинок. Такое *публичное одиночество* порой заставляло его делать необычные признания. Однажды (в это время в Британии клонировали овцу и заговорили, было, о клонировании человека) он вдруг неожиданно проговорился: «А что, наверное, неплохо приобрести каждому своего абсолютного двойника?.. Думаю, мне самому с собой было бы интересно...»

То ли круг авторов и книг, над которыми он работал как переводчик и комментатор, сделал взгляды А. Г. такими мрачными, то ли ему, изначально мрачному от природы, был интересен этот круг, сейчас сказать уже нельзя. Но то, что ему нравилось *общаться* со специфически-ядовитыми Свифтом и Голдсмитом, никто отрицать не будет. Венчал их компанию в конце жизни Бёртон, верх желчности и скрупулёзной въедливости, с его «Анатомией меланхолии». Интересно, что и сам А. Г. тонко воспринимал чужое *острожелчие*, а порой видел его там, где никому и не приходило в голову искать: даже в музыке, которую понимал очень лично. Так, слушая квартеты Шостаковича, он неожиданно заметил: «Вот этими диссонирующими и как будто подсмеивающимися скрипочками Дмитрий Дмитриевич хочет сказать (слушателю?): как я вас всех ненавижу!!!»

Конечно, порой он был слишком резок, порой не очень разбирался в создавшейся конфликтной ситуации, но его обожатели были даже среди тех, кого он таким образом воспитывал, резко ставил

на место, и чаще – справедливо. Даже ингеровское скептическое остроумие обожали и пытались его скопировать и ему подражать. Чаще – неудачно... «Есть остроумие, а есть остроумствование», - произнёс однажды А. Г.

Главными грехами *против Ингера* были леность и упрямство, особенно – закоснелость в них. Не признавал он и никаких компромиссов, продажничество и торговлю своими принципами, приспособленчество и разного рода махинации: тут включалась знаменитая ингеровская твёрдость, он мог просто выйти из себя. Но, несмотря на всё своё кажущееся *жестокосердие* и *человеконенавистничество*, на весь шум и скандалы вокруг переэкзаменовок, он никому не желал и не творил зла, просто делал для себя некоторые выводы о нерадивом студенте или непорядочном преподавателе, и последний попадал в ряд *неинтересантных*.

И всё же А. Г. совершенно искренне интересовался жизнью вверенных его попечению людей, проявлял о них почти отеческую заботу. Мелочь, конечно, но он считал своей кураторской обязанностью навестить попавшего в больничный стационар студента... Других преподавателей в таком деликатном деле я представить себе не могу.

Метод построения ингеровских лекций был глубоко продуманным, и выглядели они образцово-показательно: свои мысли он излагал в строгом порядке, без лишних слов и почти без лирических отступлений. Всё было заранее и чётко выстроено: его словесный поток представлял собой отрезки разной эмоциональной окрашенности; как мастер своего дела А. Г. прекрасно понимал, что ровной монотонностью аудиторию не удержишь. Он точно знал, где и в каком месте можно ослабить жар своего повествования, а где подбросить угольку, где сыграть пиано, а где синкопированное форте. Благодаря таким контрастам, аудитория не уставала слушать даже о вещах довольно скучных, об эпохе Просвещения, например. Да и самому ему чтение лекций, похоже, доставляло удовольствие. В отличие от романтика Петросова и реалиста Краснова, Ингер порой привносил в свои лекции оттенок какого-то *низменного* реализма. Скажем, кто ещё, кроме него, мог потревожить *скелет в шкафу* – тему секса? Сейчас – ничего

особенного, даже слово «секс» никого не шокирует, а тогда все это было очень серьёзно по простой причине, что говорить на эти темы у нас было опять-таки не принято.

И еще об одной черте личности А. Г. Эпоха застоя была временем, когда все якобы вставали на трудовую вахту, перевыполняли планы, с огромным воодушевлением встречали решения съездов. В это же самое время все понимали, что на самом деле всё обстоит не совсем так, и в меру дозволенного подтрунивали над этим. Ингер тоже относился ко *всем*, и его эта фальшь безоблачности тоже сильно задевала, иногда он просто *не мог молчать*. Хорошо известна была его жажда высказываний на темы современности в слегка завуалированной форме, попытка провести параллели и сравнить положение людей разных эпох, сделать при этом очередной неутешительный вывод о природе человека и насилия над ним, продемонстрировать свои убеждения о честности, порядочности, создать общественно-политический подтекст. Не только в лекциях, но и в его сугубо научных трудах можно найти достаточное количество выпадов в адрес системы. Он рассказывал (в шутку ли, всерьез?), что после выхода в свет «Писем китайца» Голдсмита с обстоятельной статьей, окрашенной в остропублицистические тона и волей-неволей заставляющей задуматься о *веке нынешнем и веке минувшем*, многие ознакомившиеся с ней спрашивали у автора при встрече: «Как, Вы ещё на свободе?» Похоже, что его самого забавляли такие игры в кошки-мышки с цензурой и редакторами, виртуозное лавирование на грани дозволенного, полуэзоповский язык, тонкая ирония в адрес *власть предержащих*. Даже в предисловие к безобидному «Айвенго» А. Г. ввернул несколько пассажей, вызывающие *определённые ассоциации*: слова Пушкина об отсутствии у Скотта «холопского пристрастия к королям и героям», о «справедливом» финале романа и о том, что «в жизни, как известно, подобные сюжеты далеко не всегда завершаются столь утешительным образом». И совсем головокружительную для тех времен мысль: «... в жизни всё обстоит сложнее не только потому, что хорошие люди нередко погибают безвинно, а негодяи благоденствуют, но ещё и потому, что исторический про-

цесс неумолимо сметает целые сословия и классы, не считаясь с нравственными качествами отдельных людей». Сейчас многим это может показаться мыслью заурядной, но, поверьте, чтобы (даже за-камуфлированно) высказать такое в 1985-ом, надо было обладать некоторой смелостью. Уже позже я спросил о слегка издевательском подтексте его предисловий-послесловий. «Чтобы не было стыдно читать то, что написал», – ответил А. Г.

Он не переносил, когда его лекции пропускали, никакого учёта не вел, но обладал такой памятью, что на экзамене всегда подкидывал вопрос из того материала, который нерадивый студент пропустил. На его *выступления* ходили студенты и других факультетов, на языке чекистов это называлось *нездоровым интересом*.

Тяга к учительству и воспитанию, похоже, была у него в крови. Ингер был прирождённым педагогом, *беспощадным в своем желании* не только обучить, но и воспитать эстетически, привить вкус к прекрасному в соответствии со своим представлением о прекрасном. Когда пропагандировал свои вкусы, спорить с ним было совершенно бесполезно, он был упрям: искренне считал, что многим в детстве не прививали и не привили вкус, не научили отличать хорошее от плохого. Это касалось не только литературы, но и живописи, и любимой музыки. Занявшись раскруткой и работой по переизданию исполнений обожаемой им пианистки Марии Гринберг, музыканта действительно блестящего и незаслуженно забытого, он всех остальных... ни во что не ставил. На простую реплику: «Но ведь не одну Гринберг не переиздают, и Юдина, великая пианистка, не переиздана...» – он мог смертельно обидеться и начать доказывать, что Юдина, «как Вы это не понимаете?!?» – это всё же немножечко не то...

Такое своеобразное умение пропагандировать свои вкусы, попытки как-то воспитать, расставить точки (дескать, это – нравственно и духовно, а это – уже не очень), видеть и чувствовать пошлость в разных явлениях и по-своему (даже допытываться на экзамене: «Дайте-ка мне, голубушка, определение пошлости!»), некоторая

упёртость делали его личность ещё более неординарной и неповторимой.

Теперь уже думается, что на 80-е годы пришёлся один из самых высоких моментов взлёта филологического факультета и его лучшей кафедры, что нам посчастливилось пребывать в институте именно в это время и именно тогда получить там не только то, что касается словесности. Сейчас, когда и *первой тройки* уже нет, отчётливей понимаешь, что они были отменным ансамблем, а не солистами в сопровождении краснознамённого хора. Что при всей их близости и доступности нам и при всём благоговении к ним, при всём осознании их значимости, всё величие своих преподавателей в полном объёме мы, пожалуй, не ощущали. Теперь только, когда уже не встречаешь ничего равного, с опозданием понимаешь всю монументальность тех, кого нам довелось слушать, и того, чему они нас научили или пытались научить. Правда, сейчас я отношу себя к тем, которые считают, что научить никого ничему нельзя, можно только направить учащегося в какое-то русло, дать ему понять, *как* устроен процесс обучения и само знание изнутри, наставление о том, *как* надо учиться... И всё это – тоже благодаря своим преподавателям – вместе с другими уроками человеческого опыта, понимания различных ситуаций и моделирования собственного поведения. И от себя, и от имени всех моих однокашников надо поклониться тем, с чьей помощью мы эти законы постигали.

Было бы несправедливым не поклониться и тем, которые пытались уничтожить смысл нашего поступления на филфак и чистые мечты об изучении чистой словесности, и им мы должны поклониться за постижение и приобретение знания *от противного*.

Даже Капитолине Васильевне Марковой, незабвенной преподавательнице истории нашей ненавистной партии, которая тряслась от гнева к инакомыслию, но была забавно-искренней: то ли своей вошедшей в общефакультетский оборот «красной нитью от печки», то ли головокружительными сальто с объяснениями, почему по решению одного съезда социализм в нашей стране построен окончательно и почти целиком, но не полностью, а другого – целиком и полностью,

но не окончательно и бесповоротно, то ли просто неумением паковать ближним, что по тем временам было уже немало.

Даже преподавательнице научного атеизма (забыл имя-отчество) Ермоловой, с первого до последнего занятия пытавшейся нам объяснить, почему её атеизм называется научным, но так и не сумевшей это сделать.

Даже главной педагогине Ирине Иосифовне Левиной, убийце нервных клеток, находящейся в состоянии холодной войны всегда и со всеми, ярость лекций которой носила какую-то сексуально-патологическую окраску, питавшей нас невероятным винегретом из воспитательных идей священника Коменского, агронома Песталлоцци, фашиствующего публициста Макаренко и собственных педагогических страданий.

Даже экс-ректору Петру Ефимовичу Кряжеву с его чудовищными абстракциями на темы научного коммунизма, человеку необычайно благообразному, перед которым действительно стоит склонить голову, но которого всегда подмывало спросить: «Пётр Ефимович, как Вы, человек, измороженный этой властью и побывавший в сталинских застенках, можете быть этой властью прикормленным и избрать своей специальностью всю эту утопическую эквилибристику?»

Вот так и жили... А потом, после череды смертей *бессмертных* руководителей партии и государства, наступила перестройка, и *вихри враждебные* стихли. *Клеветнические измышления диссидентов* о преступлениях сталинизма, повальной коррупции и развале социалистической экономики стали центральными темами СМИ. Читать газеты стало интереснее, чем слушать *Би-Би-Си*, Петросов на лекциях начал рассказывать анекдоты про Берию, даже у Ингера появилась какая-то сопричастность к жизни страны. Потом повальное фрондёрство стало надоедать. Закольцовывая авиационную тему, с которой студенчество началось, надо сказать, что под занавес нашего пребывания в КПИ юный пилот-любитель из Германии посадил свой самолёт почти на Красной площади, в самом сердце нашей столицы, и никто его сбивать не стал. Что-то произошло, мир изменился, то-

тальный контроль ушёл в прошлое, наступило всеобщее игнорирование. Пришли девяностые, на смену коммунистической идеологии подспела рыночная экономика, и её реальность оказалась сильнее. У многих появилась непонятная ностальгия по советской империи и мысли о том, что надо призвать к ответу тех, кто её развалил. Я никаких ностальгических чувств не испытываю, хорошо помню советское время и считаю, что говорить о нём поколению, которое не помнит Советского Союза и вечного промывания мозгов, с чувством непонятной тоски – всё же опасно. Согласен, жить стало скучно, страна опять напоминает *союз нерушимый*, а вся многопартийность и любая партийная принадлежность является обычным брендом, даже отсутствие партийности является своего рода партийностью... Если представить невозможное – вдруг вся наша тёплая компания снова встретится, мы, наверное, соберёмся на кухне, выпьем, закурим и будем говорить о том, как гадко кругом, а люди ничего не понимают и, смиряясь, ничего не предпринимают.

Все книги, которые жадно прослушивались нами по *враждебному радио*, давно напечатаны у нас и прочитаны, в домашней библиотеке есть всё, о чём когда-то мечталось, и от многого из этого уже пришлось избавиться. Некоторый оптимизм внушает лишь то, что есть ещё книги, которые хотелось бы прочитать...

М. В. Панкратова

Не хочется расставаться...

Писать о родном факультете и о годах обучения одновременно и приятно, и очень ответственно.

Для каждого из нас институт – это особая атмосфера, широкий круг общения с интересными, в чём-то даже уникальными людьми, фундамент для самообразования, это бесценный теоретический, практический, научный и жизненный опыт, это время независимости и вхождения во взрослую жизнь.

Все мы поступали на факультет (у меня эта пора пришлась на 2001 год), лелея свою мечту. Моей мечтой было дальнейшее изучение любимых со школы предметов – русского языка и литературы, хотелось стать грамотным, начитанным человеком, развивать свои творческие способности. Думаю, что мне удалось её осуществить.

Самое приятное, с чем нам, бывшим школьникам, пришлось столкнуться, было обращение преподавателей на «вы». И с каждым курсом мы ощущали себя частью творческого, научного мира, участвуя в различных конференциях, литературных вечерах, постановках, балах... Вскоре привыкли мы и к полуторачасовым занятиям, а наши руки справлялись с нелёгким трудом стенографирования, так как всем хотелось как можно подробнее записать лекцию, особенно по зарубежной литературе у Марины Игоревны Бондаренко.

Мы смело справлялись и с огромными списками текстов, и с разучиванием конспектов, и с выразительным чтением произведений. Традиционными для филфака были встречи в читальном зале или библиографическом отделе. Порой так собиралась вместе вся группа, изучая книгу в единственном экземпляре. На старших курсах все уже постепенно «разлетались» кто куда.

Конечно, кто-то не справлялся с учебными нагрузками. Филологический – это самый читающий и один из самых сложных для обучения факультет, потому что здесь изучается много специализированных дисциплин, в которых трудно разобраться, если не иметь большого желания, подготовленности, особого склада ума. Тех, кто пытался совмещать учёбу и работу, было совсем немного.

Особое место в студенческой жизни занимает общение с преподавателями. На каждом факультете есть целый список «великих и ужасных», которые так и ждут возможности «завалить бедного студента». И у нас был свой список, который я, по этическим соображениям, раскрывать не буду. От себя лишь скажу, что всё «злодейство» этих преподавателей заключалось в их справедливой строгости, в желании сделать из нас настоящих профессионалов своего дела.

Помню, кто-то из наших преподавателей сказал: «Какие вы счастливые, вы учитесь у Айзика Геннадьевича!» И мы действительно гордились, хотя не все это осознавали, и боялись. Это был уникальный человек, невероятно начитанный, интеллигентный, с энциклопедическими знаниями и эрудицией, тонким чувством юмора. Он мог, отвечая на вопрос студента, мимоходом прочитать лекцию по истории, искусству, театру. Биография писателя всегда умещалась у него в несколько чрезвычайно ёмких по содержанию предложений, в которых он (писатель) раскрывался и как личность, и как частное лицо, и как художник слова. Могли ли мы предполагать, что «Фауста» Гете будем изучать по действиям, подробно записывая все аллегории, символы, сложные сцены!? Такое возможно только на филфаке, и только с А. Г. Ингером! Конечно, его уход потряс всех. Он преподавал до последних дней своей жизни.

Русскую и зарубежную литературу мы читали и изучали вместе с С. М. Прохоровым, М. И. Бондаренко, А. Г. Ингером, Е. В. Гришиным, А. Ю. Степановой, А. В. Кулагиным, А. П. Ауэром, В. А. Викторовичем, Г. В. Красновым, С. И. Патрикеевым (если кого-то забыла упомянуть, прошу меня извинить). Каждый из них вносил в преподаваемый им период литературы свою тональность, своё видение, свои впечатления, своего любимого писателя или поэта. Осо-

бенно нам запомнились практика – фольклорная и педагогическая по преподаванию литературы в школе, поездки в театр с преподавателями кафедры литературы.

Отдельной страницей студенческой жизни нашего факультета стало открытие в 2003 году волонтерского лагеря в селе Даровое, усадьбе Достоевских. По инициативе В. А. Викторовича, студенты-филологи стали проходить там фольклорную, диалектологическую и музейную практику, помогая также в благоустройстве усадьбы. Несмотря на то, что лагерь был основан на добровольных началах, а приезжие ночевали прямо на полу во флигеле, привыкали к нелегким бытовым условиям и капризам летней погоды, сами готовили себе еду, – желающих приехать сюда с каждым годом только прибавлялось. Были среди нашего курса и «старички» села Даровое, которые неизменно входили в состав волонтерской группы.

Нескучно учиться на филфаке! Татьяна Ивановна Кондратова, которая в то время занималась воспитательной работой на факультете, обучала нас не только выразительному чтению, но и отчасти помогала постигать азы актёрского мастерства. Мы несколько раз успешно ставили отрывок из комедии Грибоедова «Горе от ума». У нас было два варианта постановки – классическая, во фраках и пышных платьях, и современная – в костюмах настоящего времени. Это позволило нам не только глубже понять эпизоды комедии, характеры героев, но и сплотиться в дружный творческий коллектив. Кстати, навык актёрского мастерства пригодился и в педагогической работе: некоторые из наших выпускников ведут театральные кружки.

По дисциплинам кафедры русского языка нам не нужно было читать огромных списков литературы, за исключением, конечно, классических работ по лингвистике и учебников, но были сложные для усвоения предметы – «Старославянский язык», «Древнерусский язык». Старшекурсники пугали страшными словами «палатализация», «монофтонгизация дифтонгов» и им подобными... Когда мы впервые увидели текст на старославянском языке и попытались его прочесть, почти каждый находился в состоянии шока – неужели это наш язык? Да, было сложно, но безумно интересно.

Благодаря Л. Н. Костяковой, О. Г. Комаровой, Е. А. Леонтьевой, Н. А. Ерошкиной, А. Ю. Козловой, Л. А. Черновой, И. Н. Политовой, М. А. Дубовой и другим преподавателям мы изучали различные аспекты и разделы языкознания. Главное, что с нами работали профессионалы своего дела, специалисты именно в данной области языка.

Поверьте, хочется сказать несколько слов о каждом преподавателе, но для этого пришлось бы написать целую книгу. Лично я (без сомнения, к моим словам присоединятся и студенты нашего курса!) благодарна каждому преподавателю, работавшему с нами, за их труд и удивительное свойство – влюблённость в собственный предмет. Большая часть моих однокурсников так или иначе связали свою жизнь с образованием – устроились в школу, колледж, детский сад.

Мне же образование, полученное на филологическом факультете, позволило окончить аспирантуру, защитить диссертацию по любимой поэзии (спасибо моему научному руководителю, идейному вдохновителю, преподавателю с невероятно сильной энергетикой – Любови Афанасьевне Черновой!), устроиться на работу в родной институт. И несмотря на малочисленность юношей (правда, нам досталось невероятное по меркам филфака число молодых людей – целых 4!), именно среди студентов нашего факультета и нашего курса я нашла своего мужа, обрела семейное счастье.

...Пять лет пролетели незаметно. Что для меня означает «филологический факультет» тогда и сегодня? Время и место, с которыми не хочется расставаться.

Фотоальбом

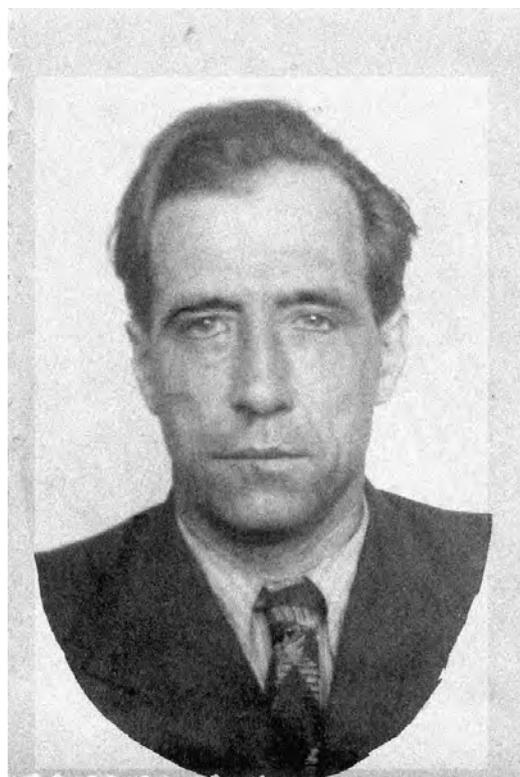
*Здание МГОСГИ (ул. Зелёная, 30),
на четвёртом этаже которого располагается
филологический факультет*

В этом здании (ул. Зайцева, 11) факультет – и весь институт – работал до 1966 года.

И. В. Сухотин

Г. А. Шпеер

Педагоги, стоявшие у истоков факультета

Декан факультета Г. А. Шнеер вместе с участниками монтажа, посвящённого сорокалетию Октябрьской революции

Один из первых наборов филфака: первокурсники образца 1959 года

А. И. Горшков

Г. В. Дагуров

К. Г. Петросов

П. А. Руднев

А. Г. Ингер

Г. В. Краснов

В. А. Викторovich открывает Лажечниковские чтения
(справа – проректор по научной работе В. П. Савинкин). 1990 год

С докладом на Вторых Пильняковских чтениях (1991) выступает гостя из Польши –
Э. Корпала-Киршак (Ягеллонский университет).

Студенты-филологи в Даровом: благоустройство усадьбы, фольклорная практика под руководством С. М. Прохорова

Наши методисты

Л. И. Давыдкина (русский язык) в окружении студентов из Чечено-Ингушетии.
Начало 1980-х годов

Г. Н. Левицкая (литература) проводит консультацию перед педпрактикой. 2008 год

В литературных местах России

Практика в Ясной Поляне. 1978 год. Экскурсию проводит Владимир Егоров.

На псковской земле. 1989 год. Среди сидящих третья справа – куратор курса Г. Н. Левицкая, крайняя справа – студентка И. Политова (Ямщикова), нынешний декан факультета

Поэтические сборники преподавателей и выпускников филфака

Выступают студенты музыкального отделения

Факультетский театр мод «DEJA VU»

Шефский концерт в Доме ветеранов. 2011 год. Поёт Дмитрий Рыбин

Преподаватели и студенты двадцать первого века

Совет факультета. 2001 год. Слева направо: сидят – И. В. Зотова, А. П. Ауэр, А. Г. Ингер, Г. Н. Левицкая, Н. М. Андреев, Е. В. Щербакова; стоят – С. Ошкина, А. А. Алексеев, М. И. Бондаренко, Л. Н. Костякова, И. Н. Политова, С. И. Патрикеев, М. А. Дубова, С. М. Прохоров, В. А. Викторovich, Е. А. Леонтьева, Е. В. Гришин, А. Ю. Степанова, А. В. Кулагин, Т. И. Кондратова, А. Гун, Е. Г. Лысоиваненко.

Студенты выпуска 2009 года

Содержание

Филологическому факультету МГОСГИ – 60! (И. Н. Политова).....	3
<i>Труды и дни</i>	
У истоков. «Эпоха Шпеера» (А. В. Кулагин).....	25
Три кита филфака.....	38
Кафедра русского языка (И. Н. Политова).....	38
Кафедра литературы (А. П. Ауэр).....	48
Кафедра музыки (Е. В. Щербакова).....	55
Созвездие учёных.....	67
Константин Григорьевич Петросов (С. М. Прохоров).....	67
Александр Иванович Горшков.....	70
Пётр Александрович Руднев (А. В. Кулагин).....	73
Айзик Геннадьевич Ингер (М. И. Бондаренко).....	76
Геннадий Владимирович Дагуров (Л. Н. Костякова).....	81
Георгий Васильевич Краснов (С. М. Прохоров).....	84
Наше Даровое (В. А. Викторович).....	88
Факультет пишущих людей (А. В. Кулагин).....	98
<i>Из воспоминаний</i>	
Альбеткова Р. И. Счастливое время.....	113
Левицкая Г. Н. Дух уважительности.....	120
Леонтьева Е. А. Листая старый альбом.....	127
Широков В. К. Тогда всё было по-другому.....	132
Панкратова М. В. Не хочется расставаться.....	151
Фотоальбом.....	155

Художественно-публицистическое издание

В начале было Слово...
Коломенский филфак вчера и сегодня

Редакторы-составители:

Ирина Николаевна Политова
Анатолий Валентинович Кулагин

Технический редактор Т. А. Капырина
Компьютерная верстка М. Я. Сорниковой

Подписано в печать 09.07.2013. Формат 60x84 1/16.
Печ. л. 10. Тираж 500 экз. Заказ № 897

Отпечатано в копировально-множительном центре
ГАОУ ВПО «МГОСГИ»

140410, г. Коломна, ул. Зеленая, 30.
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт